

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ОЛЬГА ПАШНИНА
ВАЛЕРИЯ ТИШАКОВА

УЧЕНЫЕ – СВЕТ,
НЕУЧЕНЫЕ – СМЕРТЬ!
Академия смертей

Annotation

Когда меня оставили на второй год в Академии смертей, я и не думала, чем это может грозить. А оказалось – педагогической деятельностью, новой темой диплома и новыми неприятностями. По-другому у меня, Джульетты Мор, просто не бывает, и даже влюбленный (или почти влюбленный) ректор не спасет.

Чтобы все-таки стать дипломированной смертью, мне не только придется написать новую научную работу, но и пройти преподавательскую практику в родных стенах Академии. Мало мне было упущенного секрета бессмертия, так еще и придется как-то вдалбливать ценные знания подрастающему поколению. Которое, кстати, активно сопротивляется.

Но раз студенты положили на мои занятия косу, придется личными примером доказать им, что ученье – свет, а неученье – смерть без диплома.

-
- [Ольга Пашнина, Валерия Тишакова](#)
    -
    - [Глава 1. Возвращение смерти](#)
    - [Глава 2. Убийственные стрелы любви](#)
    - [Глава 3. Аист смерти не товарищ](#)
    - [Глава 4. Свидание со Смертью](#)
    - [Глава 5. Смерть и жизнь идут по следу](#)
    - [Глава 6. Смертельные обиды](#)
    - [Глава 7. Передвижная деревня наносит упреждающий удар](#)
    - [Глава 8. На хвосте апокалипсиса](#)
    - [Глава 9. В гостях у Аида](#)
    - [Глава 10. Голод против Смерти](#)
    - [Эпилог](#)
-

Ольга Пашнина, Валерия Тишакова
Академия смертей. Ученые – свет,
неученые – смерть!

© Пашнина О., Тишакова В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава 1. Возвращение смерти

– Коса в иллюминаторе... коса в иллюминаторе... Смертельная, жестокая коса-а-а... – пропел приятный мужской баритон.

Я выругалась и поудобнее перехватила древко. Неповоротливый скафандр то и дело грозил унести меня в глубины космоса, оставив в пугающем одиночестве среди черноты и... без диплома.

Подлетев к иллюминатору, я что было силы постучала. Интернациональная Орбитальная Станция была такой огромной, что на поиск нужного модуля я потратила почти все время защиты.

Стучала долго, упорно и с остервенением.

– Да выходи уже!

Наконец в иллюминаторе показалось удивленное лицо астронавта. Согласно, ситуация, когда ты в космосе и вдруг снаружи кто-то стучит, – не самое обычное дело.

С трудом, но я рассмотрела бейдж на комбинезоне астронавта и с облегчением выдохнула – мой. Радостно помахала ошалевшему мужику и взмахнула косой.

Бабах! Коса ударилась о прочное стекло космического корабля и отскочила. Да, оборудование тут качественное, ничего не скажешь! Я была снова и снова, а мужик смотрел – испуганно и не веря в происходящее. Но от ударов смертельной стали на стекле даже не оставалось отметин.

– Адептка Мо-о-ор! – раздался тот же баритон, что запевал пару минут назад.

Я оглянулась, чтобы увидеть пролетающего мимо магистра Смерть в скафандре.

– Незачет! – вновь прозвучал его голос. – Ваш диплом провален!

Чувствуя, как отчаяние накрывает с головой, я... проснулась.

Вместо мигающих звезд – потолок комнаты, вместо косы в руках – кончик котячьего хвоста, а вместо защиты диплома – просто очередное начало недели.

Фух! Эдак скоро я совсем с ума сойду с этой учебой.

– Джульетта! – снова донеслось из коридора. – Ты собираешься встать?

О нет! Это бабушка! Что она делает у моей двери? Часы на стене показывали половину седьмого. Но я отдала бы все на свете, лишь бы не идти сегодня в академию, ведь в первый день зимы начиналась педагогическая практика.

Что это такое? О, это поразительное изобретение потустороннего мира, достойное увековечивания в музее пыток и садизма. И кому пришло в голову, что мы, смерти последнего курса, можем захотеть преподавать? Да нормальное существо после защиты диплома в нашей академии будет драпать со всех ног!

И самое главное, еще в прошлом учебном году, когда я крайне неудачно не защитила диплом, этой дурацкой практики не было. Но поди ж ты, новая коса по-своему косит. И едва в академии сменился ректор... впрочем, обо всем по порядку.

Итак, главные действующие лица этой крайне странной и совершенно безумной истории:

Максимилиан Смерть – всадник апокалипсиса, бывший ректор Академии смертей. Красив, умен, воспитан. Таинственен до такой степени, что пугает собственных заместителя, друзей и студентов.

Морис Мор – всадник апокалипсиса, друг Макса, страдающий от необходимости отдать кровиночку в лапы взрослого, умудренного опытом мужчины. Хотя, по правде говоря, ему пофиг – лишь бы дочурка под ногами не путалась и в неприятности не лезла.

Передвижная деревня, один боекомплект. Состоит из Стефани Мор – мамы деточки – и Мельпомены – бабушки деточки, головной боли мужской части нашего сплоченного коллектива. Как и все деревни (а эта отличается от них исключительно умением мгновенно перемещаться по миру смертей), наша привносит хаос с громкими воплями в любое дело.

Джульетта Мор – ваша покорная слуга, будущая выпускница Академии смертей, автор пока еще не существующего диплома и... та самая деточка, что живет в доме магистра Смерти. Тайно живет, надо заметить, и довольно успешно скрывает этот факт.

Острое чувство дежавю никак не отпускало, пока я сидела в ванной, маскируясь под швабру. Точно так же этим летом я сушила в туалете волосы перед самым эпичным провалом за всю историю Академии смертей. Сейчас я была сухая, но легче почему-то не

становилось. И угораздило же маму с бабушкой притащиться, чтобы помочь мне собраться в первый рабочий день!

А началось все в один прекрасный вечер, когда магистр Смерть потягивал вино в кабинете, а я шла мимо... куда-то шла, в общем. И выглядело все примерно так:

– Джульетта, ты невероятно талантлива и умна, ты должна пройти педагогическую практику, чтобы поступить потом в аспирантуру, мир смертей нуждается в твоей силе.

Хотя нет, вру. На самом деле все было так:

– Я не собираюсь каждую минуту своей жизни думать, не влипла ли ты в очередные неприятности на работе! Идешь в аспирантуру!

Знаете, что меняется в жизни смерти Джульетты, когда та уезжает из отчего дома? Выражение «ну па-а-ап!» заменяется на «ну Ма-а-акс!». Разница лишь в том, что с папой это прокатывало.

И вот теперь я одновременно жду начала первого дня практики, на которой мне предстоит преподавать наивным первокурсникам жутко скучную дисциплину, и готовлюсь к получению темы для очередного диплома (о Вечность, хоть бы этот не сбежал!). А еще с плохим предчувствием наблюдаю за миром смертных, в котором недавно изобрели бессмертие.

Мы, исконно бессмертные, боялись этого события с древних времен. Апокалипсисы случались, цивилизации менялись, но никогда еще человеческая раса не подходила вплотную к такому открытию. Изобретение бессмертия грозило серьезными переменами в обоих мирах, и меня, как косвенную виновницу произошедшего, эти перемены заочно пугали.

А началось все в прошлом году, когда я провалила диплом. Точнее, диплом просто взял и сбежал, восстав из мертвых по вине незадачливого некроманта. Меня оставили на второй год и заставили исправлять ошибку. Диплом мы нашли, а некромант оказался магистром Смертью, работавшим под прикрытием. Он расследовал деятельность компании «Aeternum» и выяснил, что один из всадников апокалипсиса предал друзей и дал смертным эликсир бессмертия.

С тех пор идет теневая война между Голодом, всадником-предателем, и его коллегами – Морисом Мором, Максимилианом Смертью и... не знаю, как зовут Войну, но вряд ли это милое и приятное имя.

А я как-то незаметно для самой себя поселилась у Макса. Нет, когда он был раздолбаем-некромантом, он мне даже нравился. Хотя стоит признать, что и магистр Смерть весьма впечатлял. Но я переехала к нему в поисках защиты: смерть-предательница Нина с подельниками жаждала моей крови.

В дверь вкрадчиво постучали.

– Джульетта, ты там? – раздался голос бабушки. – Выходи! Мы нашли тебе платье!

Нет, нашли они очередные десять метров розового шелка. И я в него не закутаюсь! Изображать на первой паре жертву гламура нет никакого желания.

Понимая, что в покое меня не оставят, я сделала единственную вещь, которая была мне доступна. Начертила в воздухе личную руну Макса и перенеслась в его кабинет, прямо на мягкий, но маленький диван. Повезло, что Смерть был один и я не приземлилась на колени какому-нибудь важному гостю.

– Привет, – на миг оторвавшись от бумаг, хмыкнул мужчина. – Снова сбежала от матери?

– Они вгонят меня в гроб, – пробурчала я.

– Они волнуются. Ты впервые идешь на пару в качестве преподавателя.

– Практиканта.

– И все равно они волнуются.

Я хотела было возразить, что раз решили меня нарядить как потасканную жизнью Барби, пусть тогда и идут сами работать, но наш разговор прервала чуть приоткрывшаяся дверь.

В кабинет заглянула Лора – преемница Смерти. Когда тот задумал покинуть пост ректора и всадника, он взял себе в ученицы бывшую музу. В связи с открытием бессмертия с покиданием поста всадника пришлось повременить, а вот ректорское кресло он все же ей передал.

– Помешала? – чуть смутилась Лора.

Она была одной из немногих, кто знал, что я живу у Смерти. Мы скрывали этот занимательный факт с особой тщательностью. Я так особенно – совсем не улыбалось слушать еще и сплетни, что я сплю с собственным начальником.

Макс постепенно передавал Лоре дела академии, и она нередко заглядывала, чтобы что-то уточнить.

– Кстати, Джульетта, – обратилась девушка ко мне, – хорошо, что ты здесь. Вот твое расписание. Синий листок – это твои занятия, а красный – те, что ведешь ты.

– Первый курс?! – обалдела я, всматриваясь в убористый почерк ректора, которая лично контролировала всех аспирантов. – За что?!

– За то, что неопытная и еще учишься, – улыбнулась Лора. – И не забудь про распределение тем на дипломы. Война войной, а учеба по расписанию.

– Ученье – свет, неученье – смерть, – пробормотала я.

– Милая? – рассеянно отозвался Макс. – Ты меня звала?

Лора скорчила смешную рожу и убежала, оставив меня наедине с собственными страхами, сомнениями и Смертью, который снова намекнул о романтическом... пусть будет напряжении между нами.

Не став мучить себя размышлениями, а его – отвлекать от дел государственных, я углубилась в расписание. Нет, все же мечта распрощаться с академией реализуется, только если академию снесут. Конечно, это все разумно и безопасно для меня, но так ску-у-учно! Хотя, с другой стороны, прошлый диплом у меня тоже был скучный... пока не встал и не свалил в тропики, совершать мировую революцию.

Итак, практикантка Джульетта Мор. Две пары в неделю у первого курса по теории смерти, две пары в неделю у научного руководителя Мориса Мора и... одна пара у магистра Смерти, который, хоть и покинул кресло ректора, мудростью все фонтанировал и фонтанировал, никак не переставая делиться со студентами.

– Макс, – я подозрительно покосилась на мужчину, – а скажи, твоя пара в моем расписании, она там... случайно?

Он поднял голову и с абсолютно честными глазами, выражая недоумение на границе с обидой, произнес:

– Разумеется, за кого ты меня держишь?!

Это прозвучало так искренне и горячо, что я, конечно же, ни на грамм не поверила.

* * *

К первой в своей жизни паре, на которой меня совершенно точно не вызовут к доске, я подготовилась основательно.

У меня были готовые планы лекций, написанная на листочке речь и идеальный костюм: строгие темные джинсы, белоснежная блузка и длинный черный пиджак. Я даже заплела свою солому, по ошибке именуемую волосами, в косу и не стала надевать любимые каффы с черепушками. Ни дать ни взять образцовая смерть, без пяти минут преподавательница и соседка всадника. Правда, об этом пока никто не знает... ну и славно.

И все равно было ощущение точь-в-точь как перед защитой диплома.

Спокойно, Джульетта, это всего лишь студенты. Что может случиться? Да я трехглавую адскую собаку дрессировала! А уж это посложнее, чем прочитать лекцию кучке молодых смертей. Но тут перед глазами как наяву встал последний день моих занятий дрессурой. А именно момент, когда тренер сидел на дереве, а Цербер невозмутимо доедал его штаны. Причем каждая голова жевала свой кусок.

Я глубоко вздохнула и взялась за ручку двери, но тут под мою руку буквально поднырнула какая-то девушка с трагическим шепотом: «Прости сестра, но я опаздываю. Надеюсь, препода еще нет!»

Думаю, первый день в качестве преподавателя я запомню навсегда.

Когда вошла следом за опоздавшей, услышала:

– О, круто! У Хелен сама дочка Мора швейцаром подрабатывает.

Похоже, меня тут знают.

Глубокий вдох, и в омут с головой. В смысле, в академию с работой!

– Добрый день, жнецы, – начала я с традиционной фразы приветствия.

Отлепить задницу от стула никто даже не подумал. Тут передо мной встала первая дилемма. Списать все на шутку, посмеяться и спустить на тормозах, став для них «преподом-подружкой», или рывкнуть? Первоначально я склонялась к первому варианту. Хотелось, раз уж судьба (читай – Смерть) засунула меня в преподы, что-то дать студентам.

Но мечты о карьере вдохновляли меня лишь до того момента, пока на мой стол не прилетел обломок ногтя. Спрятать щипчики девица с первого ряда даже не подумала.

Ладно, не судьба стать классным преподавом.

Телекинезом вернула эту гадость адресату и повторила папин фокус с плавлением металла. Кусачки растаяли прямо на глазах девицы, она едва успела отдернуть руки. В аудитории резко стало некомфортно. Стараясь не морщиться, я распахнула окна и заставила пронестись по аудитории вихрь, уничтожая запах паленого.

Все это проделалось с абсолютным спокойствием и маской безмятежности на лице. Что ж, выбор сделан, и я в этом не виновата.

Подойдя к доске, размашисто написала там библиотечный код, который выучила еще со времен собственной учебы. Затем повернулась к потоку и материализовала в руках довольно увесистый томик в кожаном переплете.

– Домашнее задание на завтра. Реферат на двадцать листов. Тема «Этика поведения в учебном заведении». Устав академии вам в помощь.

С задних рядов отчетливо донеслось слово «стерва».

Ну, раз так просят...

– Статья двадцать, – я безмятежно пролистала том до нужной страницы. – Два замечания в личное дело караются отстранением от учебного процесса сроком на неделю. Кто хочет на каникулы?

Помимо каникул отстранение обещало отработку и проблемы на сессии, так что никто не рискнул свободным временем.

– Теория смерти – базовый предмет, который вы будете изучать все пять лет в академии.

– А вы будете все пять лет преподавать его? – крикнул кто-то сильно смелый.

– Надеюсь, что нет, – совершенно искренне ответила я, чем вызвала радостный гогот. – Но этот год мы точно проведем вместе, так что давайте встречаться как можно реже. Не имею желаний заниматься с вами дополнительно на отработках или курсах для заваливших сессию. Итак, теория смерти. Начнем с экскурса в историю и вспомним, как вообще появились смерти, жизни и какую роль они играли для цивилизаций...

Остаток пары студенты были как шелковые. Я честно отчитала лекцию и отпустила народ со звонком. Но пока стирала все заметки с доски, мне на стол подкинули листок. Когда я его развернула, глаза на лоб полезли. На обычном тетрадном листке была вполне узнаваемо

нарисована я. В черном белье и с плеткой. Причем моим формам реально польстили.

Что там Смерть говорил? Что если я пойду преподавать, то он будет спокоен за мое здоровье? Интересно за какое? Психическое, например, уже начало сдавать.

Первым желанием было притащить завтра Цербера и устроить поиск художника методом из смертных детективов. С последующим скармливанием преступника собаке. Хотя есть у меня кандидат, который оскалит клыки не хуже пса, когда узнает, как представляют его личную смерть-катастрофу студенты первого курса. Но это развлечение ждет меня вечером.

Кстати, о клыках и дикой ярости. Сейчас ведь собрание дипломников. Папа будет недоволен, если я опоздаю.

Аккуратно спрятав листок в сумку, я побежала в другое крыло. Чудо! Я была не последняя. По крайней мере, отец за кафедрой еще не стоял, он о чем-то беседовал с Танатосом в коридоре. При виде меня он взглянул на часы, улыбнулся и посторонился, давая мне пройти.

Когда вся эта заварушка только началась, или, будет точнее, еще не кончилась, Макс предлагал мне зачесть диплом автоматом. В качестве компенсации за то, что влез в мою учебу своим расследованием. Я, дура гордая, отказалась. А сейчас думаю, и чего это мне в голову ударило? Сидела бы сейчас дома, попивала ароматный чаек, мечтала о моменте, когда стану свободной смертью.

Нет, снова пиши, снова защищайся, а потом еще аспирантура... Вечность, пусть Голода и его шайку прихлопнут раньше, потому что, если Нина и Ко не перестанут на меня охотиться, я буду вынуждена вечно прозябать в младшем преподавательском составе академии. В младшем, потому что там от меня ущерба меньше.

После меня в аудиторию пришло еще человек пять, в основном все были из моей «новой» группы, но еще присоединилась парочка таких же, как я, второкурсников, переведенных с другого факультета. Потом появился магистр и занял свое место. Он опять сверился с часами, обвел взглядом аудиторию и начал свою речь. Его прервали ровно через пять минут. Сначала без стука открылась дверь, затем в аудитории послышался запах дорогих духов и сигарет. Это была только прелюдия к явлению... Сандры. Ну да, как же без нее.

В аудитории, наверное, резко подскочила влажность, поскольку у большинства особей мужского пола при виде молоденькой практикантки потекли слюни. Черные колготки в мелкую мушку, черные замшевые туфли на высокой шпильке, короткая черная юбка, черный пиджак и тоненький белый свитер под ним. Вдобавок ко всему огненно-рыжие волосы, уложенные крупными волнами, и почти незаметный, но очень эффектный макияж.

Остановленный на полуслове папа свирепо глянул на невозмутимо улыбающуюся ему в дверях Сандру.

– Простите? – ангельским голосом произнесла девушка. – Можно?

И, не дожидаясь ответа, она продефилировала мимо остолбеневшего магистра к свободному месту.

Однако папа быстро отмер. И был бы не папой, если б смолчал.

– Ваш ансамбль, безусловно, заслуживает того, чтобы продемонстрировать его всем остальным. Вы для этого опоздали? Если нет, то настоятельно рекомендую добавить к вашим аксессуарам часы. Ибо это первый раз, когда я спускаю вам опоздание. В следующий раз буду штрафовать. Что, в свою очередь, отразится на качестве вашего гардероба. Всем остальным также напоминаю, что отныне за практику вы получаете зарплату, из которой могут и вычесть кое-что.

И зачем нам зарплата? Разве что Харону взятки давать, чтобы сплетни сливал.

Папа откашлялся и продолжил. Коротко рассказал о том, как проходит жеребьевка на темы, что ждут от нашей дипломки и как будет проходить защита. Плюс обрадовал нас тем, что группы, с которыми мы провели первое занятие, закреплены за нами до конца года. Я это и без него знала, но до последнего верила и надеялась.

Я с интересом изучала задание на новый диплом. Конечно, нехорошо пользоваться личными связями на работе, но в интересах Смерти было не сильно меня гонять. Если мне не придется сутки напролет бегать за объектом (как в свое время за Джереми), то дома его будут ждать вкусный ужин и добродушная я. А если нет, то я специально куплю коробку тушенки и мешок быстрорастворимой лапши.

С первых строк мои глаза полезли на лоб. Сектант! Проповедник «бесконечной жизни в мире». Отлично, предпосылки к недолгой, но

яркой жизни есть. Сектанты – всегда геморрой. Во-первых, они обязательно верят во все, кроме тебя. И, когда появляешься перед ними в плаще и с косой, реагируют, как на аниматора детского утренника. Не говоря уж о том, что большинство из них вообще мошенники. Во-вторых, они как шило в одном месте. В целом неприметные, но жить мешают.

Фото жертвы и вовсе заставило меня застонать! Я ведь его видела, даже более – сфоткалась!

Сердито зашипела. Вот знала бы... и прошла мимо, не заметив.

Так, а это что за приписочка? В конце текста была графа «Дополнительные условия».

– Э-э-э... папа... в смысле, магистр Мор, – подняла я руку, – а почему здесь написано, что мне нельзя использовать магию смерти, помимо косы?

– Потому что это научная работа. Конкретно ваша тема звучит как «Исследование работы с душой, обладающей бессмертными особенностями». Если бы вы читали сначала, вы бы знали.

– Он наш?! – ахнула я.

– Нет, не наш. Но в его дальних родственниках есть бессмертные.

– Зевс снова за старое? – спросил кто-то, и аудитория взорвалась хохотом.

– Все, – под суровым взглядом папы стушевалась я, – читаю внимательно.

Блин, и как его искать, если я не могу к нему переместиться? Опять таскаться по миру смертных? Отлично. Увижу Макса – убью. Косу по самое...

– Все свободны, следующее собрание через неделю! – объявил отец.

Погруженная в собственные мысли, я вышла в коридор.

Приступим!

Оглянулась и достала контрабанду из смертного мира – смартфон. Если нельзя найти жертву магией, то, значит, можно всемогущим интернетом. Такие личности очень любят славу и пиар, которые соцсети могут дать в полном объеме. И точно! Отбросив тонну рекламы чудо-похудения, духов на халяву и прочей лабуды, я нашла адрес Дворца культуры, где открывали чакры и сосали через них деньги.

Запахнула все в сумку и рванула к лифту в мир смертных.

Бессменное и бессмертное трио мойр было занято трендом нового сезона – спиннерами. Не знаю, какой смертный идиот придумал крутить на пальце странную фиговину ядерных цветов, но от всей души желаю ему остаток жизни провести в средней школе, среди пубертатных подростков. Всеобщая истерия меня не слишком затронула (к счастью, спиннерами Макс не увлекался), но Фели, моя младшая сестрица, превратила весь родительский дом в склад разноцветной фигни. Папа то и дело, поддаваясь порыву ночного дозора, наступал на них в темноте. Это больно, между прочим. А уж от мойр я такого и вовсе не ожидала!

– Смотрите, Мор идет! – проскрипела Клото. – А чего это тебя дома не видно?

Я не удержалась, сделала едва заметное движение рукой, и спиннер, который мойра слишком сильно раскрутила, сорвался с пальца и прилетел ей в глаз. Под всеобщую шумиху я заскочила в лифт и унеслась в мир смертных.

Теплый душ... Горячая ванна... Огненный чай... Адское пламя... О чем бы еще подумать, чтобы согреться? Мерзость какая, эта золотая осень в мире смертных!

Выскочила туда, как была. Пока ждала маршрутку, еще и ливень обрушился. Вымокла, как выхухоль из книжки о муми-троллях, начала чихать и, кажется, размазала тушь. Хорошо хоть, я была невидимой, а маршрутка – пустой.

Мрачно хлюпнула носом в надежде, что капля на его кончике исчезнет. Апчхи! Ну папа, опять эпидемию гриппа по графику пустил. Вот специально его при встрече обниму и даже поцелую. Чтобы на своей шкуре испытал всю прелесть простуды. Единственное утешение, что в кармане пиджака нашлась конфетка с ментолом. Хоть горло драть перестанет.

Как будто мне было мало: когда я вышла из маршрутки, она окатила меня грязной водой.

– Все, я иду сеять смерть!

М-да-а-а, если бы я не чувствовала магию, то решила бы, что время здесь замерло. Местный Дом культуры олицетворял этой самой культуры упадок. Полностью стеклянные двери с латунной полосой внизу, которая отполирована до блеска тысячами ног, мрамор, витражи

и кадки с монстерами. Интерьер, модный три десятилетия назад и тогда же выглядевший новым. Сейчас, если бы не яркий электрический свет и изредка проходившие люди, можно было устраивать постапокалиптические фотосеты.

Надо же, сюда еще детей водят! Хорошо, что я невидима и могу вжаться в стену, прячась от группы дошколят. Те бежали с кружка рисования, размахивая альбомами с невысохшими гуашными каляками, грозя раскрасить встречных людей в интересные дизайнерские принты.

Вот как администрация догадалась сдать зал по соседству сектанту? Зло победило добро с помощью бабла?

Дверь открылась бесшумно и так же тихо закрылась.

А зал был полон... У меня возникло чувство дежавю. Толпа народа... и я, летящая на всех парах к сцене. Злость придавала скорости.

Сектант по имени Анастас выглядел как самый честный и позитивный человек на свете. Светловолосый, кудрявый, улыбчивый – а он с момента нашей встречи явно изменился в лучшую сторону. Да и с улицы перешел в Дом культуры. Даже совестно стало, что я сначала решила его угрохать, а потом уже изучать.

Вот что в этом патлатом нечто в сари привлекает людей? И главное, что в нем находят женщины? Вот и сейчас вокруг него на сцене крутилась блондинистая стерлядь. Даже прицелиться для удара не давала! Весь обзор закрывали золотистые волосы и филей... обтянутый голубеньким сарафаном. Она то поправляла микрофон, то подавала водичку, то убирала волосы от лица. Да уйди с линии огня!

Наконец мне надоело ждать, и я замахнулась. Чтобы через секунду моя коса со звоном встретила... С резным посохом жизни?

Только сейчас до меня дошло, что блондинка была не на смертном уровне, а на уровне смертей. А блондинка и жизнь – это...

– София!

– Джульетта!

Я перехватила косу и попыталась обманым маневром освободить ее от сцепки с посохом Софии. Но мой план разгадали, и коса опять с противным скрежетом проехала по дереву. А самое обидное, что даже царапины на резном оружии жизни не останутся. Плавали, знаем. Я пыталась на первом курсе нацарапать свое честное мнение о сестре

на тогда еще казенном посохе с инвентарным номером, наклеенным простым скотчем.

– Привет, неудачница! – с милым оскалом поприветствовала меня двоюродная сестренка.

– Здравствуй... мандибула, – ничего достойного в голову не пришло, и я обозвала ее латинским названием нижней челюсти. Звучало обидно.

– Сама такая! – по-детски окрысилась София, подтвердив, что анатомию она не учила.

А в следующий момент я получила посохом по лбу. Нецензурно ругнувшись, отступила на шаг, чтобы в следующее мгновение ударить дровком по пальцам противницы.

– Что ты здесь забыла? – язвительно пропищала Софи. – Я думала, после прошлогоднего фиаско твой максимум – позировать для упаковки тараканьего яда.

– Надеешься, по благу подкину тебе упаковочку, чтобы жителей твоего мозга вывести? – парировала я.

Следующий удар в голову я отвела и, ловко прокрутив косу, намертво заклинила ее за элемент резьбы на посохе. Хотя я теперь без оружия, но жизнь тоже не сможет меня колотить своей дубиной, а в рукопашном, как показала практика, я ей надеру задницу.

– Выдра мокрая!

– Толстозадый дирижабль!

– Ну и что ты тут делаешь? – спросила я.

– Пишу научную работу! – отчеканила сестричка.

– Какое совпадение, а я диплом. Поэтому будь любезна, дай мне забрать душу!

– Размечталась! – сквозь зубы процедила она. – Это мое! Ты и наука – вещи несовместимые!

Вот не запрети папа мне пользоваться магией, я бы уже сейчас выполнила его задание и попивала какао с зефирками.

С сожалением окинула взглядом осветительную конструкцию над головой сектанта. Ну почему я, как консерватор, не признаю такое оружие жнецов, как серп? Метнул – и готово, потом еще молотом добил. Нет, понты дороже денег, дочь всадника будет работать, как папа – косой.

Из состояния задумчивости меня вывело аккуратное интеллигентное покашливание. И уж вовсе добил вкрадчивый вопрос со стороны сцены:

– Девушка, извините, пожалуйста, не желаете ли дунуть?

– Что?! – хором удивились мы с Софи.

Сектант, скромно ковыряя ножкой пол, протягивал мне небольшую потертую духовую трубу.

– Н-нет, спасибо, – осторожно ответила я. – А вам зачем?

– Я вижу в вас избранную! – торжественно объявил Анастас. – Сыграйте на ней, и да начнется апокалипсис на этой планете!

Я скептически осмотрела трубу. Ну, скажем, не апокалипсис, а инфаркт. И не на планете, а у тебя.

– Куда?! – схватила я подол сарафана Софии, когда та метнулась к сектанту.

Но тут сестричка совершила подлянку и, взмахнув рукой в сторону пожарной тревоги, врубила ее. Мне-то было плевать, я пожаров не боюсь. А вот пропагандирующий бессмертие стартанул первым. И вслед за ним зал быстро опустел. На месте зрителей я бы потребовала деньги обратно.

В растерянности я оглядела пустое помещение, чисто на автомате наматывая голубой шифон на кулак. С негодующим возгласом ткань вырвали:

– Ты мне кандидатскую сорвала!

София с отвращением рассматривала измочаленную тряпку, некогда бывшую ее платьем.

– И романтический ужин!

– А ты разве не замужем? – хмыкнула я.

– Ужин с мужем! Дура! – Сестренка гаденько улыбнулась. – Впрочем, тебе не понять. Даже смертный от тебя слинял, ходят слухи. Ставлю посох, что ты еще немного походишь в девках, а потом папочка попросит своего старого друга на тебе жениться. Из жалости!

И зачем мне ее посох? Шторы на него вешать? Я впала в раздумья, прикидывая, понравится ли Максиму такой декор интерьера. По всему выходило, что вряд ли.

С сердитым шипением, которому позавидовал бы клубок королевских змей, я подобрала косу и расцепила ее с посохом. Хм, а баланс у деревяшки-то фиговый, учтем.

– Не лапай инвентарь грязными руками! – у меня из рук вырвали посох.

– Грязными? Да я только тебя трогала! Хотя да, надо бы руки антисептиком протереть.

– Ах ты!

Но я уже была готова и схватила косу, блокируя удар. Затем скинула посох кузины и нанесла свой удар. К несчастью, коса вновь встретилась с деревом, мать его, жизни. Правда, в отличие от сестренки, я косу не выпустила и начала тянуть на себя, уперевшись ногами в ступеньки сцены.

Вдруг рядом с нами ослепительно мигнул портал, и, потеряв равновесие, мы кубарем покатались по ковру. Чтобы, приземлившись, вдребезги разбить бабушкину любимую статую.

– Джульетта! – громыхнул голос музыки. – София!

– Это она виновата! – одновременно тыкнули мы пальцами в сторону друг дружки.

– А ну прекратите! – рявкнула бабушка. – Что это вы здесь устроили?! Вы же сестры! Вы – родные частички Вечности!

– Я всегда говорила, что ты – молекула, – прошипела я.

– Джульетта! Я немедленно вызываю твоего отца! Устроить потасовку в мире смертных! Неслыханная наглость! Хотя нет... родителей здесь будет мало. Я вызываю ваших ректоров! И молитесь Стиксу, чтобы они не оставили вас на второй год!

– На третий, – мрачно поправила я.

София ехидно расхохоталась.

Зато стало ясно, от кого папа набрался телекинетических фокусов. Это она на нем их тренировала и теперь он отыгрывается на детях? Или просто мастер-класс дала... Бабушке стоило только пальчиком взмахнуть, как мы с сестренкой поднялись в воздух и грохнулись в кресла, стоявшие по разные стороны комнаты. Я положила косу на пол и насупилась. Отлично, снова облажалась.

– Максимилиан! Леонардо! – Бабушка тем временем сотворила новые порталы.

Спустя несколько секунд из них вышли мужчины. Смерть в темно-сером костюме и, как его антипод, молодой и лощеный, весь в белом пальто, магистр Жизнь, имя которого, если верить бабушке, было Леонардо.

Где-то я эту черепашку-переростка уже видела... вот только где? За последний год столько новых лиц в окружении, что и не вспомнить сразу.

С прошлого года я запомнила магистра Жизнь как пожилого мужичка в белоснежной мантии. Тогда, помнится, он крепко разозлился, ведь мы с Максом влетели прямо в Академию жизней. А Макс тогда изображал смертного и чуть не спалился, гад такой. Зато сейчас с интересом и каким-то затаенным весельем смотрит на нас.

– Мельпомена? Что случилось?

– Максимилиан! Леонардо! Я должна довести до вашего сведения, что ваши студентки совершенно неподобающе себя ведут!

– Согласен, – кивнул Макс. – Надо наказать. Адептка Мор, следуйте за мной, я назначу вам наказание.

– Максимилиан! – возмущенно воскликнула бабушка.

Она явно сообразила, в какую сторону потекли мысли Смерти, и теперь разрывалась между классической установкой «до свадьбы никаких наказаний» и возмущением от нашей с Софи выходки.

Магистр Жизнь не мудрствовал лукаво и просто мрачно на всех взирал. Это правильно, мне всегда говорили: помолчи, за умную сойдешь. Жаль, я не слушала.

– Рассказывайте, – наконец сдался под натиском бабушки Макс.

– Это она виновата! – мы исполнили фокус с пальцами на бис.

– Я пишу диплом!

– А я – диссертацию!

– Хватит говорить одновременно! – прикрикнула бабушка. – По очереди, девочки. Джульетта, слушаю тебя.

– Сегодня мне выдали тему нового диплома. Практическая часть завязана на сектанте по имени Анастас, в его предках затесались бессмертные. Я пошла в мир смертных, чтобы забрать душу, и встретила с Софи. Она утверждает, что он тоже в ее задании! И как прикажете писать диплом? Ей надо его спасти, а мне – умертвить!

– Она специально взяла эту тему! – взвизгнула сестричка. – Она знала!

– Милая, успокойся.

Я открыла было рот, чтобы шикнуть на Макса, и тут поняла, что слова эти относились не ко мне...

Открыв рот, мы дружно смотрели на магистра Жизнь, который стойко, но немного нервно выдержал наше удивление. Точно! Так вот на кого смахивал этот недикаприо! Теперь вспоминаю: было там нечто белобрысое и до ужаса невнятное, на свадьбе Софки. Я и внимания на жениха толком не обратила, сестричка сделала все, чтобы на свадьбе видно, слышно и заметно было только ее, любимую. А что там рядом ползало... так, белый шум.

– Сделай что-нибудь! – рявкнула София.

– Милая, нужно разобраться.

– Спишь сегодня на диване!

Смерть как-то странно на меня покосился, но я предпочла промолчать. Не мой диван, не мне туда и посылать. Ну и еще Смерть спит в своей спальне и вряд ли выкуривание его оттуда в гостиную возымеет воспитательный эффект.

Это, выходит, Софкин муженек дослужился до ректора Академии жизней? Ну вот, связался Лео с Софией – и ректором стал. А связался Смерть со мной – и пост покинул. Кстати, почему это бабушка вызвала его, а не Лору? Для драматичности, похоже. Или чтобы мне промывали мозги прямо за утренней кашкой.

– Значит, у жизни и смерти одна жертва, – задумчиво протянул Макс. – Интересно. Надо выяснить, как такое могло случиться. Джульетта, София, дайте мне свои задания, что вы получили от руководителей.

Я нехотя вытащила из внутреннего кармана мантии сложенный вчетверо листочек. Софи копалась в жуткой блестящей сумочке, болтавшейся на плече. Когда Макс получил оба листка, то погрузился в чтение. Украдкой Софи показала мне язык, а я тихонько щелкнула пальцами – и сумка сестры затряслась, а Софка завизжала, нащупав там ма-а-аленькую белую мышку. Плюшевую, конечно, я ж не садюга, так над животным издеваться. Но о-о-очень реалистичную!

Мышь тут же полетела в меня, пролетела над ухом и врезалась в бабушкину статую. Причем статуя эта была бабушкиной в обоих смыслах: она как раз подменяла подругу у какого-то известного скульптора и не нашла ничего лучше, как вдохновить его на свой бюст. Прямо скажем, вдохновение вышло так себе.

– Джульетта! – разозлилась бабушка. – София! Прекратите немедленно!

Макс с Леонардо то ли действительно старались разобраться в происходящем, то ли просто умело делали вид, чтобы не вмешиваться в женские разборки. Наконец Макс навел морок и вызвал одну из мойр.

– Клото, расскажи мне о судьбе смертного по имени Анастас, рожденного двадцать первого октября тысяча девятьсот девяностого года в мире смертных.

– Я что, справочное?

Макс открыл было рот, потом покосился на меня и промолчал. В рифму, что ли, собирался ответить?

– Клото, не зли меня. Я пока еще всадник.

– Всадник-всадник, бардака рассадник, – проворчала старуха.

Надо же, никакого пиетета. Но все же вредная мойра принялась копаться в куче обрезанных нитей.

– Он еще жив, – сказал Смерть.

– Да вижу я, вижу, что жив. Значит, так... – Мойра выудила-таки светло-зеленую нитку и принялась ее внимательно рассматривать. – Да-да, должен был помереть вот в аккурат сегодня.

– И что помешало?

– Дык личная-с просьба-с, сам Аид приходил, лично просил, загруз у него там. Покойничек-то непростой, а заниматься с ним времени нет. Ну я и переплела. И сразу жизням дело передала.

По немного смущенному виду Клото мне сразу стало ясно, что Аид заходил не с пустыми руками. Вот какие все-таки разные у нас со смертными миры, а проблемы везде одинаковые: и там и там коррупция процветает. Только у смертных она почему-то особенно ощутимо бьет по асфальту, а у нас – по работе. В смысле, кто-то получил бакшиш, а мы отдувайся.

Значит, Анастасу отмерили преставиться сегодня, Аид попросил подождать и дело отправили жизням.

Нельзя ведь просто так отменить назначенную судьбу. Если мойра нить судьбы обрезала, а затем восстановила, смертельная опасность человеку грозить не перестала. И для того, чтобы его спасти, отправляли обычно жизнь. Редко когда требовалось восстановить нить судьбы, поэтому такие задания считались для жизней сложными. Неудивительно, что Софке дали такую тему для кандидатской.

– Так, Клото, погоди, – нахмурился Макс, – а почему его дело попало к смертям в академию? Выпускникам ведь дают жертв с открытой датой.

Есть у нас такая категория покойничков. И, подозреваю, они существуют только для того, чтобы молодые смерти практиковались. Потому что кто вообще придумал открытую дату смерти? Это как подарочный сертификат в салон красоты. Можно беречь до памятного вечера в шикарном ресторане, а можно в магазин за хлебом накраситься. Фу, бред всякий в голову лезет.

– Так смертям и передали на диплом, как раз к лету, пока Аид с другими разбирается.

Тут я мучительно покраснела, ибо... нет, это, конечно, не косяк. Но, пожалуй, все-таки стоило посоветоваться с мойрами.

– Джульетта? – вопросительно посмотрел на меня магистр.

Ну что сразу Джульетта?

– Решила забрать душу сразу и записать на видео, – призналась я. – Чтобы не сбежал.

По лицу Макса отчетливо было видно – пытается не заржать. Видать, вспомнил мой прошлый диплом и нашу охоту за ним. А нечего было издеваться! Сам во всем виноват. И в этом тоже.

В прошлом году я сама выбирала жертву и подгадывала ритуал проводов души так, чтобы показать его комиссии. В этом, помня, как все закончилось и как мы с Максом бегали за ожившим мертвяком, решила подстраховаться. А именно забрать душу сразу и записать весь процесс на видео.

– Лора разрешила! – пояснила в свое оправдание. – Она прогрессивный и креативный ректор!

– Камера – изобретение смертных! – взвизгнула Софи. – Это запрещено!

– Только в непосредственном использовании во время ритуала! Снимать можно!

– Тебя даже к защите не допустят!

– Тебя теперь тоже!

Софи насупилась, а я торжествующе хохотнула.

Изобретение смертных, бе-бе-бе. А то я не вижу, от какого дизайнера платье Софии. Да и бельишко она тоже известной смертной марки носит. Будет гнуть свое про видеосъемку, потребую снять все

смертные тряпки. Пусть Анастаса натуральным видом притягивает. Тогда, быть может, его прибьет Леонардо и у меня убавится работы.

– Ну что ж, – откашлялся Макс, – думаю, мы все быстро решим. Конечно, ваши темы уже согласованы, но...

Бабушка осторожно хмыкнула. И что-то мне в этом хмыке не понравилось... меня не проведешь, я с детства умела чувствовать крадущиеся неприятности.

– Максимилиан, Леонардо, позвольте мне выдвинуть предложение?

Бабушка говорила сладким-сладким голосом, но даже идиоту было понятно, что попробуй ей не разреши высказаться – самому хуже будет.

– Я предлагаю такой вариант. Девочки сестры, их вражда расстраивает обе семьи. Родные люди должны держаться вместе. Поэтому пусть они в качестве жеста примирения и акта наказания выполняют совместную научную работу. Не нужно забирать у них темы, пусть они вместе разыщут жертву и сначала спасут ее от смертельной опасности, а затем – заберут душу. Вместе. Смертям и жизням давно пора прекратить эту вражду, а совместная работа поможет девочкам лучше понять друг дружку. Если смерть окунется в работу жизни, и наоборот, мы все только выиграем.

Мы с Софи синхронно повернулись к мужчинам.

– Только через твой труп! – предупредили мы.

Тут и проявилась разница между Леонардо и Смертью. Магистр Жизнь побледнел (о Вечность, что вообще за имя такое – Леонардо Жизнь? Может, прозвище хотя бы?), а вот Макс удивленно приподнял брови, что я расценила как «А не офигела ли ты, милая?».

– Милая, но бабушка права, – ласково отозвался муж Софки. – Не надо ругаться с сестренкой!

– А это будет интересно, – задумчиво протянул Смерть. – Мне всегда было любопытно, насколько наши способности определяют сущность и может ли прирожденная смерть работать аистом...

Он осекся, когда сразу два белобрысых исчадия света злобно на него уставились. Не любят жизни, когда их с пернатыми сравнивают. Я не удержалась и хихикнула.

– Значит, решено? – осведомилась бабушка. – Девочки работают вместе?

Я скорчила умоляющую мордочку, зная, что на нее Макс хоть как-то ведется. Конечно, он понимал, что это исключительно уловка, но хотя бы делал вид, что ему меня жалко. И еще магистр чувствовал вину за прошлые прегрешения, так что кое-какие плюшки мне все же перепали.

Но не в этот раз.

– Джули, – вздохнул он, – это твоя семья, и я не могу вмешиваться в нее.

Ага, читай: «Не хватало мне еще нажать врага в лице музыки, которой вперлось работать эдаким семейным купидоном». Бабушка могла серьезно осложнить жизнь даже всаднику апокалипсиса, а у них со Смертью давно как-то все не заладилось. И меч любимый он у нее отобрал, запретив разгуливать по городу с холодным оружием.

– Но поскольку эта тема сложная, – он мне подмигнул, – то разрешаю тебе не описывать теоретическую часть работы жизни. Просто напишешь вступление, ход работы, заснимешь, раз уж Лора разрешила, процесс и приложишь небольшое философское эссе на тему диплома.

– А так можно? – удивилась я.

Думала, диплом должен быть строгим и научным. Никто еще на моей памяти не защищался без теоретической части, включавшей в себя кучу выкладок по оценке жизненного цикла жертвы и кучи материала по теории смерти. Нет, если так, то я, пожалуй, даже потерплю Софку – ведь без теоретической части диплом становится процентов на сорок проще.

– Всаднику апокалипсиса можно все.

На том и порешили. Довольная собой донельзя, бабушка ворковала, что девочки наконец-то подружатся. По-моему, она сама в это не верила. Бабушка вообще любила странные развлечения, а как по мне, заставить нас энное количество времени провести плечом к плечу – то еще удовольствие. Как бы дел не натворить...

Из бабушкиного дома мы разошлись в противоположные стороны. Софка со своим ручным ректором гордо утопала в сторону района жизни – заносчивые блюстители добра даже селились обособленно от прочих бессмертных. А мы с Максом неспешно направились вдоль Стикса, наслаждаясь вечерней прохладой и речным воздухом.

Я немного боялась, что нам встретится кто-то из знакомых. Хотя все и так знали, что всадники дружат семьями, и вряд ли мирно идущие Джульетта Мор и всадник Смерть у кого-то вызовут ненужные вопросы. Но на воре и шапка горит. Макс шел так близко, что иногда я случайно (честно случайно, для таких тонких стратегических ходов я слишком неуклюжая) касалась его руки своей. Дергалась, как будто он об эбонитовую палочку весь день терся.

Всю дорогу обдумывала, как отомстить. Несильно, но так, чтобы ойкнул. И в следующий раз наплевал на всякие там семейные условности. Как ухлестывать за дочкой друга – так он первый, а как защитить ее от тещи друга – так сразу нейтралитет.

Пока я думала, этот бессмертный камикадзе сам подал отличную идею:

– Как прошел твой первый день в статусе преподавателя-практиканта?

– О, мне кажется, они меня полюбили! По крайней мере, декан Танатос вряд ли получал такие послания после лекции по теории смерти.

С этими словами я сунула Максу под нос рисунок, переданный пылким, но вряд ли совершеннолетним поклонником.

– Это что-о-о? – нехорошо протянул магистр, взглядевшись в шедевр.

– Полагаю, признание. Только пока не поняла в чем. Спрошу у Лоры, как она справляется с такими темпераментными студентами.

– Веслом Хароновым отмахивается! – рыкнул магистр.

Я сначала фыркнула, а потом вдруг немного испугалась. Уж слишком суровый был у всадника вид. Блин, похоже, совсем скоро моя жизнь очень осложнится. Рано или поздно Максу надоест играть в соседей по общежитию, он решит, что я уже достаточно на него позлилась, и... и будет мне капец, потому что пусть у меня и мало опыта в романтике и семейной жизни, но я точно знаю, что такие, как магистр, свое не отдают. И ревнуют страшно. Бессмертные вообще в чувствах не стесняются, а разъяренные бессмертные...

А еще я напрочь забыла о странном предложении сектанта сыграть на трубе и не рассказала об этом Максу. Вскоре, конечно, пожалела, но день, когда я стану внимательной, ответственной и разумной, обязательно отметят в календаре жирным красным цветом.

Дважды.

Глава 2. Убийственные стрелы любви

Вопреки обыкновению, мое утро было идеальным. Я проснулась сама, за пять минут до звонка будильника, и эти пять минут просто нежилась в кровати. В доме было тихо. Ни шума воды, ни приглушенных ругательств Макса, решающего архиважные мировые проблемы.

Кто бы знал, что суровый ректор Академии смертей порой ведет себя как маленький мальчик. Стало ясно, как ему удавалось с такой легкостью изображать раздолбая. Макс обладал поистине удивительной смесью качеств. Он мог пугать и впечатлять, а мог совершенно не по-всадниковски обижаться или ругаться на то, что опять перепутал свой шампунь с моим молочком для тела.

Я живу у него несколько месяцев, а он уже мою косметику путает. Недавно, когда папа приходил проведать старшенькую дочурку, Смерть поделился печалью, на что тот невозмутимо ответил, что прожил много лет с тремя женщинами и очень приятно сочувствует. А еще поспешил ретироваться, очевидно, боясь, что Смерть потребует забрать меня обратно.

Я заправила постель и впустила в комнату солнечный свет, раздвинув шторы. Затем направилась в душ. А спустя пятнадцать минут, в халате и с мокрыми волосами, добралась до кухни, где обнаружила чудо расчудесное. Под защитным полем, чуть поблескивающим на свету, меня ждали еще горячие булочки и чашка кофе. Рядом лежала записка от Макса с его фирменной просьбой быть хорошей девочкой. Надо ему тоже в карман подкидывать записки: «Будь хорошим некромантом, не оживляй чужих покойников!»

Немного подумав, я насыпала в кофе маршмэллоу и села просматривать новости на свитке. Реклама новой линейки кос – пролистываем, своя как-то роднее. Приглашение на курсы общения с душами. Тренинг личностного роста «Пять шагов к идеальной смерти». О, тотализатор...

Прочитав очередную рекламку, я поперхнулась и чуть не выронила булку. Ставки нынче принимались на то, женится ли самый завидный холостяк города Смертей в обозримом будущем.

– Женится, женится, – угрожающе пообещала я.

Народ вообще ничего, кроме сплетен, не волнует? У нас мир переворачивается, а они все кольцо на пальце Макса высматривают.

Поняв, что ворчу как ревнивая подружка, я быстро долистала газету и уткнулась в кофе, предпочтя сосредоточиться на завтраке, нежели на странных новых ощущениях. Мерзкая штука эта ревность. Как изжога, только для души.

Я уже хотела убрать свиток и собираться на учебу, но тут увидела в какой-то статейке собственное имя.

Сердце забило быстрее. Неужели кто-то узнал, что мы живем вместе?

Но нет. Небольшая заметка посвящалась грядущей пятнице.

«В ставке на главного неудачника лидирует Джульетта Мор».

Только тогда я вспомнила о сегодняшней дате. Пятница, тринадцатое! Вечность! Только не это!

А самое обидное, что все почти единодушно ставили на меня как на главного клоуна!

А все ведь так хорошо начиналось... Давным-давно всадникам апокалипсиса надоело разгребать постоянные свары на тему, кто из бессмертных круче и чья работа важнее. Поэтому сомнительную честь доверили Локи.

Первую сотню лет он развлекался, придумывая невыполнимые задачи для разругавшихся бессмертных, а потом это дело ему изрядно надоело. Вот только обязанности снимать с него отказывались, так что Локи вышел из ситуации в свойственной ему манере. Ну и еще в духе смертных ситкомов, я лично подозревала, что он черпал идеи именно там.

Он просто поменял их местами. Нас то есть. Примерно так же, как вчера придумали бабушка с магистрами, только они требовали работать в связке и написать потом отчет, а Локи таким садизмом не увлекался.

Сначала все пришло в хаос. Вдуматься только! Совести работают за смертей, смерти – за хранителей леса, хранители леса – за нимф, а нимфы – за жизнью. Чуть апокалипсис в этом хаосе не устроили, пришлось всадникам вмешаться и вернуть всех на места.

Но идея им так понравилась, что они официально закрепили день смены обязанностей. Каждую пятницу, тринадцатого числа,

нескольким десяткам бессмертных приходят уведомления. Повинность обязательна, раз в столетие каждый из нас обязан отработать за другого. «Счастливики» мучились, народ наблюдал, развлекался и делал ставки на то, кто быстрее провалится, подменяя другого.

И почему мне не зачтется беготня с Софи? Ах да, это же СОВМЕСТНАЯ работа, а не обмен. Настроение от вкусного завтрака и заботливого некроманта куда-то пропало, уступив желанию утопить его в Стиксе.

Больше всех мне было жалко смертных. Когда твоего ангела-хранителя подменяет бог виноделия, трудно ожидать, что день будет удачным.

И вот сегодня пятница, тринадцатое, и все ставят на меня. Интересно, если свалить в мир смертных, меня все равно припадут?

Я уже натягивала джинсы, как перед носом появился еще один свиток. Согласно ему, пришел мой черед участвовать в традиционном пятничном обмене. Что хорошо: информация гласила, что, выполнив задание, я буду свободна на ближайшие сто лет. Что плохо: меня поменяли местами с Купидоном.

Меня! С Купидоном! Капец всему доброму и вечному, я с работой смерти-то не справляюсь, а уж с работой любви... Ладно, надеюсь, Харон знает адрес. И не будет слишком громко ржать.

Одно утешало: тем, кто выиграет, поставив на меня кучу денег, едва хватит выигрыша на чашку кофе. Слишком уж многие ставят на неудачницу Мор.

Спустя час я сидела в приемной Афродиты и пила отвратительное пойло, которое, по моему мнению, было растворимым кофе, залитым едва теплой водой из-под крана. Причем сладким. Этот напиток богов мне принесла девчонка лет тринадцати, сидевшая на ресепшене. Собственно, единственный плюс этого «кофе» был в том, что запах немного перебивал смесь ванили, шоколада и сдобы. Поначалу я даже нашла их ароматизатор приятным и даже задумалась купить такой домой, чтобы хотя бы в моем шкафу не пахло мужским парфюмом, но на двадцатой минуте ожидания от этой приторности натурально начало подташнивать.

– Да-да, драпировка цвета бургунди с розовой каймой. Что? Блестки? Даже не знаю... а вы как считаете, будет смотреться красиво?

Узнав голос, я чуть было не выплюнула кофе на мохнатый розовый ковер. Мама? Что она делает в этой обители зла?

– Размеры для платья пришлем попозже, но мне нравится вот этот вариант...

– Мама, это было модно лет двести назад. Сейчас в тренде минимализм.

– Вот пусть он в этом тренде и остается! А я знаю, как сделать так, чтобы мужик в первую брачную ночь лишился рассудка, я муза! – Совершенно точно бабушка!

О чем это они? Я напряглась. К тому, что передвижная деревня в последнее время своим энтузиазмом портила жизнь всем членам семейства Мор, я уже привыкла. Но что они делают у Афродиты? Ой, чуёт моя ж... жизнь, неспроста это.

Схватив первый попавшийся журнал, я отгородилась им.

Сначала раздался топот двух пар ног, потом я услышала:

– Джульетта! А что ты тут делаешь? Ты разве не пишешь диплом с Софией?

Пришлось с трагичным вздохом признать, что маскировка оказалась крайне неудачной.

– Я сегодня меняюсь с Купидоном.

С подозрением посмотрела на передвижную деревню.

– А вы что тут делаете?

– Ничего! – хором ответили они.

– Зашли к Афродите, поболтать по-дружески.

– А драпировка для чего?

– Ой, да так, – мама делано рассмеялась и отмахнулась, – обсуждали новиночки.

– Мам, ты что, выходишь за Голода? – наконец я решилась спросить.

Даже сердце сжалось в ожидании ответа.

– Нет, конечно, как ты могла подумать?! – возмутилась мама.

Действительно, и как я могла подумать, что, разойдясь с мужем, мама выйдет за своего любовника? Глупость какая.

– Мы просто болтали о всякой ерунде. Ну ладненько, удачного тебе обмена, чмоки-чмоки, как-нибудь пообедаем! – Мама схватила за руку бабушку, и они резво скрылись в коридоре, оставив меня с удивлением смотреть им вслед.

Так, разгадка этой тайны явно на поверхности, но уловить я ее не могу. Надо будет приглядеться к этим интриганкам, ничего хорошего они затевать явно не могут.

Но долго обдумывать мотивы и планы родичей мне не дали: в приемной появилось новое действующее лицо. Девчонка лет двадцати в свободных штанах камуфляжной расцветки, берцах и с кучей афрокосичек на голове окинула взглядом нас с секретаршей и вдруг вывалила на стол, перед которым я сидела, кучу какого-то мусора.

– Это что? – не удержалась я.

– Стрелы. – Улыбка неформалки была просто ангельской.

Я тем временем закончила подсчет осколков.

– Дюжина.

Незнакомка хмыкнула.

– Больше!

И достала из кармана вторую партию. Секретарша не преминула возмутиться:

– Что ты ими делаешь? Мажешь? Афродита будет недовольна!

– Стреляю! – огрызнулась девчонка. – Не виновата я, что они такие толстокожие. Изольда или Скарлет на месте? Мне надо новую пачку, все кончились.

Вместо ответа секретарша махнула в сторону еще одной двери. Только когда она направилась туда, я рассмотрела надпись из розовых страз на ее футболке и второй раз за утро чуть не подавилась кофе. А как бы вы отреагировали на фразу «Сука-любовь» на спине у Купидона?

Уже взявшись за ручку, девица вдруг обернулась ко мне:

– Чего сидишь-то? Пошли, махнемся уже и покончим с этим бредом.

Пришлось подняться и спешно нагонять... э-э-э... купидоншу? Купидону? Купидониху?

– Диана, – она протянула мне руку, – твоя замена. А-а-апчхи! Чертовы оборотни!

– Они существуют?

– Теперь да.

Диану по дороге прорвало на поболтать. Никто не упустит возможность пожаловаться на идиотизм начальства.

– Понимаешь, Афродита у нас натура увлекающаяся, а увлеклась она недавно любовными романами смертных. Хотя она всегда по ним с ума сходила, но в последние годы это приобрело масштаб стихийного бедствия. Теперь каждый ее новый любовник непременно какой-нибудь герой. Вампиры долго не продержались, без загара богиня любви не смогла. Сделала себе оборотня. Мало того что по полу ключьями шерсть валяется и все косяки погрызены, так еще и аллергия у половины купидонов началась, а вторая половина в срочном порядке поставила прививки от бешенства! А начальству хоть бы хны! Молимся всем офисом, чтобы Афродита не увлеклась этим... как его... хентаем, во! Ты про тентакли слышала?

Мы дружно скривились и как-то опасно покосились на решетки вентиляции. Хочу в свою уютную академию! Там, конечно, тоже жизнь не сахар, но хотя бы эксцентричные любовники богинь не шастают и не кусаются. Максимум Смерть пристанет, что даже приятно в какой-то мере.

За познавательной беседой мы миновали коридор и оказались на развилке. Я уже собиралась было шагнуть в широкую арку, как меня развернули к маленькой и незаметной двери и выдали бахилы.

– Нам в рабочий цех. Бахилы не забываем, стрелы стерильны.

Если главные помещения офиса мучили глаза розовым цветом, то тут все было наоборот. Местами облупившаяся масляная краска, металлические короба, обдувающие тебя воздухом. Да и пахло тут не очень. Заметив что я периодически морщусь, мне объяснили причину запаха:

– Экономия. Несмотря на то что мы обеспечиваем прибыль кондитерам, цветочникам, ювелирам, а фармацевты на нас вообще молиться должны, доходы у нас не очень. Приходится оптимизировать производство. Не знаю, из чего стрелы делались изначально, но мы научились делать их из акриловой пластмассы. А она пахнет ужасно, вот и приходится в приемной ароматические свечи жечь, чтобы вонь перебить.

Тут мимо Дианы пробежал мелкий китайский божок, и та, изловчившись, схватила его за шиворот, подняла на уровень лица и засунула руку ему за пояс. Мои глаза полезли на лоб. Это что еще за извращения?

Тут из штанов бога была извлечена упаковка одноразовых стрел в индивидуальной упаковке.

– Воруют! – прошипела Диана, отпуская жертву на пол и придавая ей ускорение.

Он полетел с обиженным визгом, и мне стало его жалко.

– Может, у него любовь!

Вместо ответа мне сунули стрелы в руки.

– Не терять! За острое не трогать без перчаток, а то жертва в тебя влюбится. Потом за бесплатно твои косяки исправлять мне не хочется.

Я бережно спрятала незнакомый артефакт в карман.

А потом наступил черед самого веселого – одежды. Хмурая девушка на складе выдала мне розовые берцы, розовые штаны, розовую футболку и пачку медицинских перчаток. Хоть цвет одежды был ужасным, я тайком перевела дух. Правда, это не укрылось от Дианы.

– Что? Думала, в подгузник нарядим? – угадала мой самый страшный кошмар Купидон.

Девушки синхронно заржали.

– Не бойсь. Во-первых, детский труд запрещен, во-вторых, отпускать тебя топлес на задания мы не будем, знаем, кто твой папа.

Я вздохнула и пошла переодеваться. Бугага, боевая блондинка. Розовая армейская форма, даже Юдашкину не снилось. Лично я думала и про подгузник, и про розовую мини-тунику.

И мы, смерти, еще жалуемся? У купидонов вообще задница. Раньше сидела томная девица у окна с вышивкой, смотрела на гусаров и тоскливо вздыхала. Купидон спокойно подкрадывался, всаживал в нее стрелу – и вуаля! Любофф! Хоть в платье к смертным являйся, хоть в тунике. А сейчас ведь все экстремалы! Должна пара влюбиться друг в друга такого-то числа. А они в походе, рафтинг и прочая романтика. Попробуй явись в платье! Мало того что холодно, так еще комары, хвоя и камни. Пришлось пересматривать форму.

Уже на выходе в ноги Дианы врезался очередной мелкий бог. Изъятие стрел повторилось.

– Какие они у вас любвеобильные.

– Не то слово. Женщин на работу не берем, а то только пришла – и сразу в декрет. Только они не влюблять собрались, они стрелы

смертным продают! А те их измельчают и как виагру используют. Заскочим на склад? Лук тебе подберем и вернем имущество.

По дороге мы прошли множество комнат, одна из которых выделялась особо. В нее вели множество кабелей, и у входа мигал роутер, который как раз в тот момент настраивали. Админ имел вид смертного хипстера, а именно: бороду, очки, свитер и шляпу.

Я даже притормозила, рассматривая его, что жертве моего любопытства очень не понравилось, и она не преминула возмутиться:

– Че-е-его-о-о уста-а-авилась? Па-а-анов не виде-е-ела?

Только тут я обратила внимание на копыта, торчащие из-под джинсов.

– А ну не хаами, а то опять эпилятор подарю! – рявкнула Диана. – Это экспериментальный отдел. Взламывают аккаунты и ставят лайки под фото от имени жертвы, завязывая знакомство. Ладно, давай уже заканчивать с этим бардаком. Раньше сядешь, раньше встанешь. Давай сюда свой инвентарь.

Я со вздохом материализовала запасную косу (любимую, из булатной стали, не дам!) и вручила Диане.

– Постарайся не убить студентов.

Тайное желание «снеси голову рыжей» озвучивать не стала.

– Ты что, препод?! – ахнула Купидон. – Я думала, смерть!

– Не смерть, а будущая смерть. Я на практике.

– И что, совсем никакой жертвы? Я же двух слов связать перед аудиторией не могу! И теорию вашу не учила...

Хм, а у меня неплохие шансы не стать неудачницей года.

– Жертва есть, но она дипломная, я тебе ее не дам, а то опять на второй год останусь. Так что проведешь у первого курса пару по теории смерти. Целых тридцать жертв! Только не влюбляй их, а то если пара перерастет в массовое свидание, меня вряд ли похвалят.

– А я и не умею, – к моему удивлению, отозвалась Диана. – Бессмертных влюбляет другая каста. У них стрелы бронебойные да арбалеты. И то не всегда срабатывает. Как говорила Афродита, самой жуткой ее жертвой была как раз смерть. Ей хотелось не только всадить в нее стрелу, но и бить по голове колчаном, приговаривая: «Он тебе нравится, дура! И ты ему тоже!»

Диана так расчувствовалась, что в порыве вдохновения взмахнула косой, и конец ее фразы я дослушивала уже лежа на полу, спасаясь от

смертельной стали. А вот роутеру пришел капец. Обломки его валялись по всему коридору, а вместе с ними валялся пан без каких-либо признаков жизни.

Хм, а у меня наметился серьезный конкурент в борьбе за корону неудачницы.

– Вставай, клоун! – недовольно пробурчала смущенная Диана и до кучи пихнула беднягу ногой в бок.

– Ты чего?! – ахнула я. – Он жив вообще?

Кинулась реанимировать беднягу, который растерянно озирался по сторонам и пытался встать.

– Да забей!

Диана махнула рукой и выронила косу. Лезвие просвистело прямо у моего носа и пришлось шустро испарить опасную игрушку. Потом отдам, как окажусь от купидонши как можно дальше и глубже.

– Ты его чуть не убила!

– Его? – Диана рассмеялась. – Это генетический баг. Козлов в родне много, и это я сейчас в прямом смысле. Как стресс – он в обморок.

Плохо жить в мире смертей и не совать нос к другим бессмертным. Вроде как мне по происхождению положено знать все о мире, в котором отец занимает такой важный пост, но я не слишком-то общительная, поэтому и панов не видела, и о работе Купидона имела смутное представление.

– Пошли, – снова заговорила Диана, – время идет. Тебе еще сменно-суточное задание надо получить.

– Чего?

Оказалось, в начале каждого дня купидоны получали список жертв, которых им и предстояло влюбить. Афродита лично составляла списки и категорически запрещала меняться жертвами между собой. Рабочий день для Купидона считался законченным, когда все фамилии из списка исчезали, и в этом я нашла вопиющую вселенскую несправедливость. То есть если мне достанутся двадцать упертых баранов, наподобие меня, то ходи в купидонах, пока стрелы не завянут? Или все-таки Диана вернется к работе, едва закончится пятница, тринадцатое?

Тот, кто проектировал Академию любви, явно вдохновлялся человеческими бюджетными учреждениями. Диана подвела меня к

глухой стене, в которой примерно на уровне моего живота было небольшое квадратное окошко. Мне пришлось стоять на полусогнутых, чтобы нормально общаться с сурового вида женщиной в сером вельветовом костюме. Она строго взглянула на меня поверх очков и потребовала:

– Табельный номер!

– Вот, Джульетта, держи. – Диана просунула в окошко свой пропуск.

– Джульетта?! – шепотом обалдела я.

– Та самая. – Диана округлила глаза, воровато оглянулась и принялась рассказывать: – Она меня жуть как ненавидит. Пыталась за мой счет самоутвердиться, а я пустила слушок о реальных событиях ее родной пьесы. Что она боялась не второго брака, а объяснить новому мужу и отцу, почему она не девственница. Плюс Ромео ее бросил.

– А разве у них не любовь до гроба?

Еще бы мне не знать эту историю! Мне ее вместо «Мухи-цокотухи» бабушка на ночь читала!

– О да! Он бабник тот еще. До Джульетты любил другую и на тот бал пришел ради нее. А теперь вообще заявил, что клятва звучала как «пока смерть не разлучит нас», так что он теперь бессмертен и свободен.

– Мило, – хмыкнула я. – А сплетни не о том, кто с кем спит, у вас есть?

– Нет, мы же купидоны. – Диана смотрела на меня с искренним непониманием.

Тут из окошка показался сложенный вдвое листочек с сердечками на полях.

– Свободна! – гаркнула Джульетта-первая.

– Удачи! – только и смогла крикнуть Диана, а потом розовая вспышка на миг меня ослепила.

Я вдруг оказалась в совершенно другом месте, среди пышных и пожелтевших деревьев. Вокруг – ни души, только ветер шумит наверху да трава влажная, дождь едва закончился. Затекие от стояния в полуприсядь ноги подкосились, и я грохнулась на землю. Над головой радостно взорвался сноп серебристых блесток.

– Вы прибыли в место назначения, – возвестил мелодичный женский голос.

– Отлично! – пробурчала я.

Все-таки сильны в нас рефлексы. Поднимаясь, я даже не заметила, как привычно переоделась в черную мантию смерти и вызвала косу. Зато уверенности прибавилось. Посмотрела в листок, выданный тезкой. Первая жертва – Лео Л., грибник. И в кого он тут будет влюбляться? Ладно, мне-то что, главное – стрелу пустить, а там не мои проблемы.

В общем, преисполненная решимости творить добро и любовь, я живенько направилась к дорожке, и как раз в этот момент показался нужный мне грибник. Об этом я догадалась быстро, ведь других грибников тут не было. Предвкушая радость, светлые чувства и благодарность в поиске любви всей жизни, потянулась за луком, поудобнее перехватив косу.

– А-а-а-а! – заорал мужик.

Блин! Невидимость забыла!

Жертва, завидев деву в плаще и с косой, бросилась наутек.

– Не-не-не! – заорала я, кидаясь вслед за перепуганным мужиком. – Я купидон! Да честно, купидон!

Косу пришлось бросить, а вот натягивать тетиву и пускать стрелу в полете оказалось тем еще удовольствием. Спасибо телекинезу – прежде чем грохнуть пузом на листья, я успела подправить направление, и бедняга все-таки получил заряд любви в мягкое место. Одна Вечность ведает, что он будет рассказывать об этом походе...

– Один есть, – проворчала, вставая. – Надеюсь, он не встретит медведя по дороге, я слышала, стрелы иногда дают сбой и вместо предназначенного судьбой влюбляют в первого встречного...

Чтобы переместиться к следующей жертве, достаточно было ткнуть пальцем в ее имя в списке. Но прежде я избавилась от косы и балахона, чтобы не довести еще кого-нибудь до сердечного приступа. И снова – розовый взрыв, блесточки... морг.

Брр, холодно здесь!

Я медленно обвела взглядом помещение и выронила лук. Там наверху ничего не напутали? Что купидон может делать в морге такого, что не идет вразрез с общественной моралью? Молча подошла и, откинув простыню, посмотрела на тело. М-да-а-а... мой прошлый прикид был бы здесь более в кассу.

В душу закрались нехорошие мысли, взращенные на собственном печальном опыте.

– Если здесь опять жмурик оживет, учтите, ловить его не буду! – проорала в потолок, обращаясь к высшим силам.

И, как издевательство со стороны этих самых сил, в дальнем конце комнаты под простыней село тело.

Дальше сработали рефлексy. Схватив со стола отсутствующего врача толстенный справочник, я подлетела к зомби и со всей дури огрела его по маковке. Зомби крикнул и осел. Тут до меня дошло, что зомби таким ударом не остановишь. И раз зомби остановился, то это никакой не зомбик. Ой.

Простыня на поверку оказалась белым халатом, а стол кушеткой. Видно, врач решил поспать в рабочее время. Я оглядела набухающую шишку на его голове... Суровая кара за нарушение трудовой дисциплины.

И что мне теперь с этим «трупом» делать? Неучтенку у нас не уважают.

Ох-ох-ох, вот сейчас все бессмертные-то развлекаются, наблюдая за нами! Вряд ли Диана сможет побить мои рекорды, ну что может случиться с купидоном-неудачницей на паре по теории смерти? Разве что чулок порвется или доску мылом намажут.

– Стив, вы здесь? – нарушил тишину дрожащий женский голос.

Довольно приятный, надо сказать.

– Там главный всех собирает, а вы трубку не берете.

И вот надо было этому недопокойнику именно в этот момент снова сесть. А я тоже хороша, зачем с головой его простыней накрыла? Ладно хоть, помня о первом провале, сидела в невидимости.

Раздался дикий визг, грохот, а потом в морге прибавилось еще одно тело. Тепленькое, правда, живое. Я с опаской подошла к несчастной и двумя пальчиками аккуратно повернула бейдж, чтобы прочитать имя.

Да... так и есть, третья жертва, причем влюбиться она должна во вторую.

– Ну, нет худа без добра. По неподвижным телам я вряд ли промажу, – пробормотала я.

Только, прежде чем приступать к священному действию любви, решила натянуть перчатки. Говорят, если порезаться стрелой Амура,

отходняк потом как после деревенской свадьбы.

С этими мыслями я полезла в ящики стола, ведь не зря я в морге.

Ух ты... я выдвинула верхний ящик. Надо будет навестить беднягу еще раз, когда перестану быть купидоном. Содержимое ящика прямо кричало о том, что скоро тут понадобится смерть: початая бутылка дешевого и подозрительного на вид коньяка, пачка молотого кофе с воткнутой в него ложкой и початый блок сигарет. Чайника или кипятивника я не обнаружила и невольно задалась вопросом: жрал он его, этот кофе, что ли?

Наконец перчатки были обнаружены, и я с радостным возгласом их натянула. Правда, едва повернулась к женщине, сразу же тяжело вздохнула. Жертва стремительно уползала прочь, спотыкаясь и отряхиваясь. Ладно, еще свидимся. Либо на собрании ее поймаю, либо она поведет толпу с вилами – убивать восставшего мертвеца. Тоже, кстати, оригинальный способ романтического знакомства, будет что детям рассказать.

Тут раздался язвительный голос:

– Что, в смерти начали брать дальтоники? Или ты за блондинкой на третьем столе?

Моя жертва – вторая, мужского пола – очухалась и, периодически морщась, прикладывала к синяку какой-то металлический инструмент.

– Ты меня видишь? – опешила я.

Мало ли, я его неслабо приложила. Может, он не со мной, а со своим глюком разговаривает, уточнить не помешает.

– К сожалению, да, пародия на блондинку в законе.

Никакого уважения к бессмертным! Редкий экземпляр этот врач, далеко не всем дано видеть наш мир.

– Я не смерть, я купидон, – заранее решила уточнить.

Мужик побледнел, из-за чего шишка на лбу стала еще красочнее.

– Я, конечно, люблю свою работу... но пациентов любить не хочу!

– Да я не по этой части, я...

Неожиданно, как и все гадости в моей жизни, по затылку ударило что-то... что-то, в общем. Я только и успела восхититься гулким пустым звуком, как отрубилась.

В себя меня привел бубнеж над ухом:

– Мы покойники, мы покойники, нас убьют!

– Ты ж вроде бессмертный?

– Не для ее папочки. Хотя... тебя точно убьют, а меня разжалуют в Деда Морозы. Буду в Новый год с косой, обмотанной дождиком, ходить.

Голос показался мне очень знакомым, но на то, чтобы вспомнить, кому он принадлежит, потребовалась целая минута.

– Вячеслав! – рявкнула я. – Я тебя сама убью, алкоголик! Ты меня за что по голове ударил?

Я открыла глаза и... ну да, под мягким местом – металлический холодный стол, на котором совсем недавно валялся в отключке врач. Ненавижу это задание! Флешмоб по шишкам на голове какой-то.

– Вы знакомы? – с интересом спросили мы с врачом хором.

– Учились вместе. А с ним пьем вместе.

А, ну да, с Максом у них тандема не получилось. Нашел себе приятеля из мира смертных.

Сфокусировав взгляд на столе позади «джульеттоубийц», я задыхнулась от возмущения! Коньячок, нарезанный лимончик, сахарок... то есть приводить меня в чувство не спешили! Конечно, зачем помогать безвинно пострадавшему купидону.

– На вопрос мой отвечай. За что ты меня так приголубил?

Придется просить помощи у Макса. Папа занят, мама с бабушкой начнут охать и читать нотации, сама себя я лечить не умею, а этому алкоголику драгоценную голову не доверю. Какая-никакая, а моя, даром, что пустая.

– Да мне этот, – кивок на врача, – эсэмэснул, что его тут какая-то тетеха из наших сначала чуть не убила, а теперь грабит. Я только за лимоном в магазин отошел, а тут такое. Пошел спасать.

«Но закусь купить не забыл», – подумала я.

– Тетеха? Грабит?

– А что ты по ящикам забыла?

Я смутилась. Как-то неловко признаться, что работаешь купидоном... а ну как сейчас этот алкоголик откажется влюбляться. И буду бегать за ним по всей больнице, как прошлым летом за восставшим умертвием.

– И что, нельзя было сначала разобраться? Сразу бить. Ты на мой затылок пять лет в академии смотрел!

Бывший сокурсник замаялся и отвел глаза. По этим нехитрым признакам я догадалась, что помимо страстного желания спасти

собу... кхм... приятеля существовала еще одна причина, по которой меня не торопились будить и вообще как-то не слишком тут жаловали.

Ох, как хорошо, что я отдала Диане запасную косу, а моя осталась при мне! Фирменная подсечка – и Вячеслав оказался на полу, а я сидела на нем сверху.

– И что ты мне сделаешь? – Моя жертва явно не испытывала дискомфорта от такой позы.

Даже кайфовал, похоже. Вот сейчас Максиму взбредет в бессмертную голову посмотреть, чем там его личная смерть-катастрофа занимается, и пить Вячеслав отныне будет только из лужи. Превратят в козла и зажарят.

– О-о-о, – многообещающе протянула я. – Сама не знаю, какой из двух вариантов выбрать.

Из кармана достала стрелу. Повертела ею перед лицом парня и скорчила злорадную морду.

– Видишь? Это стрела Купидона. Сейчас всажу вам с дружкой по стреле в мягкое место. И будет у вас любовь, морковь и прочие помидоры. А когда мне станет скучно смотреть, как ты гоняешься за ним по всему кабинету с целью заключить в страстные объятия, то запишу это на видео. И покажу в академии, ну и так, Харону скину, он на смертный ютуб залет.

– Тебе не поверят! – В голосе парня засквозила откровенная паника.

Ну да, я блефовала, Диана же сказала, что бессмертным мои стрелы как слону дробина. Хотя... дружок-то у него смертный, правда, лишить беднягу истинной любви я вряд ли решусь, но Вячеслав пусть помучается.

Тут я вспомнила о своей дурной привычке не чистить память телефона. Залезла в галерею и... ну да, так и есть. Фотки, как пьяный в дупель друг валялся в обнимочку с некромантом, спокойненько лежали в нужной папке. Я с плотоядной усмешкой продемонстрировала компромат бедняге.

– Да поставил я на тебя, дура неадекватная! Всю зарплату поставил! – истерически проорал он. – А прибыли никакой, сотые процента!

Закатив глаза, я скатилась с него и отряхнулась.

– Зараза. А еще другом называешься.

Стив наблюдал за нами в позе доктора из известного смертного сериала: ноги на столе, в руках коньяк, в глазах любопытство.

– Сражение любви и смерти. Поэтично...

– Джульетта, вообще, по части и того и другого мастер.

– Джульетта? – Он поперхнулся коньяком. – Ой, не могу, кто же так тебя приласкал? Смерть Джульетта...

Он залился радостным хохотом, чуть коньяк не расплескал. Можно подумать, купидон Джульетта звучит лучше. Тут сразу ясно, что ничем хорошим любовь с моей подачи не кончится.

– Так зачем ты здесь, Джульетта? Я работаю с ним вон, – кивнул на Вячеслава, – лишняя смерть мне в хозяйстве не нужна. Купидон тем более.

– А мне пофиг. Вы в разрядке у купидонов, а если продолжите бухать наравне с бессмертным, то скоро появитесь и у смертей.

– И в кого же я должен влюбиться? Здесь вроде никого. – Он с видимым удовольствием закинул в рот дольку лимона, щедро посыпанную сахаром.

– То тело уже уползло.

– Джулька, – голос Вячеслава сочился ехидством, – от тебя опять покойник сбежал?

Я возвела глаза к потолку. И в красках описала встречу со второй половинкой Стивена, хотя тот явно впечатлился предположением приятеля и опасливо поглядывал в сторону холодильников. Но не прерывался, задумчиво потягивая коньяк. И чем меньше коньяка оставалось в его бокале, тем быстрее из задумчивого взгляд становился мечтательным.

– Медсестра, говоришь? Такая рыженькая, с большой грудью?

– Понятия не имею, она была в халате и шапочке. – Я напрягла память, пытаюсь оценить размер груди, но разве какая нормальная девушка обращает внимание на чей-то размер груди, кроме своего. – Ладно, где у вас там собрание? Айда! Влюбляться будем.

В конференц-зале было многолюдно, и, как назло, все в белых халатах и голубеньких шапочках. Вот не люблю больницы. Летом я именно в ней встретила с маньяком Алибеком, кто на этот раз устроит глобальный замес? Вон тот рыжий санитар с кривым ухом? Или вот эта фигуристая блондинка за стойкой в буфете? А может,

суровая уборщица, вопящая на очередного беднягу в грязных ботинках?

Краем уха я вдруг услышала занятный разговор между женщиной и женщиной буквально в полуметре от места, где я стояла:

– Влетает ко мне, глаза огромные, трясется вся. Лепечет про оживших покойников. Я ее еле чаем отпоила!

– Опять Стив прикалывается? – со вздохом поинтересовался мужчина.

– Да дрых небось, а эта истеричка его разбудила.

И тут я увидела свою несостоявшуюся мишень. Она что-то искала за стойкой регистрации, а потом и вовсе ушла под нее с головой. Прикинув, что ни стрелять, ни играть в дартс я не умею, как и метать ножи, я вспомнила, что умею делать уколы. Поэтому сочла лучшим выходом подкрасться к жертве на расстояние удара.

Стойка доставала мне до груди, так что перегнуться и всадить стрелу в задницу бедняги я не могла. Но тут медсестричка протянула из-под стола руку и я тут же воспользовалась моментом.

Через секунду на меня уставились глаза медсестры. Не той. Упс.

Хорошо хоть, она меня не видит.

Окрыленная любовью жертва понеслась искать суженого. Стив как раз получал люлей от старшей медсестры – той самой, которая успокаивала напуганную коллегу, так что не видел целеустремленно идущую на него женщину. Артефакт в моем кармане весьма ощутимо долбанул током – в наказание за косяк.

Поняла, иду исправлять. Только вопрос – как.

Идея хоть и появлялась, но все же созревала медленнее, чем пламя страсти внутри медсестры.

– Вячеслав! – Я цапнула за руку приятеля. – Быстро топай, становись видимым и отвлекай ее!

– От чего?! Отвлекать влюбленную женщину? Нет, Джулька, я ради тебя, конечно, готов и Аида забороть, и зарплату просрать, но вмешиваться в женские разборки...

– Расскажу Максиму, что ты ставил на меня как на главную неудачницу.

– Но...

На меня с подозрением посмотрели.

– Вы...

– Может быть.

– Да ты врешь! Ты даже когда я тебе цветы на первом курсе таскал, полгода не могла понять, за что я клумбы разоряю! Чтобы Джульетта Мор сошлась со всадником апокалипсиса? Врешь! Сто пудов папочка тебя сдал под защиту приятелю, пока разбирается со своими проблемами.

– Ладно. – Я сделала вид, что мне все равно, и достала смартфон. – Так... где у нас тут буква М... Мельпомена, Макошь, Миранда, Мария, М...

– Макса ищешь? – фыркнул, все еще не веря, что я серьезно, Вячеслав.

– Мусипусика! – мрачным голосом сообщила в ответ.

Парень слегка, но сбледнул.

– Ладно, ладно, не кипятись. Что делать надо?

– Бери томную деву и отвлекай какой-нибудь фигней.

– Какой?!

– Придумай, ты же в КВН играл!

Вячеслав унесся, а я быстро цапнула Стива, который странно поглядывал на атакующую его медсестру. Ну да, обещали рыженькую с грудью, а тут рыженькая без – кредит с дебетом не сошлись.

– Пошли.

– Куда?

– Пригласишь ее в кино.

– Почему я должен приглашать в кино девушку, которая мне не нравится?

Ой, точно! Хлопнула себя по лбу. Я ж забыла в этом бардаке, стрелу-то достала, а использовать не использовала.

– Айа-а-ау-у-у! – взвыл Стив от неожиданности.

– Не ори, я любя.

Конечно, этот богатырский звук не мог не привлечь внимание окружающих. На нас (а точнее на врача, я-то все еще скрывалась от посторонних глаз) устремились взгляды почти всех присутствующих.

– Стив, что с тобой?! – воскликнула моя первая неудавшаяся жертва.

Она уж было устремилась к нам, но тут же была остановлена Вячеславом.

– Девушка! – театрально и трагически взвыл он. – Спасите! Я... я... подавился.

И впрямь начал очень убедительно изображать, что давится. Ну да, зря я ему про КВН напомнила, конечно. Одно хорошо: толпа тут же кинулась к моему приятелю, а я потащила Стива к его суженой-ряженой, ну и еще немного испуганной.

– Э-э-э... кхм... Ханна, – он с трудом прочитал имя на бейдже, – кхм... я бы хотел...

Что с людьми любовь делает! И глаза отводит, и щеки краской залились. Был прямо суровый мужик, патологоанатом со стальной печенью. А теперь ни дать ни взять второклассник дарит девочке с бантиками пряник.

– Не хочешь сходить со мной в кино?

– Доктор... там... вроде как человеку плохо. Может, вы ему поможете?

– Так он пока живой, рано, – вырвалось у Стива.

О Вечность, эти двое и впрямь без помощи Купидона не сойдутся. Наконец я справилась со стрелой, воткнула ее в задницу Ханна, от чего та ойкнула и заозиралась, потом с облегчением выдохнула. Ну все, второе задание выполнено.

Только что делать с влюбившейся из-за моей ошибки медсестрой?

А хотя... Вячеслав все еще давился, а та с неутомимой энергией спасала его приемом Геймлиха и, кажется, чувствовала себя особенно счастливой. Может, и само пройдет. А не пройдет, Диана поправит.

Ай да Джульетта, ай да молодец!

Напоследок ущипнув вредину-врача за ухо, я ткнула в имя следующей несчастной, которую сегодня предстояло влюбить...

Глава 3. Аист смерти не товарищ

Я промоталась по купидоновым делам до самого вечера, но, к счастью, катастроф больше не случилось. Чуть не попала под автобус, зазевавшись на переходе, да была облаяна мелкой пакостной собачкой, которая почему-то меня учуяла. Может, Цербером воняю.

Под вечер я валилась с ног и возликовала, когда пустой список жертв переместил меня обратно в Академию любви. В приемной Афродиты я без сил упала на мерзенький розовый диванчик и там бы проспала остаток ночи, если бы двери кабинета вдруг не открылись и не явили саму богиню.

Когда она меня увидела, то аж подскочила!

– Снова ты! Сгинь! – замахала руками. – Видеть тебя не хочу!

– Э-э-э...

Нет, Афродиту я до этого времени уж точно не встречала.

– Да я просто...

– Во-о-он!

Вокруг меня рассыпался сноп розовых искр, и я почувствовала, как против воли перемещаюсь куда-то... не знаю, в общем, куда.

– Чуть карьеру не запоролла из-за вас! – донеслось вслед.

Оказалось меня перенесло прямо к дверям своей академии. Ну и то хлеб, домой доставили. Жаль только, все еще в розовом.

Интересно, это Афродита так разозлилась, потому что я лишнюю стрелу потратила? Или...

Ой. Или она пыталась меня в кого-то влюбить и на собственной шкуре прочувствовала ореол невезения Джульетты Мор? Блин, и тут наследила. Так, надо выяснить, как провела мой рабочий день Диана и кто из нас победил в соревновании пятницы, тринадцатого.

Если бы не любопытство, я б отправилась домой, но эту черту во мне не смущал даже розовенький купидонский прикид.

Когда я подошла к дверям академии, то с легким удивлением обнаружила, что они заперты. Пожала плечами, начертила руну Макса и оказалась в его кабинете. Почему-то пустом. Это значило только одно: Смерть не один. Интересненько, что у них тут происходит. Я вышла из кабинета ректора, прошла по странно пустым коридорам

академии и дошла до дверей, в которые еще пару минут назад ломилась.

Они оказались заперты на... весло?

Между двух ручек действительно было просунуто весло, в котором я узнала любимый аксессуар Харона. Интересно, что лодочник забыл в академии? Жену зашел проведать, а дверь веслом подпер, чтобы никто не помешал?

Ой, надеюсь, я не стану случайным свидетелем их ролевых игр в академии.

Хотя даже хорошо, что здесь никого не оказалось. Если я все же проиграла и стала неудачницей, то меньше всего мне бы хотелось появиться в таком виде перед адептами. Мало что засмеют, так еще и в газету студенческую фотку прилепят.

Я брела по пустым коридорам, и с каждым шагом волнение росло и росло. Хорошо, если это просто дурацкая шутка Харона. А если нет? Вдруг я чего-то не знаю и Нина с остальными пошли в ата...

Ма-а-амочки! И папочки, и Фелички, и Смртушки, и все остальные.

Моя аудитория, в которой я вела пары, выглядела так, словно там одновременно произошли митинг, революция и бесплатная раздача айфонов. Парты были перевернуты и составлены наподобие баррикад. Трупов не было, да и какие трупы, когда все бессмертные, а косы получают на втором курсе? Но обрывки одежды и пара клоков волос насторожили.

Посреди этого хаоса нашлась и Диана. Купидон, печально опустив голову, сидела на единственной уцелевшей парте.

– Пожар? – с надеждой спросила я.

– Дебил, – вздохнула подруга по несчастью.

– И чего сидишь?

Мне ничего не оставалось, как сесть рядом и приготовиться слушать. Похоже, день Дианы прошел еще страннее, чем мой. Если вдуматься, я хоть и косячила, то все же по мелочи. И не громила чужую академию.

– Я жду. Они там... решают, как меня наказать.

Аж присвистнула от удивления. Нет, я, конечно, ничуть не радовалась тому, что Диану накажут, но, наверное, на этот раз удача мне все же улыбнулась. Хотя скорее оскалилась...

– Рассказывай, – велела я.

– Прихожу на пару, а мне такие: «А где адептка Мор?!» Я им: сегодня пятница, тринадцатое, я за нее. Переглянулись, пошептались, я ничего не поняла. Прочитала твои заметки, а потом решила попить и обнаружила в графине с водой приворотное зелье! Да чтобы меня, купидона, поймать на ванильной эссенции с красителем! Я сразу сказала им, что этой бурдой даже кроликов к спариванию не подтолкнуть!

– А погром такой почему? – Я обвела рукой помещение. – Карательно-воспитательная акция?

Диана покраснела. Причем покраснела не в стиле «да, я такая в гневе», а в смысле «все хуже, чем ты придумала». Я, как чемпион по косякам, эти нюансы лицевой мухоморности прекрасно различала. Краснела с завидной регулярностью.

– Ну-у-у... твои заметки кончились, а еще впереди была вторая пара. И я решила, что раз уж ребяткам интересна тема любовных зелий, то можно провести лекцию на эту тему.

А дальше мне стало очень жаль, что все стулья оказались заняты в самопальной баррикаде, потому что Диану срочно захотелось убить. Что хорошо умеет купидон? Влюблять. И у него уж точно в арсенале не сладкая водичка с безобидным слабительным свойством. Вот Диана и того... зря я ей косу не отдала. Со смертельной сталью у нее бы вышло меньше разрушений, чем со стрелами для бессмертных, которыми она помахала перед моим лицом.

– Где ты взяла?! Ты сегодня не работаешь, или ты пашешь, как пони, сверхурочно? – взвыла я.

– У Афродиты сперла.

– Зачем?!

А вот теперь Диана краснела в стиле «мне очень стыдно».

– У меня тоже должна быть личная жизнь!

Все, одним купидоном сейчас станет меньше. Я ей все припомню, и свою садиковскую любовь Ахиллеса (надо не забыть, что имя для ребенка крайне неудачное), и мамин загул (там сто процентов без снайпера в розовом не обошлось). И пусть Диана не была виновата в косяках своих коллег, но притащить в Академию смертей оружие массового соблазнения?! Это заслуживало конкретной взбучки. От того, чтобы не покусать незадачливого купидона, меня остановила

мысль, что если Макс и впрямь там решает вопрос об ее наказании, то незачем усугублять. Во-первых, зная нрав Смерти, уверена – Диане придется нелегко, и пусть молится кому угодно, чтобы ее не заставили, как меня, преследовать по всему смертному миру зомби или писать диплом на пару с сестричкой. Во-вторых, а ну как Макс разойдется и меня до кучи за что-нибудь накажет...

– В общем, я размолочила одну стрелу в пыль, смешала с розовым маслом, добавила клубнику... а потом они взбесились.

По-моему, где-то между клубникой и массовым помешательством Диана опустила кучу интересного.

– Ты его в промышленных объемах варила? И они его выпили?

Ладно, Диана – косячница почище моего (я смертельный инвентарь всегда убираю... ну или почти всегда). Но если студент первого курса, бессмертный студент, на минуточку, по приколу пробует неизвестное зелье левой бабы, то это уже проблемы воспитания и развития. В нежном возрасте детям надо объяснять, что тащить в рот сигареты и мелкие предметы нельзя.

– Да какой там выпили. Я сделала пол-литра, а потом, когда прозвенел звонок, испарила, чтобы, не дай Вечность, не выпили. Почему у вас вытяжки нет?!

Последнюю фразу Диана выдала даже с каким-то обвинением. Я, что ли, академию проектировала?

Зато теперь мне стала ясна вся картина. Диана испугалась толпы смертей-первокурсников, быстро отчитала мои наработки, решила блеснуть талантом, сварила мощное зелье, потом додумалась его испарить (заботливая какая), а когда обнаружила, что вытяжки в аудитории нет, открыла окно. Подул ветерок, и радиоактивное... то есть любвеобильное облако накрыло три группы студентов.

– А тут еще ваш ректор зашел...

– Смерть?!

Если она приворожила Макса, я ее закопаю. У него же в саду. Надеюсь, на него эта штука не подействовала, потому что если все-таки да, то... тоже убью. За то, что плохо отбивался.

– Какой Смерть? Баба какая-то, – шмыгнула носом Диана. – Красивая.

– Лора?!

Хм, тогда понятно, что тут делает Харон. Чувствуется мне, весло в дверях просто отдыхает, ибо несколькими часами ранее побило целую толпу народа. Зато я вздохнула с облегчением, ибо проблемы с поклонниками Лоры – проблемы Харона. Ему даже тела есть куда сбрасывать, столкнул в Стикс – и нехай он там плавает.

– Хорошо, Хелен не растерялась и выпихала ее из класса. Она одна адекватная осталась, потому что уже в какого-то Максимилиана влюблена.

Я подавилась воздухом, а в коридоре раздались шаги. Диана побледнела, и в следующую минуту нам явилась чудная компания: злой, как тысяча Церберов, Харон, задумчивый Макс, бледная и немного офигевшая Лора, а еще взерошенная и возмущенная Афродита. Похоже, я встретила богиню любви, как раз когда ту вызвали на разборки.

Всегда подозревала, что во мне живут две Джульетты. Первая вечно ноет, что ей не везет и неприятности мешают жить, а вторая с криком «Юхуху!» радостно в них прыгает. Ибо я никому и рта не дала раскрыть, тут же слезла с парты и подняла руки:

– Ладно! Это я виновата. Я должна была предупредить Лору о том, что сегодня обмен профессиями и Диана будет вести пару. И... проинструктировать ее лучше тоже должна была. Не ругайте ее. Пожа-а-алуйста!

С этими словами я жалобно посмотрела на Макса. Ну что ему стоит? Я как никто другой понимала бедную девчонку. На меня столько раз вешали всех собак! Ей и так грозит титул неудачницы. Хотя тут я, пожалуй, вкупе с жалостью испытывала легкую постыдную радость.

– Да плевать мне, кто виноват! – рявкнул Харон.

Честное смертельное, никогда его таким не видела! Кто бы мог подумать, что под маской... то есть под балахоном, скрывается такой мужчина.

Хм... а мне стоит подумать, что дома меня ждет еще один, не менее горячий. В прямом смысле – Смерть снова тихо бесился, вынужденный вместо спасения (или уничтожения, тут еще как на всадника апокалипсиса посмотреть) мира разгребать студенческие косяки.

– За моей женой охотится добрая сотня озверевших студентов! Когда выветрится эта... это... в общем, все?! Это же не навсегда?

– Ну... – Диана еще гуще покраснела. – Чтобы любовь была вечной, нужна целая стрела, а тут одна на сотню. Я думаю, месяца через три они отойдут.

– Через три?! – взвыли одновременно Харон, Лора, я и Макс.

Харон явно не собирался оставлять в живых всех, покусившихся на чужое святое, Лору не грела перспектива массового убийства веслом во вверенной ей академии, я представляла, как мне достанется дома, ну а Макс просто офигевал за компанию.

К счастью, он тут был главный, и у меня тлела надежда, что все останутся живы.

– Лора, на время ммм... помешательства возьми отпуск. Съезди куда-нибудь, попутешествуй. И Харона захвати, ему не мешает остыть.

– А кто будет возить через Стикс? – вырвалось у меня.

– Оставлю Одиссея, – ответил Харон.

– Что? Да у него с ориентацией в пространстве проблемы! Опять вместо академии по привычке поплывет по бабам.

– Адептка Мор! – возмутился Смерть. – Что за выражения? С вами и вашей... кхм... коллегой по несчастью я поговорю чуть попозже. Афродита, поскольку инцидент произошел в моей академии, позволь мне решить вопрос с наказанием твоей подчиненной.

«Опять наказание?» – тоскливо подумала я. Мало мне бегать с Софи по душу сектанта, теперь что? Шить розовые меховые ушки ко Дню святого Валентина?

– Хорошо, Максимилиан, – Афродита использовала свою самую обольстительную улыбку, недаром была богиней любви, – если что, ты знаешь, где меня найти.

– Вот и забудь, – пробурчала я себе под нос.

– Теперь о вас, юные леди. Джульетта, как ты додумалась пустить купидона к студентам? Вот как?!

– Сказано: обмен! – справедливо возмутилась я. – Мы и поменялись. Не моя вина, что вы не следите за собственными традициями.

– Да я ее лет сто хочу отменить!

– И поэтому игнорируешь? Умно. Я вот мечтаю отменить сессии, давай проверим, после которой меня выгонят, если я перестану

обращать на них внимание?

– Справедливо. Но неужели ты не могла дать ей тесты? Если уж смертные с ЕГЭ справляются, то и бессмертное существо способно сравнить ответы кучки недосмертей с правильными! Но нет, вам всем подавай полевую работу!

– Смерть, – раздался голос Харона, – ты бы, прежде чем тут распинаться, мир смертных проверил. А то Джу ведь тоже оружие выдали. Может, там уже финальная сцена из «Парфюмера» в прайм-тайм по новостям крутится.

Эй! Я все-таки смерть. Хоть бы на «Калигулу» расщедрился.

– Ничего я там не делала! Все по списку, Афродита подтвердит.

– Точно? – с сомнением покосился на меня Макс.

– Точно! – подтвердила я. – Цербером клянусь!

– Ну и как же вас наказать? – задумчиво, сам себе, протянул Смерть.

Мои косяки никогда не оставались без внимания. А поскольку изображать раскаяние (которое, будем честны, нечастый гость в моей голове) я научилась лет с десяти, чтобы не скучать, я систематизировала попытки взрослых воспитать из меня достойную смерть.

Вот, например: какую роль в воспитании может играть диван?

Если папа стоит, а ты сидишь – значит, будет давить авторитетом. «Джульетта, ты ведь дочь всадника», «Джульетта, я в твои годы...».

Если наоборот, то грянет попытка пристыдить. «Подумай о маме!», «Что о тебе скажут в школе?», «Мне стыдно за тебя!».

Еще есть вариант – самый, кстати, бесчеловечный – это когда вы оба сидите, а папа ласково тебя гладит по голове или держит за руку. Вот тут-то совесть и просыпается по-настоящему.

Правда, со Смертью и диваном, если верить принесенной бабушкой литературе с грифом «18+», существовал еще один вариант. Но на этот раз мне, кажется, свезло: косячила я не одна, а в компании с Дианой.

– Бери пример со смертных, – сказал Харон, – вот уж кто умеет занять людей ненужным и тупым делом.

Мы с Дианой переглянулись: перспектива собирать снег в мешки не радовала.

– Ну что ж, пожалуй, Харон прав. Джульетта, Диана, завтра в восемь жду вас у своего кабинета.

– Зачем? – хором спросили мы.

Но этот гад бессмертный только загадочно усмехнулся.

Я приставала к Максиму всю дорогу до дома: скажи да скажи. Но он был непреклонен и тверд. Только улыбался и подначивал: «Тебе понравится». Наконец я обиделась:

– Что ты меня все наказываешь да наказываешь? То Софией, то Дианой.

– А зачем ты вовлекаешь в свои приключения то жизнью, то купидонов? И вообще, с чего это я должен тебя защищать?

– А...

Я осеклась, подумав, что вообще-то не должен. Но все равно вдруг стало обидно. Сколько мы пережили, сколько прошли вместе. Пожалуй, я даже с грустью порой вспоминаю время, когда Макс был некромантом и чудил не по-детски. Тогда с ним было легко, а сейчас...

– Долго ты будешь от меня бегать? – вдруг спросил он, а я на ровном месте споткнулась.

Ночь, темная улица, даже в домах свет почти не горит, отчего складывается ощущение, что нас слушает весь район.

– В смысле?

– Джульетта, – Смерть укоризненно покачал головой, – тебе самой не надоело делать вид, что ничего не происходит?

Я опустила голову и медленно побрела вперед. Как ему все объяснить? Как вообще объяснить тому, кто знает тебя как смерть-катастрофу, не способную прожить и часа без неприятностей?

– Может, расскажешь, что происходит? Если я тебе не нравлюсь, скажи прямо, Джульетта!

– Я просто запуталась. Не знаю, правильно ли выбрала профессию. Все изменилось. Мне казалось, так будет всегда: мама дома, папа – всадник, мы с Фели постоянно спорим, приезжает бабушка – и папа лезет на стенку, а в будущем я бы работала смертью. А теперь... я все еще студентка и непонятно, напишу ли диплом, мама с папой расстались, Фели у бабушки и мы почти не видимся, люди теперь бессмертные...

– И мужик непонятный в соседней комнате, да? – сочувственно вздохнул Макс.

Я пожала плечами. А что тут скажешь?

– Все меняется. Не бывает такого, чтобы все было как прежде, даже у бессмертных. Мы тоже меняемся, выбираем новые профессии, ищем новую любовь. И мир вокруг нас меняется, а уж смертные... у них только страсть к порнухе неизменна, в остальном то война, то революция.

– Я понимаю. Но мне грустно, потому что раньше все было хорошо.

Он обнял меня за плечи, встряхнув. Совсем лишенный эротизма жест, просто теплый и поддерживающий.

– Не переживай. Профессию ты выбрала правильную, никем иным как смертью тебя никто не представляет. Офелия перерастет, и вы снова будете общаться. Диплом напишешь, защитишь, а родители... помирим.

Я с удивлением посмотрела на Макса:

– Как?

– Есть у меня тут одна идея... – загадочно произнес он. – Но тебя пока в нее посвящать рано. Ты не согласишься.

И тут я вдруг вспомнила, что рядом со мной не только серьезный и разумный магистр Смерть, но и раздолбай-некромант Макс, его темная (или дурная, кому как больше нравится) половина. А в свое время эта половина натворила о-о-очень много дел.

– Но хоть на свидание-то я тебя могу пригласить? – спросили сразу обе половины.

Ну разве двум мужикам в темном переулке разумно отказывать?

Глава 4. Свидание со Смертью

– Дебил географический! Да на какую Вечность мы его взяли?! Мотор и навигатор бы на эту гондолу установили, и все, без вопросов! Но нет, технический прогресс для смертных! Да я с интернета карты скачаю, на флешку загоню и в мягкое место этому итакцу вставлю для лучшего усвоения и построения маршрута! Может, тогда он перестанет всех в эту самую пятую точку возить?!

Я от смеха чуть не свалилась в воду. Хотелось мерзеньким голосом зудеть над ухом у Макса: «А я говорила, я говорила!» Но что толку, если говорила я вчера, а заблудились мы сегодня?

С утра, раз мне надо было к восьми на наказание, а им заведовал Смерть, мы решили выйти одновременно и вместе доплыть до академии. Я даже смирилась и не стала лезть через кусты его сада, на обходную дорогу. Правда, причиной тому, скорее, служили ливень и туман, опустившиеся на город смертей с середины ночи. Даже если мы на кого и наткнулись бы по дороге, все равно в этом ливне ничего не рассмотреть.

Ну а возле гондолы нас уже ждал Одиссей: мы были его последними пассажирами в академию на сегодня, вся толпа студентов уже расселась по аудиториям.

Черноволосый и кудрявый Одиссей широким жестом пригласил нас в гондолу. Никогда еще путешествие в дождь не было таким приятным. Магия всадника отводила струи дождя и немного согревала. Я наслаждалась мрачной панорамой города, стремительно растворяющейся в тумане. На своей памяти такой непогоды не могу припомнить. Города уже не видно, академии еще не видно, всюду туман и шум дождя... Захотелось прижаться к Максy и погреться на широкой груди, но пришлось подавить постыдный порыв: все же Одиссей – не Лора и Харон, он о наших приключениях не в курсе.

Минут через пятнадцать я забеспокоилась – мы уже должны были причалить к пристани академии. А еще через десять Макс уже орал. Лодка дрейфовала по волнам, Одиссей печально склонил голову, я хихикала в уголочке. Бедная Диана, ждет нас там, недоумеает.

– Это что, диверсия?! Косить от работы ты всегда умел...

– Ну, – отсмеявшись, сказала я, – теперь выбирай: романтичный «Титаник» или реалистичную «Муму»?

Одиссей с шумом сглотнул. Кажется, это была самая стремительно завершившаяся карьера. Даже мы с первым дипломом продержались дольше.

Однако веселило все это меня вплоть до того, как Макс начал решать наши проблемы. Первые минут десять мне даже нравилось смотреть на широкую спину и на то, как легко ходит весло в сильных руках, а потом...

К окнам прилипла вся академия. Думаю, не ошибусь, если скажу, что получила рекордное количество проклятий в свой адрес от представительниц женского пола. Теперь бесполезно объяснять и врать, что мы с господином ректором просто встретились по дороге и волей судьбы оказались в одной лодке, все равно не поверят. А даже если и поверят, толку?

А этот гад еще и издевался:

– Знаете, адептка Мор, я уверен, эффективнее, чем вы сейчас, в академии никто не появлялся.

Всю дорогу до его кабинета я обиженно дулась. И, слава Вечности, Дианы еще не было. Хоть где-то пригодилось замечательное свойство всех купидонов появляться не вовремя. Я прошмыгнула в кабинет и заныкалась в углу дивана, с некоторым подозрением косясь на Макса. Что он опять придумал?

– Кофейку? Чайку? Вина?

– Приговор, – вздохнула я. – Ну или амнистию, потому что по расписанию у меня через час пара.

– Пары не будет.

– Не знаю, кто больше рад, я или студенты, – хмыкнула. – А в честь чего?

Смерть протянул листок, в который я всмотрелась с ощущением грядущих неприятностей. Сначала список фамилий показался мне ерундовым. Подумаешь – состав курса. Что это? Все, кто попал под действие чар Дианы?

Потом дошло прочитать заголовок, и я нахмурилась. Подобные списки преподаватели академии использовали для массового вывода смертей в мир смертных. Мойры пропускали всех через портал по

списку и по списку же запускали. Дабы никто случайно не потерялся на бескрайних просторах запретных смертных наслаждений.

– Это и есть свидание? – осторожно спросила я.

– Нет, свидание будет вечером. Это – наказание.

– А, что-то я их постоянно путаю.

– Это экскурсия. Раз вы с Дианой проштрафились, проведете экскурсию в мир смертных.

Подумав, он добавил:

– Но на этот раз под моим строгим контролем.

Да лучше бы я окна опять мыла и полы и пыль вытирала, да и занавески простирнула, чем вести свою группу на экскурсию в мир смертных!

Мою скромную просьбу выделить Цербера для охраны стад... то есть группы, Макс со смехом отклонил. Подумал, что я шучу, наивный! Хотя бы ту кривую палку, как у пастухов, дали. Нет, я, конечно, могу и косою зацепить, но боюсь, если верну адептов по частям, на ближайшем родительском собрании мне конец.

Да и куда их вести? В музей? Пф-ф-ф, дом моей бабушки может заставить плакать горючими слезами зрителей Лувра, Эрмитажа и Смитсоновского музея. А у бабушки они наверняка были на экскурсии, когда учились в школе. Она всех туда водит.

К слову, о бабушке: была у меня мыслишка напрямч ее и отвести первокурсников в театр. Но чую пятой точкой: бабуля такое веселье не пропустит, зайвится лично. И если мои косяки еще не похоронили преподавательский авторитет с концами, то воркование бабушки, которая обслюнявленным платком кинется вытирать мне лицо, его не просто закопает, а кремирует и пепел развеет по ветру.

Ладно, просто покажу, как смертные живут и работают.

С этой целью мною был выбран самый захудалый офис по типу «Рога и копыта», коих развелось по всей планете бесчисленное количество. Что делаем – не знаем, но делаем это так, как будто важнее нашей работы ничего нет.

Конечно, можно было и на завод, но читать технику безопасности мне лень, как и вытаскивать свой балахон из шестерней какого-либо станка. А что он туда попадет, сам или с помощью студентов, я не сомневалась.

В назначенный час мы с Дианой в компании Макса и кучки первокурсников неспешно двинулись через портал в мир смертных. Я чувствовала себя так, словно не студентов охраняла, а за детским садом присматривала:

– Адепты! Возле портала не толпимся, по торговому центру не разбредаемся!

– А можно зайти в «Дольчегабану»?!

– А мы пойдем в «Макдоналдс»?!

– Я забыла смертные деньги!

– Магистрант Мор, а Лакос меня ударил!

– Ну так двинь ему в ответ! – не выдержала Диана. – Ты смерть или кто? Черенком по лбу, и делов!

Мойры смотрели со смесью подозрения и ехидства, но при Смерти не решались издеваться. А мне жутко хотелось взять его за руку, потому что еще год назад я впервые оказалась в мире смертных без сопровождения, а теперь сама этим сопровождением стала.

К счастью, после взбучки и воспитательной беседы на тему любовных порывов адепты вели себя прилично. Послушно ходили невидимым для смертных строем за мной по коридорам офиса и внимали.

– Обратите внимание, сидячая работа, обилие кофе и трансжиров в пище. Плюс отсутствие нормального освещения. Кто еще назовет мне опасные факторы этой безопасной с виду работы?

Хелен подняла руку. Я сразу вспомнила слова Дианы и чуть не скривилась, но кивнула головой, показывая, что слушаю.

– Кондиционеры. Сухой воздух – разносчик инфекций.

– Правильно. А теперь еще один момент. Секундочку.

Из кармана была извлечена ранее конфискованная у Офелии зажигалка, а с ближайшего стола взят какой-то отчет. Я подошла к бумаге и поднесла ее к детектору дыма. Секунда, две... Не поняла. Где писк? Древком косы ударила по коробочке в надежде, что удар ее оживит. Вместо этого она свалилась мне на голову. Ну вот, не пожарная сигнализация, а муляж на двустороннем скотче.

На автомате сунула его в карман. Смерти подарю, он такие штуки любит. Вообще у всех бессмертных есть свои бзики. Бабушка вот по любовным романам прикалывается, папа обожает книги смертных в стиле «Врачи врут: как вылечить аппендицит силой мысли и

подорожником». А Макс просто обожает изобретения, которые призваны усложнить ему задачу, но игнорируются большинством смертных. На прошлый день рождения он получил от Офелии набор светоотражателей на одежду. Надо мне чем-то его осчастливить.

– Ну и какие выводы вы сделали? – спросила я.

– Без работы не останемся! – крикнул кто-то, и адепты радостно заржали.

Макс загадочно хмыкнул, а Диана развела руками. Ну да, правда их. Даже несмотря на бессмертие, вдруг свалившееся им на голову, способов отправиться к Аиду осталось не просто много, а дико много.

Чудо, но детки вели себя прилично. Спокойно перекусили в кафе (сколько радости, оказывается, может вызвать картошка фри – как будто у нас ее делают не так вкусно!), пофоткались на нелегальные смартфоны и стали спокойно ждать дальнейших указаний. Я сидела на лавочке, вытянув гудящие ноги, и наслаждалась солнечным деньком. Стаканчик с кофе в руках тоже способствовал благодушному настроению.

Группа паслась неподалеку: во главе с Дианой развлекалась в парке аттракционов. Судя по нехорошим ухмылочкам, дом с привидениями в скором времени обещал обзавестись новым реквизитом.

Макс куда-то ушел, подозреваю – по давним некромантским делам. Лишь бы снова никого не оживил.

– Ты вообще инструкцию читала?! – вдруг услышала я ненавистный сестричкин голос.

Встрепелась, покосившись на кофе с подозрением. Что они туда добавляют, раз у меня глюки начались? Но нет, голос Софи действительно доносился откуда-то из парка. Пришлось подняться и пойти на звук.

– Нет, ну как тебе оружие-то выдали без аттестации?

Радуясь толстой подошве кед и наплевав на просьбу не ходить по газонам, я прокралась на звук, стараясь производить как можно меньше шума. Жизнь обнаружилась у тоннеля любви в компании Дианы, и я тут же подумала: лучше бы домик ужасов!

Хотя... розовый пластиковый тоннельчик с аляпистыми сердечками и две нехило подставившие меня заразы? Ме-е-есть! Косу

даю на переплавку, что сейчас здесь будет весело. И громко. Надеюсь, Макс отошел далеко и не успеет меня оттащить от этих заноз.

– А чего это мы тут делаем?! – Я выскочила из кустов.

Софи взвизгнула, Диана покраснела.

– Ничего, – буркнула сестричка. – Отвали.

– А я думала, ты замужем и у вас с магистром все прекрасно. Ну-ка, колись, зачем тебе понадобилась помощь Амура!

Диана открыла было рот, но белобрысая зараза наступила ей на ногу. Ничего, я все равно узнаю, у меня опыт богатый. В семье с Офелией ты либо учишься грамотной разведке, либо получаешь и за свои косяки, и за сестричкины.

С кого бы начать? Пригрозить Софке, что расскажу ее Леонардо об увиденном, или надавить на совесть Дианы, которая еще не оправилась от спешно отправленного не то в отпуск, не то в декрет ректора.

В следующую секунду все мысли о мести и нашей возне вылетели из головы, потому что я вдруг увидела Нину. Она неспешно брела по аллее, держа в руках какую-то папку, и говорила по телефону.

– Прячьтесь! – прошипела сквозь зубы, увлекая девчонок за собой.

– Кто это? – спросила Диана.

– Нина, – ответила я. – Смерть, которая помогла всаднику апокалипсиса дать людям бессмертие. Жаждет моей крови, потому что я...

А почему, собственно? Интересный вопрос.

– Надо подобраться поближе и послушать, о чем она говорит.

Только я стала размышлять, как это проверить, Диана смело поднялась.

– Что? Она меня не знает и не видела!

Мы с Софией затаили дыхание. С бешено колотящимся сердцем я смотрела, как Диана сначала невозмутимо топает позади Нинки, делая вид, что прогуливается, потом обгоняет ее и, споткнувшись, сбивает с ног.

Раздалась отборная ругань. Купидон торопливо извинялась, помогая Нине собирать рассыпавшиеся из папки листы, а та вырывала из рук Дианы добычу и с раздражением отпихивала ее руки.

– Ну что там?! – насели мы, когда Диана вернулась в укрытие.

– Я почти ничего не поняла. Она с кем-то говорила по телефону, но имени не назвала. Обсуждали какого-то общего знакомого. Все говорила: «Да не знаю я, куда он делся!», «Сам и ищи теперь, ты его упустил!», «Найдем кого-нибудь, это же всего лишь смертный!». И все в таком духе. Какой-то дебил на том конце провода не верил в успех поисков, а эта ваша Нина его успокаивала.

Я разочарованно вздохнула. Да мало ли кого Нина и Голод потеряли и теперь разыскивают? Это никак не поможет Максиму в их поимке.

– Но, – Диана просияла, – когда я ее сбила, из папки разлетелись всякие бумажки, и я увидела фотографию. И не просто увидела, а скопировала!

Она щелкнула пальцами и протянула мне небольшой глянцевый снимок. Белобрысая голова кухни тут же подлезла под руку. И мы хором воскликнули:

– Анастас!

– Кто? – не поняла купидон.

Мы с жизнью переглянулись.

– Зачем предательнице бессмертных наш сектант? Я думала, он местный дурачок с феноменальным везением, – скривилась София.

Тут я с ней была совершенно согласна. Все это выглядело до ужаса странно, напоминало кучу деталек от огромного пазла. Никогда их не любила, вечно то Цербер почти готовую картину по всему дому разбрасывает, то папа ночью наступит, то сама половину деталей потеряю.

– Надо найти Анастаса раньше, чем Нина. И, прежде чем упокоить, как следует расспросить, что он о ней знает.

– Не упокоить, а спасти, – поправила меня Софи.

Я решила не отвечать. Трясущиеся и матерящиеся кусты непременно привлекут внимание адептов, а засветиться перед ними еще и в драке я точно не хотела.

– Уходим по одной! – объявила я, и первая рванула на свободу, благо Нина уже давно покинула парк. – Адепты! – прокричала во все горло. – Мы возвращаемся! Подходим на перекличку и организованно идем к порталу!

Куда пропал Макс? И не связано ли его исчезновение с появлением Нины?

Вот будет свидание – обязательно спрошу. Хоть одна общая тема найдется.

Я вдруг поняла, что совсем забыла о предстоящем вечере за этими заботами с экскурсией. А между тем это ведь наше первое свидание с Максом! Нет, ну первое было, пожалуй, в театре. На второе можно натянуть ночевку в отеле, когда мы гонялись за восставшим трупом, но все же это не то. Вот так встретиться где-то и провести вечер вместе – это что-то новенькое для меня.

Смерть появился в аккурат, когда последний адепт исчез в портале. От поста мойр они сами разбредутся по домам, а мне надо заскочить в академию и навестить кое-каких преподавателей. Практика практикой, диплом дипломом, а от нормоконтроля и безопасности смертеедательности меня еще никто не освобождал.

– Где ты был? – будто невзначай поинтересовалась я.

– Так, навестил знакомого. Ты помнишь, что вечером у нас свидание?

И почему мне кажется, что Макс как-то подозрительно быстро сменил тему.

– Помню, а куда мы пойдём?

– Буду дома в восемь. Не опаздывай!

С этими словами он свернул в сторону Академии жизней, чем еще больше меня удивил. Странные дела творятся в мире смертей.

* * *

Свидание... Обычно девушка надевает воздушное платье, завивает локоны, достает туфли, в которых удобно только сидеть. Именно на моменте, когда я, благоухая дорожными духами от самой Персефоны и стоя в одном полотенце, колдовала у зеркала над романтическими локонами, в спальню завалился Макс.

Ничего святого у этого всадника!

– Эй, я же голая! – воскликнула я.

– Ты в полотенце.

– Да, но под полотенцем – голая.

– Ну я, знаешь ли, штаны тоже не на шерсть натянул. Ты собралась надеть это?

Да, не таких слов ждет девушка, готовящаяся к первому свиданию. Платье, что заметил Макс, давно ждало своего часа, ибо было куплено на выпускной, который по его же милости и не состоялся.

– Да, я собираюсь надеть это.

– Настоятельно советую выбрать джинсы и толстовку, – выдал Смерть и был таков.

Оставил меня, гад, с открытым ртом – чуть волосы не сожгла!

Как итог, я вышла в гостиную, чувствуя себя не в своей тарелке. Вечерняя укладка, маникюр подобран в тон к камушкам на серьгах, легкий, но изящный макияж, и... балахонистая толстовка и драные джинсы. Туфли на высоченной шпильке отправились обратно на верхнюю полку шкафа, а их место заняли кеды.

Н-да-аа, мне бы еще зеркальные очки на половину лица и кепку, чтобы никто не догадался, что я – это я.

– О, – воскликнул Макс, – отлично выглядишь! А я тебе кепку и очки купил.

Честное слово, мне показалось, он издевается!

Подозрительно косясь на Смерть, я взяла подарок и на всякий случай поискала на кепке надпись «Я не с ним». Не нашла.

– Готова? – спросил Макс.

К его чести, сам нарядился так же: в джинсы, куртку, кепку и очки. Я даже примерно не представляю, что романтического можно делать в таком виде. Воровать гранаты у Аида? Обматывать туалетной бумагой бабушкин дом? Просто и незатейливо бухать?

Но я уже давно поняла, что сколько Макса ни пытай, правды не добьешься. Поэтому послушно взяла его за руку и зажмурилась в ожидании переноса. И стоило нам сделать шаг за пределы портала, как я тут же оценила подарок Смерти: в глаза мне ветром принесло кучу песка.

Я с удивлением осмотрелась и непроизвольно открыла рот. Жуткого вида обрыв, трибуны, а внизу – река и лес. Присмотревшись, я разглядела яркие флажки с баллами, едва выглядывающие над поверхностью воды. Да это же...

Я с визгом, забыв обо всем, повисла у Макса на шее. Профессиональный турнир по косогонкам!

Потом опомнилась, слезла с чужой шеи и, скрывая румянец, поправила козырек кепки.

– А как же закон? Я думала, всадник не поощряет подобные виды спорта.

– У него есть темная половина, – усмехнулся Макс. – Но, если хочешь, я разбужу в себе светлую, утащу тебя домой, отшлепаю и нажалуюсь Мельпомене.

– Нет, хочу на трибуну! Пошли, пока не заняли все лучшие места!

Я потащила Макса на самый верх, откуда открывался потрясающий вид на всю трассу. Так вот куда он пропал сегодня днем. Ну да, билеты на такие мероприятия продавались подпольно, а лучший способ скрыться от всевидящих очей всадников – свалить к смертным. В их бардаке вообще никто разобраться не способен.

Я никогда еще не бывала на соревнованиях такого уровня. Те, что выигрывала в академии, – фигня, местечковый титул. А здесь... говорят, две сотни лет назад сам Аид под чужой личиной выиграл заезд. Среди участников чемпионы, смерти, чей опыт работы в сотни раз превосходит мой опыт косяков. А косы-то какие, мой тюнинг нервно курит в сторонке.

– Смотри, – показала я Максу на одного парня, у которого вместо обычного лезвия к древку была присандалена голова дракона с двумя длинными клыками, – это пятикратный чемпион бессмертного мира по косогонкам!

– А я думал, он лимонад продает, – фыркнул магистр. – Клоун какой-то.

Трасса в этом году выдалась сложная, ничего не скажешь. Флажки жутко низко, чуть не рассчитаешь – и зацепишь на бешеной скорости воду, мало не покажется. Еще пара флажков притаилась на обрывистом берегу напротив, там явно придется развернуться и лететь на боку.

Пока участники разминались, к трибунам выскочили группы болельщиц с помпонами всевозможных цветов. И если гонщики стремились привнести в облик устрашения и брутальности, то эти нимфы с голыми животами, казалось, присобачили рекламу всюду, докуда дотянулись.

Странное ощущение: вот так сидеть рядом с Максом на публике. Конечно, здесь мы вряд ли встретим студентов или преподавателей. Для студентов цена слишком высокая, а преподаватели (хочется

верить) все же не нарушают правила. Но все равно странно. Слева какая-то девушка-смерть с розовой челкой, справа магистр Смерть, сзади парень-смерть с попкорном.

Пардон, попкорн уже у меня на голове.

– Хорошо, что это не американская смерть, – проворчала я, стряхивая крошки с кепки. – Они предпочитают попкорн с маслом. Будешь? У меня еще горсть за шиворотом есть.

Наконец болельщицы перестали демонстрировать чудеса растяжки (и нет, я совсем не ревновала) и убрались с поля. Взметнулись флаги, раздался громкий хлопок – дали старт, и смертрейсеры стремительно рванули вперед, а трибуны взорвались криками.

От напряжения я даже впилась когтями в колени. Хорошо хоть, в свои. Не знаю, за кого болела. С одной стороны, за действующего чемпиона – по себе знаю, как тяжело защищать титул, пусть этот титул всего лишь местечково-академический. Да у меня вообще с защитами как-то все не складывается. А с другой стороны, мне так приглянулся симпатичный светленький мальчик с косой, инкрустированной рубинами. Хотя нет, вру, рубины меня привлекли в последнюю очередь, а вот выкрашенное в белый цвет древко с покраской, имитирующей брызги крови, – очень.

– Как он водит! – заорала я, когда мой любимчик чуть не нырнул в реку носом. – Выдайте ему газонокосилку и парашют!

Сзади раздался полный отчаяния вопль:

– Гони-и-и-и! Я на тебя зарплату за три столетия поставил!

Я на секунду отвлеклась, умножая стипендию на три сотни лет, и содрогнулась: нет, **СТОЛЬКО** учиться я не готова. Пока ужасалась, светленький все же зацепил лезвием воду, не удержался и бултыхнулся, подняв фонтан брызг. Похоже, кровь на древке – вовсе не декор. Он явно часто прикладывается об него носом.

За белобрысенького болела не я одна: с трибун раздался единый вздох разочарования. Ладно, выбираем другого фаворита. Пожалуй, остановлю свой взор на единственной девушке в этом мужском нелегальном царстве. Чисто из солидарности, ибо летает она ну будто на метле: мотается в разные стороны и дрейфует на поворотах.

– Поворачивай, дура-а-а! – тихонько провыла я, когда смерть чуть не врезалась в скалу и лишь чудом выровняла косу. – Ты куда рулишь?

А-а-а, хочу туда! Да я...

– Да ты, насколько я помню, – усмехнулся Макс, – прилипла к столбу.

Я подскочила и с подозрением уставилась на магистра. Воспоминание о том, как коза по имени Сандра прилепила мне на косу магнит, было еще слишком свежо в памяти – руки сами сжались от желания потаскать нахапку за рыжие кудри. Вот только все это было раньше, чем он нас спалил!

– А ты откуда узнал?

Вокруг все снова взорвалось криками, топотом и фонтаном попкорна. Расцелую Смерть за кепку! Выковыривать карамельную кукурузу из тщательно накрученных локонов – не самое захватывающее занятие в ночь после свидания.

Я вдруг всмотрелась в толпу.

– Можно я тебя поцелую? – спросил Смерть.

– Нет.

– Почему?

– Потому что папа заругает.

– Папы здесь нет, – с хитрым прищуром ответил нахал.

Я подарила Максиму акульку улыбку:

– Спорим?

Видеть, как меняется его лицо, – бесценно! Я ткнула пальцем в дальнюю трибуну, где среди зрителей и впрямь сидел отец в футболке с логотипом смертной группы «Чума», которую я дарила на День Всадника.

– Осталось встретить Войну, и можно будет поднимать на совете вопрос легализации косоножек, – фыркнула я и опустила пониже козырек. – Но вообще, я возмущена до глубины души. Напридумывали правил и сами их нарушаете.

– Для того и придумывали.

Макс выглядел слегка разочарованным. Наверное, в его представлении свидание должно было проходить не так. По крайней мере без встречи с отцом. Вот будет умора, если подойдем поздороваться. А кстати, что будет? Папа вроде как в курсе, сам отправил меня пожить под защитой Смерти, пока они с мамой разбираются в ситуации.

– Ну что, позовем папу и поболеем вместе?

– Вообще-то я планировал ужин.

– Так тем более! Он знаешь, как поесть любит? Сейчас сбегаю!

Я рассмеялась, увидев лицо Макса. Почти поверил, что я сейчас ломанусь на противоположную трибуну и вернусь висящей на шее отца. А потом мы дружным семейством пойдем ужинать, и мне даже заботливо засунут в декольте майки салфеточку.

– Ты долго будешь на меня дуться? – обиженно пробурчал он. – Я уже извинился!

– За что?

– Да за все! Даже за то, чего не делал.

– Теперь придется делать, да?

Макс посмотрел на меня так, что я невольно устыдилась и вздохнула. Ну ладно, пожалуй, пора его простить за спектакль с некромантом и мой заваленный диплом. Потому что иначе моя логика даже для меня слишком женская: на свидание пошла и сидит, надувшись, в уголочке.

«А вообще, если долго смотреть на ректора, то можно увидеть, как он женится на первокурснице», – вдруг подумала я и полезла целоваться.

Ну да, целовался Макс всегда хорошо. А может, то был просто недостаток опыта. Не вспоминать же неуклюжие обжимания с однокурсником в библиотеке академии. Но на самом деле я просто хотела поцеловать его – ну, как в смертном кино, медленно и красиво, чтобы заиграла романтическая музыка и все замедлилось.

А получилось, что оказалась в объятиях без шансов вырваться. Сначала испугалась, потом втянулась, а потом вдруг все вокруг взорвалось криками, грохотом, хлопотками. Честное слово, я чуть Максиму язык не откусила! Папа бы точно заметил, если бы Смерть, ругаясь матом, стремительно драпал от меня прочь.

– Что?! – Я заозиралась. – Финиш? Кто победил?!

– Я победил, – довольно усмехнулся этот гад.

Пропустить победителя! Да это же самая интересная часть гонок, когда лидеры идут ноздря в ноздю, пихаясь локтями, и новый чемпион стремительно вырывается вперед.

Эх, не девушка. Жаль, но мою фаворитку как раз доставали из воды, а кубок над головой держал какой-то парень, явно ставший чемпионом впервые. Я до сих пор жалела, что пришлось отказаться от

соревнований. Во всеобщем чемпионате имеют право принимать участие локальные чемпионы своих организаций, и я бы могла выйти на новый уровень, если бы не отказалась.

Но теперь вижу, что поступила правильно. Глупо думать, что соревнования подобного масштаба проходят без ведома всадников. Папа со Смертью, может, и закрывали глаза на участие меня в академических косогонках (а может, и вправду не знали), но с этого поля вывели бы за ухо.

В качестве компенсации за пропущенный финал, когда трибуны опустели, мне разрешили полетать по трассе. Я визжала от восторга на выражах, а Смерть снисходительно наблюдал снизу. Честно предлагала ему присоединиться, но увы – для всадника, говорит, не солидно. Вдруг кепочку ветром сдует и кто-нибудь узнает?

Запланированный ужин мы, конечно пропустили, но я не чувствовала по этому поводу ни малейшего сожаления. Пожевать можно и бутерброды в кровати, а полетать на трассе чемпионата по косогонкам – бесценно!

И никому не расскажешь, не похвастаешься. Я вдруг поняла, что у меня осталось совсем мало друзей. Институтские выпустились и разбрелись по работам, с Офелией мы как разъехались, так и не общались. Впору начать дружить с Софкой, благо завтра как раз придется идти с ней в мир смертных.

Дом встретил тишиной, уютной. Надо открыть окна в спальне, чтобы впустить ночную свежесть. После насыщенного дня спать буду как убитая.

У дверей комнаты Макс снова полез целоваться, но на этот раз я поддалась тараканам в голове и вывернулась.

– Хорошенького понемножку, – сообщила разочарованному магистру.

Потом, подумав, чмокнула в щеку. Нет, ну вечер получился классным. А остальное – потом. Побуду тургеневской смертью, впечатлительной и непорочной.

Наутро впечатлительная и непорочная смерть, вопреки обыкновению, не проспала. Даже удивленно смотрела на часы и потягивалась в постели, вплоть до того момента, как в комнату ввалился Макс с подносом.

– Это что? – с подозрением спросила я.

– Ужин.

– Не поняла.

– Раз ты отказалась со мной ужинать вечером, придется ужинать утром. У меня, вообще-то, был план!

Ну ладно, завтрак в постель, даже если он ужин, – это приятно. Я с наслаждением вдохнула аромат крепкого кофе. Н-да, не была бы смертью – сдохла бы от инфаркта. Он что, высыпал туда половину банки?

Но я не стала язвить по поводу завтрака. Если слишком много болтать, можно и без таких вот приятностей остаться.

Среди мисочек и стаканов я заметила небольшую коробочку. Любопытный нос тут же в нее залез и увидел изящное колечко в виде рук смерти, сжимающих рубиновый гранат. Не дав полюбоваться на игру света в камне, Макс надел его мне на указательный палец.

– Серебро? – с интересом спросила я.

– Да. – Макс хмыкнул. – Будешь от зомби отбиваться.

– Так это вроде от вампиров.

– Тебе еще докторскую защищать. Все впереди.

– А я тебе подарок не приготовила.

– Ты сама – как подарок. Только я еще не решил, на какой праздник.

– На пенсию, – захихикала я, за что получила подушкой.

Но все хорошее рано или поздно заканчивается, а завтрак всегда заканчивается слишком рано. И наступает трудовой день. Смерть унесся на работу раньше, а я неспешно собралась ко второй паре. Отчитаю свою лекцию и рвану в мир смертных, чтобы разделаться с заданием и избавиться от сестрички. Еще неплохо бы навестить сначала папу, потом маму, потом бабушку с Офелией (хотя на бабушку я все еще обижена).

Ах да, еще надо зайти в бухгалтерию и оформить отчет по тратам adeptов в мире смертных. Сколько же у преподав бумажной работы!

Смертные часто в книгах описывают потусторонних существ. В их представлении наша жизнь вся такая мистическая, полна мрачных декораций, жутких разговоров о фазах луны, а еще мы непременно, если уж собираемся вместе, проводим кровавые ритуалы и пугаем заблудившиеся души.

Но на самом деле дамский коллектив – такой дамский, честное слово! Даже если все дамы – старухи с косами. Ну то есть это в представлении, опять же, смертных. Скажи я про старух вслух, мне косу забьют по самые... наверное, поэтому литература смертных у нас ввозится только контрабандой.

Я думала обо всем этом, усердно жуя кислую ватрушку на пресном тесте, выданную главбухом всея академии. Смерть с символичным именем Геката тем временем с умилением наблюдала, как «деточка кушает», вспоминая нас с Фелькой в сопливом детстве. Я тоже с тоской думала о том времени, потому что раньше стол главбуха стоял у окна, и выпечка, качество которой за пятнадцать лет не изменилось, тайком отправлялась в это самое окно. Наверное, зря, ведь если бы пятилетняя Джулька сообщила, что булочка – гадость и есть она ее не будет, все бы только посмеялись, а теперь Геката думает, что ее стряпня мне нравилась, и приходится давиться под ласковым взглядом.

Три часа! Сколько еще я должна тут просидеть, чтобы получить законное? Но нет! У одной лак на ногтях сохнет, другая не может работать из-за головной боли. Посиди, Джульетта, подожди, когда кто-нибудь освободится. По-моему, этой булкой меня пытаются отравить, чтобы скрыть изнасилование моего мозга.

И зачем только папа брал меня маленькую на работу? Они вспомнили почти каждый такой визит, потом поинтересовались, как же так: невеста-то выросла, преподает, небось от женихов отбоя нет! Потом я узнала, что именно меня бросит муж (всех бросают, все вы, молодые, думаете, что так не бывает, но опыт не пропьешь!), как стрясти с него алименты, потом был монолог «Дети – счастье, ты почему себе счастье не хочешь?» (и видит Вечность, я захотела, я даже на детей была согласна и уже прикидывала, не подавится ли Макс, если я сейчас же побегу решать этот вопрос!).

Ну а на любимой теме всех друзей родителей «а вот у меня племянник есть, как раз твой ровесник!» я не выдержала и взмолилась:

– А можно мне все-таки отчет подписать?

– Отчет? – Главбух удивленно моргнула. – Так тебе отчет надо?

Я украдкой закатила глаза.

К счастью, пока Геката вникала в мою писанину, получилось задвинуть ватрушку в общую кучу так, чтобы с виду она казалась

совсем не покусанной. Некрасиво, но а что делать? К тому же они тут явно уже давно лежат: вся академия в курсе кулинарных талантов главбуха.

Мое внимание вдруг привлек разговор двух смертей – той, что неспешно сушила лак, и только-только прибежавшей на работу блондинки.

– Бывшая? Реально? А так бывает?

– Да! Я сама в шоке, но Клото врать не будет, она же сама плела! Хелен была смертной, а тут такой казус – в очередной жизни родилась как жнец. Один случай на миллиард душ!

– А я уверена, – к ним подключилась третья, – что это Смерть расстарался. Старая любовь. Всадники так просто от своего не отказываются, если уж случилось влюбиться в смертную – сделают все, чтобы ее к нам притащить.

– Да брось, зачем ему?

– А почему он тогда ни с кем не встречается уже сколько лет?

Я чуть было не влезла в разговор с возмущенным «Чего это сразу ни с кем?!», но вовремя сдержалась и, под видом абсолютной незаинтересованности, посильнее наострила уши.

– Эх, – блондинка разочарованно покачала кудрями, – такой кадр выпал из обоймы. С кем бы забиться, что до конца года Смерть на ней женится?

Я бы сейчас с удовольствием этой обоймой выстрелила в болтливую смерть. В упор.

Хелен-Хелен... точно, та самая девчонка из моей группы, что не признала во мне препода в первый день.

Сначала я мучительно восстанавливала в памяти все эпизоды встреч с Хелен. Потом вспомнила слова Дианы о влюбленной первокурснице и почти озверела. Не на адептку, конечно, на Макса! Не могу сказать? И пусть не отмазывается: если знают в бухгалтерии, то знают все!

А если бы нас кто-нибудь спалил? Да я бы со стыда сгорела, слушая подобные сплетни! А еще... меня чуть холодный пот не прошиб. Если знают здесь, то и Хелен в курсе! На Макса и так каждая вторая студентка слюни пускает, а если наши доблестные сплетницы разнесут по академии, что Смерть все еще в нее влюблен...

Вот честное слово, и чего я сама на него не вешалась? Надо думать, с дипломом тогда все вышло бы не в пример проще. Пора признать: на мне папа с мамой просто тренировались, а вот Офелия получилась более усовершенствованной моделью. Сестричка сразу просекла, кого здесь надобно любить.

Хоть бери косу и отбивай личного некроманта. Хотя за драку с подопечной меня вряд ли оставят на второй год. И в живых...

Сейчас я немного жалела, что не воспользовалась моментом и вместо гнезда разврата устроила в доме Смерти коммунальную квартиру. Хотя я все равно понятия не имею, что делать дальше. Это несправедливо! Хелен свою жизнь уже прожила, опыта набралась, и ей теперь второй шанс (и молодость вторую, надо думать). А я, хоть и пробывла бессмертной чуть дольше соперницы, так и осталась дитем.

В кармане полыхнул свиток от Макса. «Джульетта, возьми по пути домой хлеба». Н-да. Романтика-романтика, на косе два бантика...

Ощущения очень напоминали те, что возникли после заваленного диплома. Хотя та трагедия казалась серьезнее, зато эта вообще не поддавалась осмыслению. Косячить в учебе я привыкла, а с делами амурными – это не ко мне. Интересно, Афродита проводит мастер-классы?

В задумчивости я брела по коридору к классу, где толпа адептов вместе с Хелен ждали новой лекции. Я была так погружена в невеселые мысли, что не заметила, как открылась ближайшая дверь, оттуда высунулась рука и шустро втащила меня в аудиторию.

Прежде чем я заорала, Смерть зажал мне рот.

– Макс! – возмутилась я. – Так можно и косу отбросить!

– Ну извини. Иду я по делам, смотрю – адептка одна-одинешенька, вроде симпатичная.

– Я временно не адептка, а практикантка. И вообще тут много одиноких, – не удержалась.

Смерть удивленно поднял брови.

– На первом курсе, например.

– Симпатичные? – усмехнулся гад. – Долго одинокими не будут, к летней сессии минимум четверых торжественно проводим в академ.

– Тебе виднее, – мой голос можно было использовать в криогенике.

– Джульетта, что это значит? Что с тобой случилось за утро?

– В бухгалтерии побывала, – призналась я и жалостливо вздохнула.

– И? Отравилась плюшками Гекаты?

– Послушала последние новости. Как тебе Хелен нравится в образе смерти?

Глаза Макса отчетливо полыхнули нехорошим таким огоньком, и я вдруг испугалась. Ну не его, конечно, драка с ректором – это еще хуже, чем с адепткой. Просто испугалась, иррационально, что меня сейчас будут ругать и отчитывать, как в детстве.

– Я тебя учиться отправил, а ты вместо этого сплетни собираешь! Тебе еще группу накинуть, чтобы фигней не страдала? Или тему для диплома расширить?

– Фигней?! Да половина академии уже на свадебный подарок вам скидывается! Так... а папа знает?

– О том, что скидываются? – Смерть иронично хмыкнул.

– О том, что твоя бывшая теперь бессмертная. Он ведь прекрасно помнит о вашем романе.

– Джули, – Макс вздохнул терпеливо, но так, что мне сразу стало ясно: терпение (вместе с моей удачей) на исходе, – мне очень много лет. Я не жил монахом и, надеюсь, не буду, хотя за последнее уже не ручаюсь. И я не могу бегать от всех своих бывших, потому что мне уже много лет и сердечко, знаешь ли, уже не то. А бывших много.

– Очень смешно, – скривилась я. – Значит, это не ты пробил перерождение Хелен?

– Нет, не я.

Снова вздохнула. Ну вот, теперь я – дурочка и сплетница, а он – в белом. И как у этого некроманта... то есть всадника, это постоянно выходит?

– Я хотел пригласить тебя на второе свидание, – будто бы между прочим сказал Макс. – Но раз ты изволишь дуться, то могу оставить планы при себе.

Я закусила губу от любопытства. Знает ведь, что устоять я не смогу, после косононок-то! Вряд ли можно придумать что-то круче, но если можно, я должна это увидеть!

– Ладно, приглашай.

– Сегодня вечером.

– Как одеваться?

Ответ меня несколько насторожил:

– Торжественно. Это будет романтическое мероприятие.

Что-то подсказывало, что романтичности от меня требуют классической. Той самой, которую я наводила перед косогонками. Одно плохо: Макс явно совершенно не представлял (или умело прикидывался), сколько занимает подобная «естественная красота». До обеда пары, потом надо все же почтить Софку присутствием, а не то вместо романтического ужина с Максом будет ритуальное сжирание моего мозга сестричкой-аистом. А потом еще и собираться? Ну уж нет!

– Только я не успею, дел много. Будь другом, проведи за меня пару?

Прежде чем Смерть сообразил, я рванула к выходу.

– Джульетта! Я не могу выполнять за тебя практическое задание!

– Всего один раз! Иначе не успею на свидание!

К черту порядочность, я живу в доме ректора академии, должны же у меня быть привилегии!

Глава 5. Смерть и жизнь идут по следу

Удивительно: я столько лет живу бок о бок с другими бессмертными и до сих пор совершаю тактические ошибки. Одной из таких ошибок стала договоренность с Софией встретиться в торговом центре смертных. Едва я вышла из лифта, как сразу же поняла, что путь лежит в особенно плотное скопление детей и беременных.

Естественно, в центре этого бедлама стояла София. Сестричка буквально лучилась счастьем, она, будто воплощенная Благодетель, с улыбкой гладила малышей по головам, беременных – по животам, а немногочисленных мужчин... впрочем, мужчин не гладила, это они то и дело норовили поймать ее изящную ручку.

Я с трудом протиснулась сквозь эту толпу к кухне. По дороге была трижды обругана сердобольными бабульками, дважды извинялась перед излишне пузатыми, еще дважды чуть не грохнулась, запнувшись о болтавшихся под ногами детей, а уже у самой цели одного грудничка на меня чуть не стошнило. Хорошо хоть в этот раз меня покинула природная неуклюжесть: увернулась ловко.

– Что ты творишь?! – зашипела в ухо Софке.

Та изящно поправила широкую лямку сарафана и одарила меня снисходительным взглядом. Никогда бы не подумала, если бы не видела лично, что это ангельское существо с косичками способно участвовать в классической женской драке.

– Разве они не чудо? – Вместо ответа жизнь мечтательно улыбнулась. – Смотри, Джульетта, маленькие дети еще помнят тепло рук жизней, которые привели их в этот мир. А беременные ощущают приближение светлого таинства.

– А я ощущаю приближение защиты диплома. И мне жизненно важно его родить. Поэтому пошли уже найдем сектанта и закончим!

Я потащила Софку за руку под недовольный рокот толпы. Уж не знаю, что она там им всем рассказывала, но врагом я стала крайне быстро. Повезло, что в торговый центр вдруг ввалились целых три класса школьников во главе с грозного вида учительницей, и получилось уйти в невидимость.

– Ну, с чего начнем? – спросила София.

Я заранее посмотрела в сети, не планируются ли очередные лекции у нашего светила и громила просвещения, но, как назло, информационный фон молчал. Зато я нашла адрес штаб-квартиры секты Анастаса. И если он такой преданный служитель, каким хочет казаться, в чем я лично сомневалась, то там мы наверняка его найдем.

По дороге я даже возгордилась собственным опытом: София бывала в мире смертных намного меньше. Мы с Максом этим летом оббегали половину мира, пытаюсь вернуть сбежавшего покойника на место. А жизнь прилежно и смиренно грызла гранит науки и писала свой диплом.

– Что это ты делаешь?! – поинтересовалась я, заметив, как София записывает что-то в блокнот, не забывая при этом на меня поглядывать.

– Вставлю в свою диссертацию главу «Зависимость эффективности спасения смертной жизни от компетенции и природных способностей бессмертного».

– И что это значит?

– Насколько сильно ты облажаешься.

Я не удержалась и исподтишка дернула Софку за косичку. Беззлобно, правда, ибо была слишком погружена в размышления.

– Каков план? – спросила кузина.

– Смерть сказал, сначала мы должны спасти Анастаса от смертельной опасности, а потом все же забрать его душу. Предлагаю так: ты кидаешь на него с крыши кирпич, я его ловлю и, значит, спасаю от смертельной опасности. А потом бью его этим же кирпичом.

– А потом бабушка бьет нас.

С этим было сложно не согласиться.

– Ладно, как вообще происходит это спасение? Что вы делаете?

– Мы получаем задание за некоторое время до грядущего происшествия. Незримо следуем за душой по пятам и в нужный момент отводим беду.

А Софка была бы неплохим политиком. Они тоже умудряются в ответ на простой вопрос выдать кучу информации и ни грамма полезного.

– Как вы понимаете, что момент нужный?

– А вы?

– У нас все проще, клиент помер – вот тебе и момент.

– Как примитивно, – скривила изящный носик аист. – Тебе не понять. Это момент единения жизни и магической силы, самой Судьбы.

– Понятно, то есть успех моего диплома зависит от того, зачесется ли в нужный момент твоя бледная задница. И поверь, лучше бы ей зачесаться, потому что я хочу вернуться к вечеру!

За пререканиями мы не заметили, как многолюдный и шумный центр за окном автобуса сменился мрачной серостью окраин. Невысокие домишки, местами поросшие травой, производили удручающее впечатление.

– А я думала, секты кормятся за счет участников, и кормятся неплохо, – пробурчала я.

Судя по навигатору, нужный адрес находился в одном квартале от остановки. И на карте это расстояние выглядело не таким уж и большим. А вот на местности, с учетом того, что дорога здесь была одна и хорошенько так петляла среди мрачных домов, все оказалось иначе.

Промозглая осень сегодня для разнообразия взяла выходной, и на улице царило настоящее солнечное лето. Припекало так, что пришлось снять куртку. Софка вообще ненавидела весь мир. В коротком сарафане и изящных светлых балетках с противными бантиками она смотрелась несуразно. И, надо думать, особых неудобств не испытывала.

– Ну что? Чувствуешь опасность?

Я периодически задавала этот вопрос, чтобы побесить Софию. Хотя ее и так все бесило: сестричка то и дело чесалась и хлопала по рукам.

– Зараза! – Она снова шлепнула себя по предплечью. – Джульетта!

– Что?

– Тут комары!

– Я при чем?

– Поработай по специальности! Убей их!

– Я что, фумигатор с косой? Фигушки! Комарихи пьют кровь, чтобы отложить яйца, или что они там откладывают, следовательно, продолжают жизненный круг. Все как ты любишь.

– Но почему они тебя не кусают? – обиженно хныкнула кузина.

Хихикнув, я продемонстрировала ей флакончик смертного средства от насекомых. Между прочим, еще и от клещей защищает. А они тут точно есть, но оставим приятные сюрпризы для Софии на потом.

– Стоп! – Я остановилась как вкопанная и сверилась с навигатором. – Это здесь.

Мы мрачно смотрели на трехэтажный бетонный дом, обнесенный забором. Выцветшие вывески сообщали, что здесь располагается риелторское агентство «Перспектива», ритуальный салон «Забвение», парикмахерская «Роза» и столовая номер семь. Причем вывески ритуального салона и столовой явно были продуктом (сказала бы выкидышем, да при Софке неудобно) одного рекламного агентства. А может, в том был непрозрачный намек судьбы. Есть в этой столовой я бы точно не рискнула.

– Идем.

– погоди! – София вцепилась в мою руку. – А что мы будем делать? Я не чувствую опасность!

– И что? Нам вечность бегать за сектантом, пока он не изволит ножку перед трамваем подвернуть? Что ты предлагаешь?

– Мы поставим на него руну. Чтобы переноситься в любой момент. Как только я почувствую опасность, сразу вызову тебя, и мы перенесемся.

Я скептически хмыкнула. Она что, всерьез надеялась взять меня на такой примитивный развод? Позовет, как же. Уже представляю моноспектакль у бабушки на кухне: София устало плачет, сетуя на безалаберную сестричку, а я ни сном ни духом, что снова провалила диплом.

– Нет уж, так дело не пойдет. Сейчас мы этого сектанта найдем, устроим ему опасность, спасем, а потом отправим к Аиду. И разойдемся писать теоретические части. Идем, я должна вернуться и успеть подготовиться.

– К чему это?

Мы ступили в темный и пыльный коридор здания. Внутри оказалось намного больше компаний, чем на вывесках снаружи. Правда, большинство дверей выглядели так, словно их не открывали уже много лет. Шаги эхом отдавались в пустом помещении.

– Какая нам нужна? – спросила Софи.

Я шикнула на нее и прислушалась. Где-то со второго этажа слышались приглушенные голоса. Жестом я поманила сестру за собой. Хоть мы обе и были невидимыми, рисковать не хотелось.

За первой же дверью на втором этаже оказалось нечто вроде зала для собраний, где в кругу сидела целая толпа народа. Полная женщина в сером одеянии, сделанном из сатиновой простыни, нараспев что-то вещала, а остальные кивали и улыбались.

– Видишь его? – шепнула Софи.

Я проверила дважды: Анастаса среди собравшихся не было.

– Может, не та секта?

– Две секты в одном здании – это все равно что мы с тобой в одном отеле в отпуске. Просто этот гад не пришел.

– И что делать?

– Дождемся конца собрания и попробуем выведать у местных, где Анастас живет или куда заходит.

– Во всем ты виновата! Если бы не влезла в мою работу, я бы сейчас уже обосновывала актуальность темы!

Ну, моя актуальность заключается лишь в том, что без работы мне не дадут диплом. Другого смысла в бабушкиной идее я не вижу, потому что если мы с Софией и станем после этого дурдома лучшими подружками, так это только в том случае, если мне чем-нибудь прилетит по голове. Например, вот этим куском штукатурки, что угрожающе навис прямо над нами.

Но ткнуть в него пальцем и велеть кухне убраться я не успела: на лестнице показался сектант.

– Ага! – воскликнула я. – Нехорошо опаздывать!

В руках Анастас держал свою любимую, будь она неладна, трубу.

Я никак не ждала, что меня услышат. Но парень подскочил на месте, посмотрел на нас и... бросился наутек.

– За ним! – рявкнула я.

И почему у меня второй раз диплом дурняком бегаёт? Хотя нет, этот не бегал, этот сидел на заборе.

– Стой, прыгну! – заорал сектант, едва мы с Софкой следом вылетели из дома.

Я скептически приподняла бровь: забор едва ли насчитывал два метра в высоту. Кого он пытался напугать?

– Спускайся, идиот! – крикнула я. – Мы тебе не враги.

– А чего вы тогда за мной следите? – почти обиженно протянул Анастас.

Он так трогательно сжимал трубу, что я невольно задалась вопросом, что же в ней такого особенного.

– Спускайся! Мы тебя спасаем!

Софка, похоже, была в шаге от того, чтобы переквалифицироваться в смерть. Ну или в маньяка.

– Если она дунет, спущусь!

Ну вот, снова за старое.

– Не буду я никуда дуть!

– Джульетта! – рассерженно зашипела кузина. – Он сейчас сбежит! Тебе что, сложно дунуть в эту его трубу?

– Тебе надо, ты и дуй!

И, уже обращаясь к Анастасу:

– Зачем это? Что произойдет?

Он воздел к небу руки, я – глаза. Сейчас будет проповедь.

– Я вижу то, чего не видят остальные, чей разум зашорен и ограничен!

В чем-то он прав, умудрился же увидеть нас даже в режиме невидимости. Этот Анастас не так уж прост, редкие смертные видят бессмертных, хотя...

Я вдруг похолодела от неожиданно пришедшей в голову мысли. А что, если смертные, получившие бессмертие, в скором времени начнут нас видеть?! Достаточно вспомнить врача из морга, а теперь еще и сектант... вдруг обретенное бессмертие меняет их?

Хотя нет, это бред, «Aeternum» еще не пустила в широкую продажу свой эликсир. Вряд ли его получили заштатный патологоанатом и паренек с протекающей крышей и медной трубой.

– Предначертанное свершится, едва последний ангел апокалипсиса протрубит судный час!

– Ну, не ангел, а дочь, не апокалипсиса, а всадника, и не последний, а старшенькая, а так почти угадал. Хватит ерундой маяться! Слезай давай, поговорить надо!

На самом деле я понятия не имела, как буду заговаривать ему зубы, пока Софку добродетельный петух в одно место не клюнет. Но снова бегать за жертвой по всему городу не хотелось.

– Не дунешь – не спущусь! – скривился гад.

– Ну все! – не выдержала я. – Сам напросился!

И полезла на забор, чтобы в буквальном смысле за шкуру стащить идиота на землю. В конце концов, от папы я нахваталась кое-каких магических штучек.

На стороне Анастаса была фора в расстоянии, на моей – его труба. В том смысле, что он никак не хотел с ней расстаться и отчаянно пытался слезть, прижимая ее к груди. А прыгать все же было страшно. Это вам не покойник Джереми, который пер напролом, невзирая на глупости.

Хм... а если его подтолкнуть, София его спасет? Воодушевившись идеей, я гораздо активнее полезла на забор.

– Я чувствую опасность, Джульетта! – раздалось снизу.

– О да-а-а! – кровожадно прорычала я, карабкаясь по забору.

Хотя что-то в голосе Софии меня все же насторожило. Повернувшись, я выругалась, потому что во двор на дикой скорости въехала черная тонированная машина. Несколько секунд, когда она остановилась, все было тихо, а потом из опустившегося окна показалось дуло пистолета.

Визгу Софии позавидовала бы сирена гражданской обороны. Соседние кварталы явно подумали, что или началась война, или инопланетяне все же начали вторжение со спального района провинциальной деревни.

Софии, правда, ровным счетом ничего не грозило, как и мне, а вот Анастас сейчас рисковал, и сильно. Прыти сектанту было не занимать: он спрыгнул на асфальт и понесся прочь, петляя и размахивая трубой. Каким-то чудом стрелок не попал. Я при всем желании не смогла бы рассмотреть человека внутри, да и не собиралась. Крикнула Софии «Бежим!» и остановилась, лишь чтобы метнуть косу в машину. Вышло замечательно: попала прямо в окно, из которого стреляли. Хорошо быть потусторонним существом: никто не пришлет повестку в суд и не взыщет по страховке!

София сдалась первая. Бессмертие бессмертием, а выносливость мы качаем точно так же, как смертные. Макс, подозреваю, все-таки ночами пробирался в спортзал. Ночами, потому что все время пропадал в академии, а соответствующее положению ректорское пузо так и не наел. Хотя, может, это потому, что он еще не женился? Если так, то ему лучше срочно прекращать приглашать меня на свидания,

ибо с такой женой, как Джульетта Мор, пузо отъесть сложно. А вот коньки отбросить не в пример легче.

Обо всем этом я думала, несясь за Анастасом. Откуда в щупленьком сектанте столько энергии? Он несся прочь с трубой наперевес так же быстро, как бегуны из жарких стран несутся на Олимпиаде. Пару раз мне казалось, что вот-вот выдохнется, но у него постоянно открывалось второе дыхание. И третье, и так до бесконечности, пока он не тормознул попутку и не унесся на ней в пыльную даль.

Я стояла, пытаюсь отдышаться, минут десять. Потом призвала косу: после удара по машине на лезвии остались царапины.

– Ну что? – раздался за спиной противный голос сестрички. – Упустила? Сложно было дунуть в его эту трубу?!

– Меня пугают предложения дуть в трубу от незнакомых парней, – огрызнулась я. – К тому же, если бы я это сделала, он уже был бы мертв.

– Кто в него стрелял? И зачем?

– Нина.

– Смерть-предательница?

– Мы видели у нее фото Анастаса. И черная машина смертных – вполне в стиле Голода. Других вариантов нет.

– Зачем тому, кто изобрел бессмертие, паршивенький сектант? И можно ли считать все произошедшее спасением от смертельной опасности?

– Проконсультируйся с Леона-а-ардо, – протянула я.

Но если все же можно, то этот случай войдет в учебники как самый странный способ спасти жертву от расстрела: напугать до мокрых штанов. Я даже вижу эту иллюстрацию: на заборе стоит испуганный вихрастый паренек с трубой в обнимку, а к нему карабкается смерть с косой. Только бы меня нарисовали симпатичной!

– Ладно, что дальше будем делать?

– Ты – не знаю, а лично я пошла домой, у меня сегодня свидание.

С этими словами я начертила руну Макса и... ничего не произошло.

София рассмеялась.

– Удачи на свидании, сестричка. Завтра в это же время.

А вот у нее все прошло на ура, жизнь исчезла в снопе белых искр, совершенно некстати напомнивших о противных розовых блестках. Хотя сейчас я была согласна и на блестки, потому что вокруг была такая тишина – хоть топор вешай. Или его вешают в темноте? Никогда не разбиралась в смертных пословицах.

– Ма-а-акс, – без особой надежды на успех позвала я.

Вот блин! Почему эта руна иссякла именно сегодня?! Меня выкинет обратно в полночь, но до полуночи еще попробуй дотяни. Рядом где-то ездят приспешники Голода, а по городу носится сектант, мечтающий, чтобы я исполнила какое-то там пророчество.

Кажется, это рекорд.

Вздыхнув, я побрела куда глаза глядят – в том направлении, где скрылся Анастас. Если Вечность пошлет мне хоть капельку удачи, то я, может, встречу нашего героя в городе и утру Софке нос.

Остаток пути я развлекалась тем, что представляла себя героиней сериала «Смерть и все-все-все». В последней серии этого ситкома я с гордо поднятой головой возвращалась в свой мир в сопровождении души Анастаса. Все собравшиеся аплодировали и восхищались, и тут и там слышались шепотки: «Она все сделала сама!» – папа и мама на волне общего умиления гениальной дочерью плакали и мирились, Офелия в осознании собственной несостоятельности уходила в монастырь, София вешалась на собственных косичках, студенты смотрели с благоговейным восхищением, а Макс падал на одно колено. А потом на второе и делал мне предложение руки, сердца и коня – как-никак всадник, хоть какое-то имущество должно быть.

Но Вечность решила, что это слишком уж слащавый хеппи-энд, так что в назначенный час просто выкинула меня, грязную, голодную и уставшую, домой.

В прямом смысле домой – заклинание-то папино. Я не сразу поняла, где оказалась, только когда Цербер с радостным воплем кинулся и в три пасти начал меня облизывать, догадалась.

– Джульетта? – раздался удивленный голос отца. – Ты снова из мира смертных?

С меня сняли любвеобильную собачку, хотя я с удовольствием бы еще немного его потискала. Когда страсти после произошедшего улеглись и я переезжала из родного дома, папа не разрешил взять с собой Цербера. Подозреваю, с подачи Макса, который не слишком

жаловал живность. Но нам с Фели это было представлено несколько иначе.

– Оставим пока его себе, – сказал отец, – нам с мамой нужны общие темы.

Угу, так и представляю: дорогая, ты наставила мне рога и подвергла нашу дочь опасности. А теперь о приятном: наш песик хорошо покушал и хорошо покакал.

– Да, я... ммм... пишу новый диплом.

– Это тот, что с Софией? Твоя бабушка что-то упоминала.

– Вау, ты начал общаться с бабушкой?

– Это вынужденная мера. Она считает, что может помочь нам с мамой разобраться в происходящем.

– Хана браку, – прокомментировала я.

Папа только усмехнулся.

– Поужинаешь со мной?

– Не могу, – вздохнула я. – Смерть ждет. Моя. Меня. В смысле, сейчас меня прикончат за то, что я не пришла на...

Хотела сказать «свидание», но в последний момент осеклась. Вроде и понятно, что Смерть разрешил папе переселить меня совсем не для того, чтобы защищать вляпавшуюся в неприятности кровиночку, но все равно признаваться, что встречаешься с папиным другом, как-то неловко.

– Ну тогда беги. Отправить тебя экспрессом?

– Была бы очень благодарна.

Мне вдруг стало жалко папу. Один (Цербер не считается), в темном и пустом доме, коротающий бессонную ночь. Жена ушла, детей пришлось расселить, работы невпроворот.

Я даже носом шмыгнула.

– А хочешь в гости? – спросила, прежде чем подумала, что на это скажет Макс. – Поужинаем, телик посмотрим.

– А пойдем, – согласился папа. – Только переоденусь и захвачу что-нибудь из бара, все-таки с пустыми руками в таком часу в гости не ходят.

Пока он переодевался, я бродила по дому в состоянии ностальгической тоски. Черт возьми, сейчас я даже по Офелии скучала! По нашим перепалкам, по мелким пакостям. И по завтракам вчетвером. Неужели такого больше никогда не будет?

– Пап, – позвала я.

– Да, милая?

– А почему ты отправил меня жить к Смерти?

– Джули, мы уже это обсуждали, потому что твоя подружка Нина – полный неадекват, и Максимилиан может тебя защитить. Да и к тому же мы с мамой сейчас... в некотором напряжении, незачем тебе слушать наши скандалы и взаимные упреки.

– Я имею в виду, почему ты ему доверяешь? Все-таки отправить дочь жить в дом к другу... не знаю, как-то это...

Папа посмотрел на меня так, как смотрел, когда я судорожно пыталась оправдаться за двойку в детстве. С видом всезнающего взрослого.

– Ты хочешь спросить, знаю ли я, что Максимилиан в тебя влюблен?

Я покраснела и прикусила язык, чтобы не уточнить, точно-точно ли влюблен.

– Знаю, – пожал плечами папа.

– И что, так просто это принимаешь?

– А что мне сделать? Выбить ему зуб, а тебя запереть в башне с драконом? Так мне дракона жалко, одно дело принцесс охранять, другое – тебя. Издохнет животинка.

То есть если издохнет Смерть, то его папе не жалко?

– Разбирайтесь сами. Ты взрослая девочка и, если хочешь, можешь вернуться домой. Но знай, что я буду очень нервничать, а мне нельзя, у меня сердце слабое.

В папино слабое сердце верилось не менее слабо. Но доля здравых рассуждений у него была: все же мы не знаем, кто еще из смертей разделяет идеи Голода. В дом главы всадников никто не сунется, а вот в наш – вполне, особенно если будет веский мотив. Конечно, я могу переехать к бабушке, но коктейль «Офелия и Мельпомена» вырубает почище ракетного топлива из любимого бара Аида.

Так что не выпендриваемся и подбираем слова для извинения перед Максом.

Я так хорошо подготовилась, что, едва мы появились посреди гостиной дома Смерти, выпалила:

– Извини! Твоя руна не сработала! А еще я привела папу!

И на всякий случай спряталась за этого самого папу.

– Не сработала руна? – Макс нахмурился.

При виде его, одетого «с иголки», меня буквально закололо этой самой иголкой стыда. Даже тысячей иголок! Нет, я буквально нежным местом села на ежа стыда и еще пару недель буду выковыривать занозы!

– Не сработала, – вздохнула я. – Папа, садись, я сейчас умоюсь и сделаю бутерброды.

– Я заказал ужин, – мрачно сообщил Макс.

Еж стыда еще и заворочался.

– Можно тебя на секунду? – спросила я.

Смерть послушно отошел к лестнице и хмуро на меня уставился.

– Руна действительно не сработала! Я ждала полночи.

– Я верю.

– Тогда почему ты так смотришь?

– Я расстроен, я надеялся на свидание. А еще у тебя колтун на голове.

Я побледнела и схватилась за спутанные волосы. Ну вот, теперь придется вылить на голову литр масла для волос и молиться, чтобы все это прочесалось и не пришлось стричься под мальчика.

– А что здесь делает Морис?

– Ну... понимаешь, меня ведь выкинуло домой. И там был папа. Одинокий, грустный, он так обрадовался, когда я позвала его в гости! Можешь выпить с ним по бокальчику и поболтать за жизнь? Вы ведь так делаете.

Макс усмехнулся:

– Могу. Но знаешь, что это значит?

– Что?

– Тебе придется идти спать. Мужские разговоры не для дочерних ушей.

– Но...

– Спа-а-ать, Джульетта, спать. И мучиться мыслью о том, что я хотел и не смог сказать тебе во время свидания. А руны я почию с утра.

– А...

Я не придумала, что сказать, и просто насупилась. Смерть, гад такой, провокатор, заботливо, почти отечески, чмокнул меня в лоб и

подпихнул к лестнице.

Вот так мой романтический ужин достался папе.

И да, я почти взревновала. Только не знаю, кого из троих: Макса, отца или еду.

* * *

Я проснулась оттого, что кот снова залез под одеяло, пригрелся там и начал мурчать. Мурчал он громко, больше напоминая тархтящий трактор. В полной тишине этот звук стал совершенно невыносимым, и мне пришлось вставать.

Вообще кот оказался на диво умен, ибо вылезал только пожрать, по естественной надобности и погреться в моей постельке. Все остальное время он проводил в специально купленном для него домике. Наверное, впечатлился угрозой Макса кастрировать его косой, если еще раз пометит ботинки.

В общем, зевая и потягиваясь, я спустилась в гостиную. По дороге не забыв проклясть того, кто вообще придумал такое явление, как первая пара. Думаете, только студенты мучаются, вынужденные ползти в академию еще до рассвета? Как бы не так! Я лично мечтала, чтобы вся группа в полном составе решила на мою пару забить.

В гостиной я остановилась и присвистнула.

Да-а-а, как мужские разговоры под сугубо мужской коньяк, так «Джули, уйди!». А как с утра влететь тапком в присохшую колбасу, так Джули первая.

Я отпихнула кота, сунувшего было нос в остатки пиршества.

– Брысь! Не ешь бяку. Секретные разговоры у них, не для женских ушей, ага, – ворчала я, прибираясь. – Могли бы тогда и улики убрать! А то я узнала их самый главный мужской секрет: оба свинтусы!

На кухне я обнаружила записку, из которой выяснила, что посидели отлично, руна снова работает, Макс и папа ушли на работу, а мне – успешного дня.

Вместо того чтобы подарить мне триумфальное завершение дипломной работы, Вечность оберегает от разговора с Максом. Я так и не успела рассказать о покушении на Анастаса, а ведь эта информация могла быть важной.

Голова трещит от всего! Отвести пару, поработать над теорией диплома, потом снова в мир смертных, предпринимать вторую попытку найти Анастаса. Потом, если получится сбежать пораньше, реабилитироваться за пропущенное свидание и выпытать, что Макс там хотел сказать.

А потом тихо сдохнуть от усталости в объятиях кота.

Ах да, я же бессмертная. Раньше можно было побить чашки или хрусталь, а сейчас? Посуду не побьешь, самой же и убирать придется, хрусталь бешеных смертных денег стоит, чудом достали, мама в бараний рог за него даже на расстоянии скрутит. Вот и остается просто лежать и орать в надежде, что кто-нибудь задолбается и принесет шоколадку.

Войдя в аудиторию, я поняла, что или хлопья с утра оказались несвежими, или при виде Хелен у меня начинается несварение. Я буквально физически чувствовала, как болезненно сжимается желудок при каждом взгляде на нее. Подобная ревность оказалась для меня внове. И если перед парой я хотела устроить семинар, то почти сразу же отказалась от этой идеи. Как это водится, на первую пару явилась едва ли половина потока. Да и та, что явилась, беззастенчиво спала. Самые смелые аккуратно спрятали смертные диктофоны, чтобы не проспять лекцию и не завалить потом зачет.

Меня все мучил вопрос, помнит ли Хелен свою прошлую жизнь. И вообще, каково это – стать другой? Где-то в мире смертных у нее были друзья и знакомые, она жила, радовалась миру, влюбилась во всадника. А теперь вот студентка и все вокруг совершенно новое! Если бы она не была бывшей Смерти, я бы непременно расспросила ее обо всем.

– Итак, давайте поговорим об окружении, с которым вам предстоит работать. Вы пришли в Академию смертей для того, чтобы получить косы и выполнять важную работу: забирать души смертных в предначертанный час и провожать в дальнейший путь.

Вверх тут же взметнулась рука Хелен.

– Да?

– А зачем нужны смерти, если люди получили бессмертие?

«А зачем ты поступила в академию, если смерти не нужны?» – чуть было не ляпнула я, но сдержалась.

– Начнем с того, что бессмертие доступно еще далеко не всем. К тому же бессмертие, переданное «Aeternum» людям, лишь останавливает естественное старение и болезни организма, но не распространяется на несчастные случаи, катаклизмы и глупость. Для нас все еще полно работы, и поверьте, скоро ее станет еще больше. Опьяненные неуязвимостью и бесконечностью жизни, смертные теряют всякую осторожность.

Это я почерпнула из рассказов Макса, но вышло эффектно: адепты замерли и даже прежде спавшие с интересом на меня смотрели. Хм, а может, мне и понравится быть преподавом... уж за практику я просто обязана получить «отлично».

– Однако не стоит пренебрежительно относиться к смертным, ведь считается, что именно благодаря им и появился наш с вами мир. Сила мыслей и внутренняя энергия древних людей были так велики, что в конце концов их легенды ожили. Уходя в небытие в мыслях и воспоминаниях людей, все мы: смерти, жизни, боги, купидоны и музы – оказывались в своем собственном мире. Строили его, учились жить бок о бок. И наконец пришли к тому, что имеем.

– И почему же процесс остановился? Разве смертные перестали придумывать легенды?

– Перестали массово в них верить. Силы ослабли, нет по-настоящему мощных легенд. Хотя не удивлюсь, если через пару десятков лет со мной по соседству поселится Айфон, а ежегодник академии поручат делать Инстаграму. Но пока, к счастью, мы все в том же составе. Итак, когда вы вступите во взрослую жизнь, вас будет ждать Департамент Смертей, в котором существует множество отделов. Отдел ДТП, отдел отравлений, отдел серийных убийств и так далее. Все жертвы делятся по виду умерщвления, в начале каждого рабочего дня смерти выдается разрядка. Дальше все просто: отправляетесь на Землю и в нужный час забираете душу.

Я строго взглянула на адептов, забыв, что день назад сама была готова подпихнуть Анастаса навстречу его кончине и моему диплому:

– Никогда не вмешивайтесь в естественный ход Вечности! Только наблюдайте и помогайте, а не иницируйте. Расплата будет очень жестокой. К слову, о ней. Над всеми бессмертными властвуют всадники апокалипсиса: Смерть – глава всадников, непосредственный начальник смертей и наш, пока еще, ректор. Мор – его правая рука,

глава всех остальных бессмертных. Война – судья бессмертных, а Голод... вакансия Голода свободна. Кто хочет, может попытаться силы, но помните, что претендовать на место всадника может только бессмертный с высшим образованием, отработавший не менее трех веков по специальности. Ну и имеющий заслуги перед обществом бессмертных. А еще он должен...

– Победить дракона? – хихикнул кто-то с галерки.

– Дракон сам сдохнет, а вот докторская сама себя не напишет. Поэтому наслаждайтесь славным студенческим временем. Так, что там у нас еще... конечно, вы будете сталкиваться с жизнями. О взаимодействии с этими бессмертными вам даже расскажут на специальном курсе, а летом, после второго года обучения, вы пройдете совместную практику.

А если накосячите, то еще и диплом дружно напишете.

– Ну и, наконец, подземное царство. Раньше смерти провожали души, которым не повезло получить еще одну жизнь, к Харону, а уж тот вез их во владения Аида. Потом Харон задолбался, перешел в академию, возить студентов, а на его место никто так и не пожелал прийти. Так что обязанность лодочника возложили на смертей. Но вы не бойтесь, Аид неплохой. Когда-то в детстве он даже подарил мне собаку.

Хотя технически Цербера можно считать за три собаки. И Аид его не дарил, Цербер сам за мной увязался на очередном Хеллоуине, когда мама закатила большую вечеринку, а царь мертвых просто махнул на балбесину рукой.

О страсти Аида к азартным играм, непростых отношениях с женой и скандальной истории, когда он смылся из своего царства и решил жить среди смертных, я умолчала. Не все сразу, некоторые слухи мира бессмертных стоит узнавать во время полевой работы.

Когда прозвенел звонок, я с облегчением собрала вещи и шустро выскочила из аудитории, только чтобы не оставаться с Хелен наедине.

Несомненное преимущество второгодников: почти не нужно ходить на пары. Отличия в программе оказались минимальны, по сути, от защиты диплома меня отделяли эта самая преподавательская практика и несколько предметов в следующем семестре, сдать которые будет просто. Кому пришло в голову ввести в программу «смертноведение»? Нет, дисциплина полезная, многие смерти,

включая меня, порой сильно косячат, оказываясь тет-а-тет с миром смертных. Но кто вообще решил поставить преподавателем Персефону? Да она по полгода сидит у Аида, что она может знать о мире смертных? Одно радует: ни к отцу, ни к матери у нее счетов нет, я с ней тоже не ссорилась, так что зачет светит легкий. Ну и пары Макса, конечно, забывать не стоит. За них спросят и на зачете, и на экзамене, а потом еще и дома добавят.

В столовую или домой? Дома есть нечего, а в столовой есть опасно. Пар больше нет, до встречи с Софией часа четыре, не меньше.

Едва я об этом подумала, перед носом тут же вспыхнул белоснежный свиток.

«Приходи в ББ. Срочно!» – гласила записка.

– ББ? Безбашенный бар? Бесшабашный бункер? Что, черт возьми, значит ББ?!

– Библиотека Бессмертных, – подсказал вдруг кто-то сбоку.

Я вздрогнула и увидела Хелен. Ну да, круто, мне подсказывает бывшая Макса, еще недавно даже не подозревавшая о существовании этой самой библиотеки.

– Я люблю там бывать. Идем вместе?

– Адептка Рид? – Я многозначительно подняла брови.

Хелен покраснела и насупилась.

– Извините. Я подумала... вы ведь тоже студентка.

Теперь стало стыдно и мне.

– В стенах академии есть правила. За их нарушение не погладят по головке.

– Макс? То есть... магистр Смерть?

На это я ничего не сказала, только порадовалась, что не пошла в столовку. Котлета бы не прижилась, если бы этот разговор состоялся после ее съедения.

Мы вышли из академии и направились в сторону библиотеки. Стыдно признаться, но за всю учебу я там ни разу не была, мне с лихвой хватало академического фонда.

Библиотека Бессмертных хоть и называлась так, по большей части состояла из книг о смертных. История, смертные изобретения, смертные личности, смертные представления о смерти, да чего там только не было! К слову, все диссертации тоже хранились там. Огромное здание с куполом и балюстрадой вокруг него на самом деле

было лишь верхушкой дикого количества подземных залов, переходов и тоннелей. Вряд ли даже сами библиотекари знали, какая именно площадь у Библиотеки Бессмертных.

Но даже эта площадь была меньше неловкости, которая так и парила в воздухе, пока мы с Хелен шли вдоль набережной.

– Так... кхм... у вас... тебя это выпускной год?

– Угу.

– А твой папа – Морис Мор, да?

– Да.

Так себе из меня собеседник, и Хелен чувствовала исходящую неприязнь. Но мои усилия по конспирации дали эффект: о наших с Максом отношениях если и догадывались, то на уровне слухов, которые возникли после недавней сцены в лодке.

– А твой отец дружит с Максом, да?

Та-а-ак, вот мы и подобрались к самому главному. Неужели меня сейчас попытаются использовать как трамплин к сердцу Смерти?

– Они всадники. Между ними хорошие отношения.

– А ты не знаешь... ммм... свободен ли Макс? Ну то есть...

– За роман с ректором бонусов на сессии не будет.

– Он совсем на меня не смотрит. Тебе ведь наверняка отец рассказал, что в прошлом, когда я была смертной, мы были вместе?

– Столько времени прошло.

– Я надеялась, не безвозвратно.

– Разбирайтесь сами, – скрепя сердце я повторила слова отца.

Соблазн раз и навсегда отвадить Хелен от Макса был... не совру, если скажу, что огромный. Даже лезвие для косы из розового золота, которое я просила у отца годами, померкло в сравнении с желанием раз и навсегда пресечь попытки наглой смертной лапой влезть в моего некроманта.

Но пора было взрослеть. У Макса и Хелен есть история, ее не стереть тряпкой с доски и не закрасить белоснежной замазкой. Так или иначе призрак прошлого будет преследовать Смерть всегда, и вопрос лишь в том, сумеет ли он прогнать его прочь ради другой истории – нашей.

Во как круто завернула.

А если быть прозаичной, то я просто побоялась лезть к Хелен, ибо на подобное Макс мог и обидеться. Я бы точно обиделась, если бы он

за моей спиной решал, с кем мне можно общаться, а кто не достоин.

К счастью, показалась библиотека, и разговор можно было сворачивать.

Как бы не так!

– Тебе в какой зал? – спросила Хелен. – Покажешь мне, чем занимаешься?

– Я встречаюсь с сестрой. Это семейное дело.

– Поня-а-атно, – разочарованно протянула девушка.

Никогда в жизни я не была так рада Софии. Та стояла в холле, нетерпеливо притоптывая ногой. Неопределенно махнув на прощание, я поспешила к ней.

– ББ? Ты могла выразиться точнее? У тебя что, буквы платные?!

– Ну ты же здесь, – фыркнула в ответ жизнь.

– Да, и жажду знать, зачем именно.

– Ты рассказала магистру о покушении на нашу жертву?

– Не успела. У него... ммм... были дела.

– Что может быть важнее предательства всадника?!

Ненавижу, когда София права!

– Сегодня скажу, забей. Так зачем мы сюда притащились?

– Узнать, что за секта управляет нашим парнем. Здесь есть информация обо всех сектах смертных. Найдем нужную – найдем причину, по которой этот идиот таскает трубу. И, возможно, узнаем, почему Голод пытался его убить.

Трижды ненавижу, когда к Софии приходят умные идеи!

Одна проблема: зал легенд и верований насчитывал миллионы томов.

Чтобы не попасть впросак, при появлении новой секты или легенды мы тут же заносили всю информацию о ней в каталог и хранили – на всякий случай. Но этого добра было столько! В огромном зале в три яруса стояли стеллажи. На каждом по два-три десятка полок, и на каждой полке по сотне томов. Даже взгляда не хватало до конца зала.

– Чем могу помочь? – Скучающая библиотекарь привыкла к студентам, только они сюда и ходили, так что мы с Софией не вызывали подозрений.

Я скромно отошла в сторону: очаровывать сестрица умела как никто другой.

– Здравствуйте! – застенчиво улыбнулась она. – А мы тут ищем информацию по одной земной секте.

– Название?

Я порылась в смартфоне, где недавно искала адрес, и прочитала:

– «Свидетели Апокалипсиса».

Библиотекарь шустро зашуршала бумажками.

– Второй ярус, стеллаж двести семьдесят четыре, полка девятнадцать.

На всякий случай все записав, я призвала косу, чтобы взлететь к нужному шкафу, но была остановлена строгим окликом смотрительницы:

– Но-но-но! Никаких режущих предметов в моем зале!

– А как... – Я задрала голову, совершенно не представляя, как доберусь до нужной полки.

В ответ на это мне выдали табуретку.

– Прекрасно, летающая табуретка.

Софка откровенно забавлялась. Ее посох оказался вне санкций, и управлять им было сподручнее. Мою же табуретку то и дело мотыляло из стороны в сторону – такой старой она была.

– Косой я нанесу меньше ущерба, чем этим летающим куском бревна!

Сначала я немного нервничала, что нас увидит кто-нибудь из знакомых, но оказалось, библиотека в обычный рабочий день – чудное место, чтобы спрятаться. До пятницы, когда набирают литературу на выходные, еще далеко, понедельник, когда студенты прибегут в истерике, что не взяли книги в пятницу, тоже не скоро. А какой студент делает домашку в середине недели?!

– Интересно, – задумчиво протянула София, рассматривая корешки, – здесь есть подборка ядов?

Она протянула мне мятную конфетку.

– Напомни мне в ближайшее время к тебе на ужин не приходите, – пробурчала я, пряча конфету в карман – угощу как-нибудь бухгалтера.

– Да? – София будто всерьез огорчилась. – А я хотела тебя вечером позвать.

Я чуть с табуретки не упала.

– Что с тобой происходит? Прибежала ни свет ни заря в библиотеку, приглашаешь меня на ужин. Ты не заболела?

Пришлось Софке признаться:

– Ко мне свекровь... тьфу, свекровь приехала.

Свекровь? Этот зверь был мне не знаком. Я знала таких монстров, как «папа-с-тобой-разберется», «мама-все-сказала», «бабушка-приехала» и «джульетта-мор-когда-ты-наконец-повзрослеешь». Хотя... взглянув на подаренное колечко, я подумала, что скоро с ним познакомлюсь.

– Ты хочешь, чтобы я за ужином ее убила? Не прокатит, она же бессмертная.

– Бессмертное зло! Мой муж – сын маминой подруги, а эта подруга, в свою очередь, – моя свекровь! И она меня ненавидит, так что это скорее она меня убьет.

– Ненавидит? – Я искренне удивилась.

Нет, я эту святую женщину понимаю, кузина кого хочешь до истерики доведет. Но обычно все в восторге от милой и ласковой Софии. Как матери, вырастившей магистра Жизнь, удалось раскусить сущность невестки?

– Во-первых, она считает, что я долго сплю. Говорит, что порядочная жена обязана вставать минимум за два часа до пробуждения мужа, чтобы приготовить ему завтрак и навести красоту. Иначе у него отобьется аппетит и пропадет потенция – если он увидит меня ненакрашенной.

Я фыркнула. Табуретка под задницей опасно задрожала, а София бросила в мою сторону злобный взгляд.

– Перед тем как муж уйдет на работу, нужно отутюжить его рубашку, чтобы он надел ее тепленькой. Затем нужно сделать уборку, приготовить обед и отнести его мужу на работу. К приходу благоверного вечером должна быть набрана горячая ванна, готов бокал его любимого вина и ужин – только-только из печи.

– А тапочки в зубах нести надо?

Я попыталась пошутить, но София взглянула на меня так, словно умоляла не подавать монстру в обличье бессмертной новых идей.

– А еще ее сыночке в постели не нужно усталое бревнышко, я должна радовать его как минимум гимнастической растяжкой. Гурман и эстет, блин. Как будто я не видела, как он трескает чипсы под пиво.

Я летела на дурацкой табуретке и думала о том, что мне повезло хотя бы в том, что папа не идеализирует Макса. А еще не держит язык

за зубами, периодически выдавая компромат на коллегу. Так что мне, в случае непредвиденных боевых действий за место женщины в пищевой цепочке, есть что ответить. Например, напомнить историю, как за неимением коня глава всадников угнал из зоопарка зебру.

И все же я должна была догадаться, что некромант по имени Макс не кто иной, как магистр Смерть. Можно замаскироваться внешне, но повадки не скроешь.

– Ты можешь лететь быстрее?! – возмутилась Софи.

– Да, если пересяду на твой посох. Но, боюсь, под весом нас двоих он рухнет прямо на голову какому-нибудь книголюбу. Зачем я тебе за ужином? Или хочешь предостеречь меня от собственных ошибок?

– Не-е-ет, – усмехнулась Софи. – Ты наденешь свою толстовочку, покрасишь губы черной помадой и не будешь скрывать косу.

– Обломись, у бессмертных инфарктов не бывает. Максимум – испорчу твоей свекровке аппетит, но не уверена, что жрать твой мозг она от этого станет меньше.

Кузина отмахнулась. Табуретка зависла напротив шкафа и сменила направление: теперь мы летели в глубь зала.

– Я ее хорошо знаю. Она сразу начнет тебя поучать. Ты ей нахамишь, а я стану идеальной невесткой. По сравнению с тобой, конечно.

Помнится, однажды я уже была страшной подружкой, для Нины. И тот поход в театр для меня закончился в розовых кустах, а Макса вообще чуть не зарубили мечом. Хм, то есть после всех гадостей от сестрички я еще должна жертвовать ради нее вечером, выслушивая про себя кучу нелестных замечаний? Она меня совсем за идиотку держит?

– И что мне за это будет кроме халявной еды и несварения в ближайшей перспективе?

– Ну-у-у... – София надолго задумалась. – Я не стану портить ТВОЮ свадьбу.

Ха! Обязанность испоганить мою свадьбу я никому не доверю, разве что маме с бабушкой. Ну или на худой конец Офелии.

– Ну хочешь, я верну все одолженные у тебя вещи? Или... расскажу, где закопана твоя курсовая?

А я почти поверила, что ее сгрыз Цербер!

– О! Я сниму проклятие путаницы с твоих наушников и кроссовок!

– С прически своей его сними. Нет, нет и еще раз нет! Решай свои проблемы сама, мне хватает наших общих.

Я чуть не свалилась с табуретки, когда та резко тормознула у нужной полки. Вечность, сколько же здесь было книг! Тонкие, почти брошюры, толстые талмуды, крошечные миниатюрные книжки, книжки нестандартных форм и размеров. Еще и не на всех корешках написаны названия.

Ну никакой стандартизации. Ощущение, что данные о сектах вносили как кому вздумается. Так оно, наверное, и было.

– Интересно, по какому принципу они расставляют их? – задумчиво протянула София. – Точно не по алфавиту. Может, по году возникновения? Или по году обнаружения? Вот! Кажется, она!

Хиленькая у Анастаса оказалась секта, всего страничек двадцать, не больше. И папочка серенькая, невзрачная. Меня преследовало ощущение, что все это какой-то бред, что убеждения сектанта никак не связаны с покушением на него. Но других зацепок не было. Возможно, Макс найдет истинные причины.

– Давай спустимся за стол. Мне кажется, эта летающая деревяшка уже на последнем издыхании.

Почувствовав под ногами твердую землю, я с облегчением выдохнула. Сменить неудобную табуретку на глубокое кресло – разве что-то может быть лучше?

Мы облюбовали самый дальний столик, чтобы ненароком не попасться никому на глаза. И сунули нос в книгу.

– «Свидетели Апокалипсиса», – прочитала я. – Спонтанно возникшая секта смертных, базирующаяся на идее апокалипсиса и пророчеств, его предвещающих. Основана... бла-бла-бла, список...

– Сенсеи апокалипсиса, – хихикнула кузина. – Ну и дурдом. Так, если верить инфе, то они считают, что апокалипсис уже давно стоит у ворот их мира.

Да знали бы они, какими усилиями мы эти апокалипсисы отодвигаем, чтобы лишней работы себе не добавлять!

– И апокалипсис очистит Землю, оставит в живых лишь достойных. Ну, то есть всех, кто принадлежит к секте. Поэтому они считают, что апокалипсис нужно подтолкнуть. В момент, когда все

члены секты добьются просветления, Ангел Апокалипсиса должен подать сигнал о начале Великого Очищения. Ну а инструмент сигнала...

Кузина перелистнула страницу, и мы с удивлением узнали в рисунке трубу, что таскал с собой Анастас.

– То есть они назначили артефакт, поверили, что где-то ходит избранный, способный «позвать» апокалипсис, и теперь, все такие просветленные, ждут дискотеку? – с недоверием спросила я.

– Да, и, похоже, Анастас считает, что Ангел Апокалипсиса – это ты. Вот и просит дунуть в трубу.

– Там хоть один нормальный человек есть?

– А прикинь, правда? – заржала сестрица. – Дунешь – и придется папочке работать сверхурочно. Вот он не обрадуется, да?

– Ладно, Шерлок в простыне, что дальше? Мы нашли информацию о секте, но здесь нет ничего, что намекнуло бы на мотивы Голода и Нины. Зачем стрелять в Анастаса?

– Может, они стреляли в тебя?

– Я же бессмертная. Толку в меня стрелять, только бесить?

– Тогда не знаю, – сдалась София.

Тут я заметила кое-что странное и склонилась над книгой, чтобы присмотреться. От волнения даже ладошки вспотели!

– Здесь страница вырвана!

В книге и впрямь не хватало последней страницы, причем вырвана она была грубо, неровно и практически варварски.

– Извините, – я подскочила к библиотекарю, – вы не подскажете, кто брал эту книгу до нас?

Та строго посмотрела поверх очков, я даже поежилась.

– Зачем вам эта информация, юная леди?

– Да потому что вандалы у вас завелись, – буркнула я и продемонстрировала отсутствующую страницу.

Библиотекарь чуть не грохнулась в обморок. Из ее ноздрей в прямом смысле пошел пар, словно в дальних (или не очень) родственниках затесались големы.

– У вас есть копия? – осторожно спросила Софи.

– Разумеется, нет!

– А можно узнать, кто вносил данные в библиотеку? Ну... чтобы попробовать восстановить последнюю страницу.

– Ждите здесь, – бросили нам.

Ворча себе под нос, что студенты – зло и стоит сначала выдавать им дипломы, а уж потом допускать к серьезной литературе, смотрительница исчезла, оставив нас в гордом одиночестве.

– Ну что? – требовательно спросила Софи.

– Никаких идей. Возможно, Ма... кхм... магистр Смерть разберется, когда я ему расскажу. Сегодня же попрошусь на беседу.

– Да я не об этом! Ужин! Придешь?

С каким наслаждением я ей отвечала! Ради этого момента: вида перекосившегося лица кузины, стоило ждать столько лет.

– Нет, нет и нет. Ни за какие блага, Софи. Твоя свекровь – твоя проблема.

Не найдя, чем меня уколоть, сестричка просто кипятилась молча. Не так я представляла сладкую месть этому белобрысому недоразумению, но тоже сойдет. И на моей улице перевернулся кро-охотный грузовичок с пряниками.

– Боюсь, девушки, вам не повезло.

Минуту моего триумфа прервала библиотекарь.

– Данные вносил всадник. И сейчас он вряд ли согласится их восстановить.

– Голод, – догадалась я.

Почему у меня такое ощущение, будто я собрала пазл и все детальки стоят на своих местах, но общая картинка никак не складывается?

Глава 6. Смертельные обиды

Никогда не видела ничего хорошего в сравнении себя с героиней романа. Ибо, по моему скромному мнению, большей части трепетных созданий не хватает таблички «дура» во всю спину. Истеричные на пустом месте, глуповатые, склочные. Именно такими я видела дамочек из любимых книг бабушки. И вот сейчас я чувствовала себя именно такой литературной сущностью. А то, что я прекрасно понимала это, бесило еще больше. Вот спрашивается, кольцо на пальце у меня, живу с Максом я, но Хелен прибить все-таки хочется. Иррационально, из женской вредной ревности.

Свиток с просьбой подменить Макса и вместо его пары провести у первокуров практику теории смерти я получила, едва мы с Софией вышли из библиотеки. У меня еще оставалось несколько часов до отправления в мир смертных, да и приказы ректора не обсуждаются, так что я послушно вернулась в академию и второй раз за день поздоровалась с адептами.

Мандраж перед занятиями меня больше не бил, ничего страшного в преподавании не оказалось. Хотя я все равно не горела желанием продолжать славное дело в аспирантуре и потом преподавать. Мне бы в полевую работу, смертью... о том, что в полевой работе после меня круги на полях остаются и смертные заикаются, старалась не думать.

Я как раз записывала на доске темы для семестровых, когда сзади прозвучал звук сообщения из смертной социальной сети. Мелок в моих руках сломался с похожим звуком.

Ну я же просила! Хоть на беззвук бы поставили. Но каково же было мое удивление, когда, обернувшись, я увидела сидящую со смартфоном Хелен.

– Адептка Рид!

– А? – не отрывая глаз от экрана, пробормотала девушка.

То есть прошлась со мной до библиотеки, поделилась романтическими надеждами – и можно забить на пару?

– Отвлекитесь от игрушки, пожалуйста, у нас здесь занятие. К тому же смертная техника запрещена к проносу в наш мир.

– Сейчас, только видео досмотрю.

«Марш к ректору!» – едва не сорвалось с моего языка. Но в самый последний момент я рассмотрела бывшую смертную повнимательнее.

Мы, девушки, такие девушки, и уж точно не можем пропустить мимо внимания ювелирные украшения. Так вот, сколько себя помню, бывшая Макса всегда носила скромные серебряные гвоздики, а сейчас у нее в ушах покачивались крупные гранаты. Да и брови мы привели в порядок. И что-то мне подсказывало, что за пределами моей видимости на ней мини и чулки. Кажется, из смертного мира она притащила не только смартфон, но и стопочку любовных романов. Вооружившись советами из книжек про ректоров и студенток, Хелен явно решила брать ректорский кабинет, сердце и постель штурмом. А вот фигушки!

Дальше было как в смертном анекдоте: «Да пусть меня весь автобус отлюбит, но окно я не открою!» Адепты наблюдали за нами, пооткрывав рты. Это противостояние однозначно войдет в анналы истории. Хелен совсем перестала стесняться, и мелькнула у меня подлая мыслишка, что кто-то ей все же про нас с Максом слил. Вопрос только – кто? Уж не Фелька ли постаралась. Хотя где бы она с этой адепткой, будь она неладна, познакомилась? Ладно, разберемся позже. Сейчас было жизненно необходимо отстоять преподавательский авторитет.

Смартфон нахалки я просто расплавила. Горелый пластик противно завонял на всю аудиторию. В меня тут же исподтишка полетели неумелые проклятия, будто вычитанные наспех в какой-то книжке по магии для чайников. Я не нападала, только защищалась, а Хелен выходила из себя с каждой секундой все сильнее и сильнее. Она буквально замораживала меня своим взглядом. Оставалось всего десять минут до конца пары, я почти победила, но, как назло, везение не могло длиться вечно. Вместе с папой в аудитории появилось заклинание-лизун. И они просто не могли не встретиться!

Желатиноподобная желтая масса ровным слоем покрыла голову не ожидавшего такой подставы всадника.

– Адептка Рид! – рявкнул он так, что стены затряслись и люстра оопасно покачнулась. – Немедленно к ректору!

А с мини я угадала. Все же следовало признать, что Хелен весьма красива. Интересно, ее внешность, когда она была смертной, такая же?

А пофиг, какая разница? Я быстро кинула в сумку ежедневник, подхватила тубус со свитками и понеслась к выходу.

– Адептка Мор! А вы куда? У вас лекция!

– К ректору!

– Вас не вызывали!

– Я наказана.

– За что? – Папа вконец обалдел.

– За то, что с пары сбежала! – замкнула я логическую цепочку и резво поскакала предотвращать соблазнение Макса.

Ну да, признаю, головой я думала мало и плохо. Разумность, всколыхнувшаяся было по дороге в библиотеку, не то уснула, не то вообще сдохла. Власть над мозгом захватила ревность.

Не успела! Уже издалека была видна приоткрытая дверь приемной Макса. А на входе я наткнулась на секретаря, которая замерла с графином воды, заметив меня. Должно быть, видок тот еще.

– Хелен, – мягко прозвучал голос Макса, – успокойся. Выпей, выдохни и внятно объясни, почему тебя прислали.

И дальше прерывистый, жалобный (даже я прониклась, правда, чуть слезу не пустила!) голосок:

– Джульетта Мор ко мне придирается! Постоянно делает замечания! Я стараюсь ее игнорировать, а она... она позвала магистра Мора, и тот вы-ы-ыгнал меня!

Ну... технически все так и было. Кроме наглой лжи о том, что я к ней придираюсь. Вот стерва!

– Позвала магистра Мора? – переспросил Макс.

– Она с самой первой пары срывается на мне! Я боюсь, что она использует родственные связи, чтобы меня исключили! Максимилиан... в чем я виновата? В том, что использую второй шанс? Неужели я должна расплачиваться за то, что не такая, как все? После того, что мы пережили? После того, как спустя столько времени снова можем быть вместе?

От возмущения у меня непроизвольно руки сжались в кулаки. Вопреки ожиданиям, я не услышала рык Макса, ставящего на место нахалку. Вместо этого он тяжело вздохнул.

– Мне кажется, ты принимаешь все близко к сердцу. Джульетта... неопытный преподаватель, она всего лишь проходит практику. Поверь,

все практиканты и аспиранты в попытке завоевать авторитет порой перегибают палку. Уверен, она не хотела тебя обидеть.

Конечно, было желание влететь и устроить очную ставку, но что-то меня остановило. Лучше я Максусу наедине все выскажу. Давать Хелен лишний повод и ценную информацию не хотелось. Даже если она и знает что-то о нас, все равно не наверняка. А вот если узнает... с нее станется растрепать всей академии.

Поэтому я пошла в лаборантскую, чтобы убрать от греха подальше тубус со свитками (давно надо было огреть им гада) и сумку. Но, к сожалению, там обнаружилась Сандра. Та сидела за ноутбуком и что-то усердно печатала, периодически отвлекаясь на звуки электронной почты.

– Мор! Закрой дверь, не пали контору. И приглуши ауру смерти, а то Интернет глючит, – спешно сохраняя какой-то документ, пробурчала она.

– Роман пишешь? Или инструкцию «Как раскрутить мужика на ресторан»?

За неимением жертвы я сорвалась на первой встречной. Однако ожидаемого скандала не получилось. Сандра смерила меня взглядом, полным превосходства, и снова обратила все внимание к ноутбуку.

– Работаю над теоретической базой. Надо осваивать новые территории. – Сандра ткнула пальцем в страницу поисковика. – Вот, смотри.

Высунув от усердия кончик языка, она застучала маникюром по клавиатуре.

– Вводим тупейший вопрос... Ну, например... Народные средства лечения бешенства?

При взгляде на экран глаза рыжей округлились.

– Да я, оказывается, не первая это спрашиваю. Ну-ка, ссылка, где ответов побольше...

Через секунду мне под нос ткнули страницу форума.

Я, мягко сказать, прифигела. Кто-то советовал травки и заговоры, утверждая, что все родственники так лечились и стали здоровей, чем прежде. Кто-то вообще на полном серьезе утверждал, будто бешенства не существует и все это – заговор врачей и фармацевтов с целью чипирования населения при помощи прививок. Малочисленные

интересующиеся психическим здоровьем спрашивающего тонули в общей массе камикадзе от медицины.

– Видишь? Мне надо только дождаться, пока кто-нибудь последует сим чудным советам. И вуаля – кандидатская у меня в кармане! И без помощи папочки.

Да что им мой папа покоя не дает! Надо было идти вместе с Софкой, к аистам. Уж там меня бы никто не обвинил в кумовстве. Хотя там я бы вряд ли и первый курс закончила.

Я взглянула на часы. Так, минут двадцать прошло, сейчас будет звонок на перерыв и Смерть, несомненно, отправит Хелен на следующую пару. А у меня занятия кончились. С Сандрой сидеть не было никакого желания, жажда убивать тоже как-то приутихла. Я знала, что не смогу уйти в мир смертных без разговора с Максом.

Дождавшись колокола, я пошла в кабинет ректора второй раз за день. Секретаря уже не было. Небось уже под черствые плюшечки делится свежими сплетнями.

– Макс!

– Джульетта? – Он будто удивился. – Чем обязан?

– Да вот, услышала краем уха, какая я плохая.

– Джульетта, ты что, подслушивала?

Вот так, по моему мнению, Макс должен был отвечать Хелен: строго и недовольно.

– Вас было сложно не услышать, ты не запер дверь. Так что помимо меня содержание вашего воркования знает еще и вся академия.

– Что ж, тогда мне придется задать тебе пару вопросов.

– Ах, пару вопросов? – Я перегнулась через стол и очень пожалела, что Смерть не носит галстуки, так бы и намотала его на кулак. – Ты Хелен даже не одернул!

Смерть поморщился:

– А что я должен был сказать? Что ты милая девушка, любишь кексик с апельсином на завтрак и даже ни разу не пожаловалась папе на меня? Чтобы потом вся академия обсуждала наш роман? Позволь напомнить, что это ты, а не я, пробираешься кустами к дому, лишь бы не заметили соседи! И вообще, адепты всегда кляузничают на преподавателей. Если бы я верил каждому озеру слез в этом кабинете, то давно бы уже свихнулся!

– А то, что сейчас вся академия наверняка обсуждает мою ревность на пустом месте и кумовство, это так, мелочи! Посмотрю на твою реакцию, когда до конца недели тебе на стол лягут десятки кляуз от студентов и жалоб от их родителей. «У нее мохнатый папа – тьфу, мохнатая лапа! Ее даже за заваленный диплом не выгнали!» К тому же Хелен уже наверняка рассказывает, как я бегаю за ректором, мешая воссоединению влюбленных.

– Ты драматизируешь.

– Хелен на что-то надеется! Она в тебя влюблена, ясно?

– А ты?

– Что я?

От неожиданности даже моргнула.

– Зачем говорить о Хелен, если можно поговорить о тебе? Не с Хелен я живу. Не Хелен приглашаю на свидания, на которые ты не приходишь.

– Я тебе все объяснила!

– И я, если ты не помнишь, довольно быстро тебе поверил. Почему ты не веришь мне?

И все же годы, когда магистр Смерть был магистром, из сознания не вытравить. Я частенько по первости оказывалась в его кабинете за какой-нибудь проступок. Макс умел смотреть так, что становилось стыдно.

– Я тебе верю.

– Тогда в чем проблема?

– В том, что Хелен верит, будто у нее есть шанс. И сражается за него. Я не хочу на каждой паре воевать со студентами. Угломонить ее можешь только ты, раз и навсегда обрубив надежду на продолжение романа.

– Она меня бросила, Джули.

– Что?

– Я хотел отказаться от сущности, провести остаток смертных дней с Хелен, но она сказала, что не хочет нести ответственность за такое решение. А жнец ей не нужен. Поэтому вышла замуж за смертного парня, ну а я остался здесь. Вот и вся история, никакого продолжения тут быть не может.

Мы замолчали, думая каждый о своем. Макс наверняка вспоминал давно ушедшее время, а я раскладывала в голове полученную

информацию. Получалось так себе, а еще поджимало время: меня ждала София.

– Ты злишься? – спросил Смерть.

– Да. – Я не стала лукавить.

– Хорошо. Давай поговорим обо всем обстоятельнее вечером. Ты должна мне свидание. С Хелен и ее поведением я разберусь.

«А я еще разберусь с папой», – подумалось мне. Нельзя вот так ввалиться на мою пару и разбрасываться наказаниями.

Почему-то я совсем не подумала, что вообще-то папа зашел на пару Макса. А еще я забыла рассказать про Анастаса, и еж стыда снова впился своими колючками в мое чувствительное место. Эдак скоро я не смогу на нем сидеть.

* * *

– Я знаю, где нам найти информацию о секте, которой нет в книге! – выпалила Софи, едва я подошла к лифту.

Мойры, делавшие вид, будто усиленно вяжут, наострили уши.

– Тише ты! Гэбэшницы не дремлют. Идем перекусим что-нибудь, а то желчь внутри меня скоро переварит все внутренности.

Если бы год назад кто-то сказал, что я буду вот так просто сидеть в кафешке со светлой кухней и обсуждать общее задание, я бы рассмеялась ему в лицо. Но напротив меня действительно потягивала латте кухня. И, надо сказать, иногда голова у этой кухни соображала отлично.

– Мы узнаем все из первых рук! – радостно объявила она.

– Притворимся заинтересованными и расспросим сенсея?

– Ну да. Раз это секта, им нужны новые адепты. Вот ими мы и станем.

В том, что София еще не стала адептом никакой странной секты, я очень сомневалась, потому что из сумки сестры, едва мы вышли из кафе, материализовались два пакета с одеждой.

– Что это? Карнавальный костюм бомжа?

– Мы должны выглядеть так, словно нас легко одурачить. Бедные студентки из провинции, пришли за бесплатным чаем, не ели пару дней и отчаянно нуждаемся в проверке.

Это у меня такой жалкий вид? Сейчас я смогу сыграть даже жертву маньяка, а если доведут – то и самого маньяка. Но здоровое зерно в рассуждениях кузины есть. Кратчайший путь к информации – задушевный разговор.

Из кабинки туалета в торговом центре вышла невзрачная серая мышка в таком же сером плащике. Я смыла всю косметику, зачесала волосы в пучок и застегнула рубашку на все пуговицы. То ли образ так подействовал, то ли Софка специально выдала мне блузку на размер меньше – я даже немного сутулилась.

Возле умывальников меня встретила до тошноты скучная ботаничка в очках. Хотя, на мой взгляд, этот образ сел на кузину как влитой.

– Жалкое зрелище, – протянула я, глядя на нас в зеркало. – Где ты взяла эти шмотки? У нас даже бабушка одевается приличнее.

Кузина вдруг густо покраснела, пробурчала что-то невнятное и потащила меня навстречу новым приключениям. Тут-то и дошло: одежду она взяла из собственного шкафа.

Вечность, и как она умудрилась подцепить Леонардо, да так, что вышла замуж раньше всех кузин нашей семьи?

Сегодня погода словно подыгрывала нашему спектаклю. Каждая девушка знает основную беду дождливых дней: стоит выйти в колготках и туфлях, как все ноги оказываются в мерзких мелких каплях воды и грязи. Как ни вышагивай с достоинством английской королевы, как ни прыгай по островкам сухого асфальта, все равно потом приходится по полчаса в туалете отмывать пятна. На моей стороне всегда была магия, но на всякий случай в дождливую погоду я старалась надевать высокие сапоги, их вымыть легче.

А сейчас растоптанные старушачьи туфли, мокрые колготки и стекающие с кончика носа капли воды из бедной и скромной студентки превращали меня в воплощенную жалость.

С нас натекло немерено воды, по коридору от лестницы до нужной двери вели две цепочки мокрых следов. Маскировка работала что надо, и мы бесшумно проскользнули в большой зал, смешавшись с толпой.

Как я играла! Да что там... я не играла, я жила! Я действительно бросилась к самовару как к спасительному теплу и неловко,

заледеневшими пальцами попыталась открыть кран. Безуспешно – настолько древняя техника даже бессмертным не всем поддается.

– Помочь? – раздалось из-за спины.

На меня смотрел худощавый, немного усталый и какой-то дерганый мужчина.

– Да, если не трудно. На улице осень в самом мерзком ее проявлении.

– Я вас раньше не видел. Вы новенькая?

– Да, в первый раз.

– Кто вас привел?

Кто-кто, диплом!

– Анастас.

– А, хранитель.

– Хранитель?

– Ему поручено владение Артефактом Апокалипсиса. Славный малый, хотя для такой роли, мне кажется, еще неопытен.

– А это переходящая должность?

– О да, хранитель выбирается всеобщим голосованием. Это великая честь.

Похоже, вместе с великой честью на беднягу Анастаса свалился и рок. Мне даже стало его жалко.

– А что вы думаете об Ангеле Апокалипсиса?

Лично я думаю, что этому самому ангелу просто офигенно от того, как изнутри греет горячий чай. И плевать на апокалипсис, здесь и сейчас – нирвана.

– Я думаю, она уже близко.

Мужчина заметно оживился, и мы медленно пошли вдоль стола. Все происходящее напоминало бедный студенческий фуршет.

– Вы совершенно правы! Близко, очень близко! Ближе, чем когда-либо!

Он воровато огляделся и склонился к моему уху:

– Не принимайте близко к сердцу, юная леди, но я всегда знал, что вестник конца света – женщина. От них одни неприятности!

Это точно. Особенно от некоторых женщин с первого курса Академии смертей. Вот уж кто ничего, кроме неприятностей, в мою жизнь не привнес.

Я почти перешла к самому интересному, как вдруг Софи крепко уцепилась за мой рукав и потащила в сторону от толпы.

– У нее! – Она ткнула пальцем в женщину, которую я уже видела прежде, правда, тогда она была замотана в простыню. – Страница из книги!

– Ты уверена?

– Да! На ее столе, среди бумаг, в прозрачном файле вырванная страница. Только не видно, что там написано. Надо ее отвлечь, а я стырю.

– Ладно. Давай.

Я как раз улучила момент, когда этот апокалиптический сенсей освободится, и с дурковатой улыбкой подошла.

– Здравствуйте! Анастас столько про вас рассказывал!

– Вы новенькая!

Сенсей сияла так, словно я была самым желанным гостем на этом фуршете. Я на секунду почти поверила, что только здесь меня любят и ждут, только здесь мой дом и на этот самый дом срочно нужно переписать все имущество.

Хотя судя по финансированию, имущества у адептов этой секты было не то чтобы много.

– Как вам у нас?

– О, все такие милые, поток свежего воздуха! Знаете, я учусь в академии, стипендии ни на что не хватает, в последний раз я ела дня два назад, но здесь я чувствую себя как дома.

– О, милая, идем, я сделаю тебе чай. На кого ты учишься?

– На врача, – быстро ответила я.

– Какая ты умница. Что привело тебя к нам? Ты разделяешь идеи Анастаса?

– Мне показались они интересными.

Краем глаза я заметила, как кузина крадется к столу сенсея. Вздохнула и принялась вдохновенно врать:

– Мне кажется, я чувствую напряжение, охватившее мир. Будто он висит на волоске! Глобальное потепление, вредные выбросы, тонны пластика в океане, мировые войны – все это колебания натянутой струны, но даже самая прочная нить однажды порвется. Мне кажется, мы очень близки к этому моменту.

– Именно! – так горячо закивала женщина, что я аж подскочила от неожиданности и вся облилась чаем. – Вы совершенно правы... кстати, как вас зовут?

– Хелен, – вырвалось у меня.

– Вы правы, Хелен. Ангел Апокалипсиса уже спустилась в наш мир, нам осталось лишь найти ее и призвать великое очищение! Давайте обратимся к энергии света, пропустим ее через себя, только так мы получим второй шанс в обновленном и чистом мире.

Она замерла, вдохновенно прикрыв глаза, а я задумчиво постучала ногтем по стаканчику. И почему каждый сектант непременно думает, что одна только принадлежность к какому-нибудь обществу непременно спасет его в случае внезапного апокалипсиса? Да папа и остальные знать не знают о существовании таких вот междусобойчиков, а на претензию «почему вы меня не щадите, я же вас призывал!» вообще ответить могут исключительно нецензурно.

За спиной сенсея Софи корчила рожи. Она держала в руках прозрачный файл с желтоватой пергаментной страницей, так что я воспользовалась закрытыми глазами сенсея и быстренько исчезла.

В коридоре мы с нетерпением развернули листок.

– Здесь написано, что последний Ангел Апокалипсиса должен подать сигнал, после которого наступит конец света.

– Труба у них уже есть, а ангела, очевидно, ищут.

Мы дружно открыли рты, вчитавшись в небольшое четверостишие внизу.

Закат всех времен приближая,
Крича о конце круговерти,
Роковой артефакт поднимает
Смертная, ставшая смертью.

– Что за бред? – фыркнула София.

Я молча офигевала. Совсем недавно я подумала, будто собрала пазл, но сетовала, что не могу рассмотреть картинку. Так вот: я не собирала пазл. Я понятия не имею, что все это значит.

Но, если верить вырванной из книги странице, то моя соперница и по совместительству студентка, бывшая девушка Макса, все еще в него

влюбленная, уникальная душа, ставшая бессмертной, – Хелен – последний Ангел Апокалипсиса и, согласно пророчеству, должна протрубить о начале конца света.

Дурдом.

* * *

Итого мы имеем:

Анастас, обычный на вид сектант, который везде таскает за собой духовую трубу и уговаривает почему-то меня в нее дунуть. Видит бессмертных, а значит, даже если сумасшедший, то все равно особенный. Анастас – хранитель артефакта (трубы).

Ангел Апокалипсиса, Хелен. В прошлом – смертная, сейчас – стерва. Имеет на меня зуб, а на Макса – виды. Вероятно, не знает о том, что кучка полоумных фанатиков назначила ее ответственной за сигнал к переменам.

Артефакт – труба. Происхождение и свойства неизвестны.

Все это выглядит как бред воспаленного сознания, если бы не одно «но»: Голод. Уж кто-кто, а он не похож на поехавшего крышей фанатика. У него могут быть какие угодно мотивы, но он пытался убить Анастаса. Я в этом уверена, ибо у Нины была его фотка.

Значит, все не так просто.

– Неужели Голоду нужна труба? – задумчиво протянула я.

Стреляли-то на поражение, значит, жизнь Анастаса не представляет ценности. К слову, он так хорошо залег на дно, что мы с Софи остаток собрания безуспешно пытались хоть что-то выяснить. Но никто не знал ни адреса парня, ни где он бывает. Что тоже странно, на вид все они казались весьма болтливыми.

Я твердо решила засунуть гордость куда подальше и рассказать все Максусу. Больше нет морального права тянуть, обычный диплом вновь разросся до дела государственной важности.

Так что руна Макса переместила меня к нему в кабинет. Но самого Макса там не оказалось, секретарь сообщила, что он собрал заведующих кафедрами и песочит их за успеваемость, а мне предложила подождать. Вместо этого я написала записку и

отправилась в свой класс. Там сейчас никого, тихо и спокойно, можно как следует все обдумать. Или вздремнуть.

Так-так-так... Я остановилась в дверях как вкопанная. На кафедре, прямо поверх забытого конспекта, лежал громадный букет цветов.

Против воли я расплылась в улыбке, а сердце сладко заныло. Ладно, такое извинение, пожалуй, приму. Мне еще никогда не дарили такие шикарные букеты. Да в нем роз пятьдесят, не меньше! Я держала-то его с трудом. А какой аромат! Ммм... потрясно!

«Жемчужине этой академии, самому лучшему преподавателю, Джульетте Мор».

Хм, на Макса как-то не очень похоже. Он умеет быть романтичным, но цветы – это не его. А еще он принципиальный, так что скорее проглотит мою косу, чем вслух (или письменно, что одно и то же) назовет меня лучшим преподавателем.

Значит, это не Макс. Но все равно приятно.

Вот как обычно палятся изменяющие женщины? Забывают выкинуть уголок от обертки презерватива или записывают любовника как «Мари-маникюр», а не вовремя взявший трубку муж удивляется почему это у Мари голос, словно раньше она была Петровичем.

Но я превзошла всех! Надо ж было додуматься идти по академии со счастливой улыбкой и букетом в руках. Нет, если бы я несла букет наподобие березового веника и глазами искала жертву для новой спа-процедуры «массаж цветами», то Смерть, может, и не обратил бы внимания. Но я шла и лучилась счастьем. А Макс как раз закончил совещание, всех отпустил и последним выходил из аудитории.

– Адептка Мор! Что это за безобразия? – поинтересовался он.

– Цветы. – Объем букета не позволял спрятать его за спину, поэтому уйти в несознанку не получилось.

– Откуда?

Судя по тону, мы поменялись местами в вопросах претензий, так что меня оправдают только в том случае, если я несу его на чью-либо могилку.

– Что?

Видно, я задумалась и реально озвучила кладбищенскую версию.

Смерть поджал губы, а я мысленно хлопнула себя по лбу. Вспомнился Макс и куцый букетик гвоздик... Который он, по моим

словам, упер с кладбища.

– Откуда, позволь поинтересоваться, у тебя цветы?

– Не знаю. Какой-то анонимный поклонник оставил их на моем столе. Еще и подписал, вот, смотри: лучшему преподавателю! Меня ценят!

На этом моменте гад, иначе не назвать, вырвал у меня из рук букет, и тот стремительно растворился в пламени.

– За что?! – взвыла я.

– За то, что это может быть привет от Нины. Нечего тащить в дом неизвестные цветы и посылки.

Мы оба знали, что это лишь предлог, но спорить с логичностью выводов ректора твоей академии – все равно что кусать спящего тигра за хвост. Ну и что, что тигр – киса, а я с этим самым ректором живу. Все равно башку откусят и не подавятся.

Вот с чего он разрычался? Может, меня запоздало с первым сентября поздравили или со смертным днем учителя заранее! Сам-то он руководствуется принципом: «Цветы? А зачем? Клумба под окном же есть!»

Да и я еще злюсь за его поведение с Хелен. Вот пусть побудет на моем месте!

– Ты решил свои проблемы с Хелен? – спросила я.

– Как раз сейчас планирую. Надеюсь, ты мне в этом поможешь.

Оттащить бывшую за волосы? Я за!

– У меня с Хелен ничего нет, но если ты мне не веришь или боишься, что ее усилия к чему-то приведут, то я буду совершенно не против публично объявить о наших отношениях.

Я открыла рот. Как у этого некроманта (пусть и липового) получается каждый раз вводить меня в состояние полнейшего ступора? Невольно вспомнилась одна из домашних сцен. Все общение с Максом я делила на категории «как в старые добрые времена дружбы», «господин ректор», «папин лучший друг», «нравится мне этот мужик» и «я что, уже домохозяйка?». Так вот, всплывшая в памяти картина относилась к самой редкой категории.

«Очень неловко».

Я сидела на столе, болтая коленками, и жмурилась от боли.

– Ой, больно! Вытащи! Куда так тянешь?! Ай! Какой длинный.

Смерть ругнулся и приступил к следующему шипу, застрявшему у меня в предплечье.

– Вот что ты забыла в саду моих соседей? Не говори только, что яблоки таскала.

– Какие яблоки... Любители Шотландии, чтоб их. Вот чем надо удобрять чертополох, чтобы он вымахал до двух с половиной метров? На твоём месте я бы прошла по периметру участка со счётчиком Гейгера.

– И ты так спешила, что не заметила заросли колючек. Может, хватит огородами на учёбу пробираться? Кстати, у тебя репейник в волосах. Выстригаем или сохраним причёску?

– Ты с ума сошёл? Мало мне слухов, что папочка проталкивает меня в учёбе, так ещё и решил добить мою репутацию романом с ректором?!

– Я не собираюсь вечно выходить из дома по таймеру, чтобы нас не спалили вместе. Скажи, какой у тебя план? Когда ты планируешь перестать скрываться?

– Ну... когда закончу академию? А лучше через годик, чтобы все забыли...

– Ага, а ещё лучше лет через сто, да?

– Ну Макс...

– Я тебе помогу. Дабы не было слухов, мы объявим об отношениях не просто публично, но и официально.

Я прищурилась. Внешне осталась холодной, а внутри все перевернулось. Можно бесконечно шутить, подкалывать всех вокруг и со здоровым сарказмом принимать все неприятности, но невозможно в двадцать с хвостиком оставаться равнодушной, когда тебе такое говорят.

Представляя в далекой юности свою первую любовь, я никак не думала, что она будет такой занозой в одном месте...

– Это предложение?

– Да!

– Но... у нас было всего одно свидание!

– Мы все лето бегали по миру смертных в поисках покойника. Ты живёшь в моём доме, у нас было целое свидание. В конце концов, я в тебя влюблен!

– Да мы даже не спим вместе!

– Я старомоден. Во времена моей молодости до брака секс не одобрялся.

И сказано это было с таким трагическим надрывом, что я сразу поняла: старомоден здесь не Макс, а папа.

Пауза затягивалась. Я чувствовала, как не могу произнести ни слова, как одновременно тянет к нему и страшно, потому что до сих пор я не принимала таких серьезных жизненных решений.

– Скажи уже что-нибудь, – попросил Макс.

– Хелен – Ангел Апокалипсиса, Голод покушался на хранителя трубы, а мой диплом снова сбежал, – выпалила я. – Что делать-то?

Не знаю, что хотел Смерть посоветовать мне, но сам явно мечтал повеситься.

– Все еще уверен, что мне стоит выйти замуж?..

Глава 7. Передвижная деревня наносит упреждающий удар

Чем дальше в лес, тем гуще елки. И чем дольше тянется вся эта история, тем сильнее растет мое беспокойство. Макс, собрав всадников, Лору с Хароном и всех приближенных, до поздней ночи обсуждал то, что я рассказала.

А меня не взял! Так и сказал: «Детка, я обещал твоему отцу защищать тебя, чего бы это мне ни стоило».

Разговор о замужестве отложили, но это не слишком радовало. Мне не хотелось, чтобы Макс, папа и остальные вступали в открытое противостояние с Голодом. А без него, судя по всему, уже не обойтись.

Я тихонько, аки очень скромная и осторожная мышка, прокралась по коридору к кабинету Смерти и прислонила ухо к щелке между дверью и полом.

– Не могу в это поверить, – расслышала голос Лоры. – Но для чего это ему?

– Бессмертные часто соблазняются идеями абсолютной власти, – ответил ей Макс. – Мы – невидимая часть общего мира. Не боги над людьми, не их повелители, а всего лишь вторая половина. Без нас смертные не могут, но и наше существование без них потеряет всякий смысл. К сожалению, даже среди всадников встречаются те, кто считает, что бессмертие и сила даны нам для завоевания. Голод расшатывает устройство мира смертных и заодно путает карты нам. Боюсь, его действия уже не просто меняют мир, они угрожают нашему существованию. Прежде чем он найдет сторонников, я хочу, чтобы он был уничтожен.

В голое Макса прозвучали стальные нотки, и я вспомнила, что он не только парень, который понравился мне летом, и не только папин друг, ректор академии, но еще и глава всадников. Опасная и злобная зараза, надо заметить.

Я заорала, когда в ухо вцепилось что-то металлическое и острое. Отпрыгнула от двери, врезалась в стену и с трудом отцепила от мочки уха заколдованный канцелярский зажим. Одновременно с тем, как открылась дверь кабинета, на меня еще и грохнулась со стены картина.

– Подслушиваем? – холодно поинтересовался возникший на пороге папа.

– Так нечестно, – пробурчала я. – Вы обсуждаете интересное. Я тоже хочу! Имею право, это ведь я добыла информацию!

– Нет, это ты скрывала ее несколько дней.

Туше. Меня и впрямь больше заботили романтические надежды Хелен, нежели спасение мира. Но разве в молодости бывает иначе? Да покажите мне хоть одну героиню, которая бы поставила всеобщее благо впереди большой и чистой любви!

– Папа! Я уже взрослая, ты не можешь меня выгнать!

– Вот сначала получи диплом, а потом поговорим, взрослая ты или нет. И, Джульетта, напиши НОРМАЛЬНЫЙ диплом, а то прошлый можно отправлять в смертное издательство фантастики!

– Можно подумать, это я виновата.

– Все, я сказал. Иди и учись.

– Я не хочу учиться! – А вот это уже вредность включилась.

– Хочешь жениться?

– Тьфу-тьфу-тьфу. Работать хочу!

– Хватит, наработалась. Сначала в аспирантуру, потом замуж. Можно наоборот. Возражения не принимаются.

– Папа, ты сволочь и сатрап!

– Поговори у меня еще. Кыш, я сказал!

В общем, никакой информации мне больше не перепало: помимо устного внушения папа еще и на дверь моей спальни заклятье повесил. Так и коротали ночь с котиком, даже Макс не пришел пожелать спокойной ночи. Хотя что-то мне подсказывало, что вся честная компания сидела до самого утра.

Засыпала я с мыслью о том, что обязательно всем однажды отомщу.

Утром женский мозг сразу по пробуждении завопил: хозяйка, нас позвали замуж!

И пока я собиралась на пары, не могла избавиться от навязчивой панической мысли.

До определенного момента я думала, что быть мне старой девой. Возраст, конечно, предполагал наличие длинной (по факту – бесконечной) и насыщенной жизни, но разве в двадцать думаешь о том, что впереди у тебя века? Хочется романтики, любви, свиданий и

пылких признаний. То ли потому, что мой папа был всадником, то ли потому, что я по парку не могла пройти без того, чтобы не вляпаться, почти все первые свидания оставались единственными.

И вот нате. Замуж зовут. И кто? Смерть! Капец.

Да я понятия не имею, что там, замужем, делать. И в остальном у меня опыта меньше, чем у богини целомудрия, если такая вообще существует. Может, только прикидывается. А самое мерзкое, что мне и спросить не у кого.

Мама? Так я вроде обижена, да и для доверительного разговора «расскажи мне про секс» уже поздно.

Бабушка? Ну да, если хочу заметку в «Вестнике Бессмертных» под заголовком «Джульетта Мор теряет невинность! Делаем ставки: обернется ли это событие апокалипсисом». Молчать бабушка совершенно не умеет.

Не к Софии же идти. Единственный мой друг – Вячеслав, но и с ним я не готова к таким разговорам. Он больше подходит, чтобы подурачиться, съездить на пикник или сообща списать на зачете.

Остается только Макс. Лишь ему летом удалось максимально приблизиться к статусу моего друга. Хотя, по-моему, он малость перестарался.

– Ну что ты так укоризненно на меня смотришь? – вздохнула я, поймав взгляд кота. – Стыдно мне, стыдно. У нас тут глобальные перемены, а я боюсь отношений.

Потом вспомнила, что забыла дать ему еды, и устыдилась еще больше.

У дверей моей аудитории происходило нечто крайне странное. То, что двери оказались заперты, – ничего страшного, такое бывает. То, что студенты столпились перед ними, – вообще обычное дело. А вот то, что среди этой галдящей сонной толпы крутился какой-то мужичок весьма колоритного вида, – вот это нонсенс.

Если бы он выглядел нормально, я бы вряд ли обратила на него внимание. Но передо мной будто ожила иллюстрация к песне «Гоп-стоп»: спортивный костюм с полосками, кожаная кепка, потрепанные, бывшие некогда белыми, кроссовки. А еще незнакомое чудо характерно двигалось, растопыривая руки. Наверное, представлял, что бицепсы мешают держать их ровно, но со стороны казалось, будто он косплеил голубя.

– Я могу вам помочь?

Отлично, еще и жвачку жует.

– Гы, можешь, красотка. Где мне найти профессора Мор?

– У нас нет профессоров Мор. Есть магистр Мор – он в двести втором кабинете.

– Не-не, эта, я у него вот ща был, мне бы другого Мора, препода какого-то.

– Здесь только два Мора, один – магистр, второй – практикант. И это я.

– Ух ты, – расплылся в совершенно искренней, но очень странной маньячной улыбочке мужик.

– А вы, собственно, кто?

– Так я это... всадник этого, апокалипсиса, во.

Я фыркнула и не сдержалась:

Мальчишки и девчонки,
А также их родители,
Реальный апокалипсис
Увидеть не хотите ли?
Реальный конец света
Вам мир покажет наш —
Ведь всадник апокалипсиса
С района Уралмаш.
Пара-пара-па-пам, пам!

Студенты взорвались гоготом.

– Кхм... спасибо, Джули, – раздался голос Смерти. – Вижу, ты уже познакомилась с заместителем Голода.

Четкий парень, ехидно улыбаясь, отсалютовал мне. Н-да. Неловко получилось.

– Та ладно, че, я не в обиде. Ну раз вы тут, я эта, пошел, да?

– Эта, иди уже, – вздохнул Макс. – И кончай придуриваться.

– Да ладно, чикулю заценил, норм, бывай!

– А... – Я открыла было рот, но решила, что промолчать будет уместнее.

– Он не всегда такой. Но порой заносит. Я не успел зайти к тебе, мы разошлись под утро.

– Что-нибудь решили?

В коридоре стало подозрительно тихо, хотя до звонка еще оставалось добрых пять минут. Весь поток первокурсников с затаенным дыханием слушал наш разговор и лишь после рыка Смерти «В класс! Быстро!» ломанулся в двери. В закрытые.

– Думаешь, из них получится что-то путное? – нахмурился он.

Двери по воле жеста Макса распахнулись, и первые напирившие рухнули прямо на пол.

– Это действие зелья Дианы. Оно немного притупляет интеллект.

– Тогда подождем до первой сессии.

– Так что там с разговором? – напомнила я. – Что решили?

– Вечером расскажу. За ужином, который мне все никак не перепадет. Только прошу тебя, не лезь к Анастасу и вообще в мир смертных. Пока, по крайней мере.

– А диплом?

На меня посмотрели как на несмышленного ребенка. Ну да, он же ректор. Разберется как-нибудь, вон, летом готов был зачесть мне его автоматом, лишь бы я перестала избивать его тубусом.

– На самом деле я пришел за Хелен. Мы хотим с ней поговорить.

– Мы?

– Я, твой отец, Лора, Харон и...

– Четкий всадник.

– Он просто придуривается. Да, и он. Ну что? Можно украсть у тебя адептку?

Я жестом пригласила Макса в кабинет. Так даже проще, не уверена, что после вчерашнего скандала смогу спокойно смотреть на Хелен или отвечать на ее доставучие вопросы. Пусть спокойно пообщается со всей всадниковой братией. И заодно оценит зама Голода, как оценила его я.

Только вот какой прикол: Хелен в классе не оказалось. Место на первой парте, откуда раньше злобно взидала соперница, пустовало.

– Кто знает, где адептка Рид? – спросила я.

В ответ – тишина, будто зачет начался досрочно.

– Что, никто не живет вместе с ней в общежитии?

У бывшей смертной точно нет семьи, а значит, живет она в общежитии академии. И вряд ли одна, такие привилегии даже детям всадников не полагались – одна из причин, почему, несмотря на Фели и отцовское воспитание, я не поспешила съехать, едва поступила.

– Я не видела ее с утра, – наконец подала голос одна из студенток. – Но Хелен почти ни с кем не общается.

– Поищи в общежитии, – посоветовала я Макс. – Я бы на ее месте лежала, смотрела в потолок и беззвучно рыдала под металл с женским вокалом. Ну или под попсу.

– Ты помнишь, что я тебе сказал?

– О том, что хочешь жениться?

– Вообще о том, чтобы ты не лезла в мир смертных. Но и о женитьбе подумай.

– Ори погромче, и нас услышит весь первый курс! – прошипела я и повернулась к аудитории.

– Итак, тема сегодняшнего занятия: место смертей в мире бессмертных. Итак, первые бессмертные появились, как я уже упоминала, в результате очень сильных смертных фантазий. Это были боги, покровители природных явлений и различные персонажи легенд. Ученые нашего мира спорят о том, как появились первые смерти, однако сходятся, что, скорее всего, так же, как боги огня или грозы. Были придуманы людьми, ведь такое явление, как смерть, всегда их пугало. Однако спустя века бессмертные, так же, как и смертные, стали рожать детей, создавать семьи, и наши роли уже не определяются рождением. В семье смертей может родиться жизнь, в браке бога и музы – сатир, и так далее. Об этом и поговорим на сегодняшнем занятии, а в конце напишем небольшую творческую работу на тему «Почему я хочу быть смертью».

Интересно, а кто родится у смерти и всадника? Хотя нет, перефразируем. Кто родится у смерти-катастрофы и всадника-некрманта-хулигана-Макса?

Наверное, песец.

* * *

Ничего на свете хуже не-е-ету, чем... визит родителей в твое учебное заведение. Особенно если ты там не столько учишься, сколько работаешь. Да и маму с бабушкой никто туда не звал. Однако именно их, чинно шествующих под ручку к академии, я и наблюдала в окно после пары. Так засмотрелась на эту картинку, что не заметила, как началась большая обеденная перемена и аудитория опустела.

Хм, я быстренько освежила в голове исторические книги, но, увы, за всю историю Академия смертей ни разу не подвергалась осаде, и надеяться, что за две минуты я успею запереть дверь и заблокировать ее, глупо. А вот заныкаться сама еще смогу.

Но когда через десять минут дверь кабинета не открыли с ноги, я напряглась. Если мама и бабушка пришли не ко мне, то к кому? Ничего тяжелого и острого в руках у них не было, значит, папа отпадает.

Я отперла дверь и пошла искать передвижную деревню и спасти от нее остальных. Радовало то, что погода выдалась что надо, и большая часть студентов вывалила на улицу – устраивать пикники да нежиться под солнышком у фонтана. Свидетелей моего позора не придется убирать. А то, что мне предстоит очередной акт пьесы «С этими женщинами я не имею ничего общего», я не сомневалась.

Холл, библиотека, курилка, зимний сад, приемная ректора... Да где они?

Тут внезапно из дверей столовой зазвучал марш Мендельсона, и моя персона свернула туда. Уж больно музыка не в тему, «Адажио» более подходит для приема местной пиццы. Что ж, посетим храм Святого Майонеза. Там в меню всегда салат с майонезом, суп с майонезом, котлета с майонезом. Я все время учебы ждала, когда же появится майонез с майонезом, но повар что-то не спешил являть миру вершину кулинарного искусства. Возможно, просто жмотил майонез.

В столовой было мерзко. Розово, в рюшечку и мерзко. Почти как у Афродиты в приемной.

– Столы поставим буквой «П». Жених и невеста в центре, наша семья с одной стороны, родня жениха с другой. А кстати, дорогая, родня жениха вообще приедет?

– Мам, столы буквой «П» – отстой. Ни потанцевать, ни с ползунками пройти. Предлагаю несколько маленьких столиков по периметру. А через зал ленту «Совет да любовь».

У меня два вопроса. Макс в курсе об их планах? И сообщили ли ему, во что превратят зал? В любом случае просветить его не помешает, а если он одобрил все это, то и психиатру показать непременно.

– Мама, бабушка! Что за захват территории? Вы людям обедать мешаете!

Тут уж я лукавила: немногочисленные психи, решившие пообедать в столовой, за передвижной деревней и стремительно создаваемым ею хаосом наблюдали с интересом.

– Невеста наша! – воскликнула бабушка.

– Доченька, радость-то какая!

Кто?! Кто меня сдал?!

Они ведь уже пришли с планом «Барбаросса», тьфу, бракосочетания. Папа? Так они не разговаривают. Кстати, если свадьба все же состоится, то итог известен. Не спорю, драка на свадьбе – святое дело, но обычно морды бьют родные жениха и невесты, но никак не тесть с тещей друг другу.

Пока я перебирала подозреваемых, на сцене появилось новое действующее лицо. Мелированные волосы, уложенные в иглы дикобраза, куча бронзатора на скулах, очки с затемненными линзами и пиджак, расшитый блестками в узоре зебры. Ну хоть резинку трусов не видно, уже прогресс.

– Ты кто? – спросила я. – Модель костюма жениха?

– Тамада и диджей в одном флаконе. – Мою руку потрясли, сверкая улыбкой до самых моляров. – Позвольте представиться, муз попсы, Валера. Невеста, вы вовремя, уже хотел вас искать, чтобы обсудить, под какую музыку вы будете танцевать первый танец. Я предлагаю это.

По щелчку его пальцев по стенам столовой запрыгали яркие зайчики цветомузыки, пол содрогнулся и со всех сторон застучало «тынц, тыдынц».

– Это тверк, писк моды. Как танцуется, знаете?

Твою ж... Вечность. Допустим, я никогда не мечтала о платье в стиле зефира, но надеялась, что оно будет элегантным. А чтобы станцевать это, я явно должна буду задрать юбку до ушей. Да и Макс движения не оценит.

– Нет? А вот? И потом в подобной тематике весь вечер.

Мелодия изменила ритм и стала на диво прилипчивой, а уж когда зазвучали слова...

– У губ твоих конфетный, конфетный вкус, – радостно подпела мама.

Кажется, у парня за столиком неподалеку лопнули барабанные перепонки.

Нет, мальчика явно надо брать. Такого развлечения я нигде не видела. После первой же песни все гости дружно встанут и пойдут убивать тамаду. А учитывая количество кос на единицу бессмертного населения, мальчику понадобится вся его хорошая физическая форма. И конкурсов не надо!

– Бабушка! Ну ты ведь муза! Или старческая глухота настигла?

– Это модно и молодежно, а в театре и не такое, бывает, включают.

Тем временем мама кинулась меня целовать, причитая, что уже не ждала и как она счастлива, что я оправдала ее надежды.

– А завтра платье будем мерить! Я уже выбрала фасон! Пять слоев органзы, кружево, жемчуг. А какая вышивка на корсете! Зимние узоры! Волосы поднимем в высокую прическу, туда тоже жемчуга добавим. Моя дочка будет принцессой на свадьбе. Да, и туфли не забыть!

У меня появилось гнусное ощущение, что свадебное платье мне выбрали в тот же момент, когда выбирали розовую ленточку на выписку из роддома. Сколько нижних юбок? Да меня Макс зарежет, перепутав с тортом!

– Я вообще-то еще не дала согласие. И даже если дам, я не хочу праздновать в столовой академии! Есть же рестораны, например! Греческий «Олимп» – там дзадзики и очень вкусная мусака, русский «Перун» – там жутко вкусно готовят язык. Что за царство майонеза и штор из музея коммунизма?

– Милая, – мама нахмурилась, – но гости не влезут ни в «Олимп», ни в «Перун». Мы еще думали над спортзалом, но там как-то странно пахнет.

Ага, и Война работает. Вот проломит ему папа голову гантелей, скажет, что так и было, и вместо попсы будем слушать реквием.

– Мама, а сколько гостей вы планируете? – мысленно готовясь к худшему, спросила я.

Поймите меня правильно: мы бессмертные, заняться особо нечем, поэтому семьи с одним и двумя детьми у нас, скорее, исключение. Так что троюродных и четвероюродных сестричек у меня тьма.

– Душ семьсот, это от нас. Студентов звать будешь?

Гениально! Не отрываясь от лекции, переодеваюсь в платье, спускаюсь в столовую, говорю «Да»! и задаю студентам сочинение «Мое мнение об институте брака». И выходной брать не надо, семейный бюджет экономлю.

– А подружки? – всплеснула руками бабушка. – Офелия одна не справится.

– Софи возьмем, она девочка ответственная.

– А третья? Две будут нести шлейф, а еще одна держать подушечку с кольцами.

– Лора?

Мама скривилась: ей, по неизвестным причинам, почему-то не нравилась ставленница Смерти.

– Они с Джули слишком похожи, будут путать.

– Тогда давайте возьмем ту милую девочку. Стефани, помнишь, она помогла нам на лестнице в прошлый раз? И сказала, что учится в академии. На первом вроде бы курсе. Мне кажется, хорошо впишется в композицию: пепельная блондинка София, жгучая брюнетка Офелия и шатенка... как ее звали?

Я угадаю эту подставу с трех букв. Или с одной.

– Хелен. Нужно будет ей предложить. Только, мама, я не уверена, что Офелия будет жгучей брюнеткой. В последнее время ее волосы напоминают палитру цветов дизайнера наклеек. Может, стоит нарядить подружек невест в шляпки?

– Может, стоит перестать вести себя как кукушка, и тогда дети перестанут пытаться заслужить твое внимание? – не выдержала я.

Мама осеклась и покраснела, но я даже не устыдилась. Не спорю, Фелька с прибабахом, но не маме сейчас жаловаться на ее поведение. Они с папой разъехались и решают свои проблемы, а мы, значит, должны быть пай-девочками? Чтобы у меня спросили «Как дела?», понадобилось собраться замуж. Офелия еще по закону повторить мой подвиг не сможет, и что, ждать четыре года?

– А если Хелен сделают подружкой невесты, я найму дюжину подставных гостей, которые будут прогуливаться по залу и удивленно

вопрошать: «Что за крокодил стоит сбоку от невесты?»

– Джульетта! – бабушка попыталась меня одернуть.

Но меня уже несло:

– Знаете, какой свадьбы хочется мне? На вершине Эвереста! На уступе, где поместятся только двое. И еще, может, регистратор. Гости, так и быть, могут побухать у подножия. Дом построим там же, чтобы прятаться от второго вопроса в рейтинге «Ваше какое собачье дело?», а именно – «Когда же детки?». А ты, мама, вместо того чтобы выбирать отрез тюля мне на юбку, реши свои проблемы с мужиками, потому что делать вид, что ничего не происходит и я просто по приколу живу у друга отца, уже невозможно. А ты, бабушка...

Бабушка соображала быстрее мамы, а еще давно научилась определять, когда меня несет и всем стоит спрятаться:

– Поняла. Решай сама. Если захочешь пригласить меня на свадьбу, адрес знаешь.

Потом, правда, не выдержала:

– Но, может, хоть на дегустацию тортиков сходим? Я нас записала.

Я почти победила! Мне оставалось только согласиться на дурацкую дегустацию или дожать передвижную деревню и выпроводить их закупать шарики, как вдруг на улице стеной ливанул дождь, и вся толпа студентов ввалилась в столовую, дабы доесть до звонка обед. Мы мгновенно очутились посреди толпы.

– Молодой человек! Осторожнее!

Бабушка тяжело вздохнула.

– Ладно, не будем тебя отвлекать. Но Джульетта, поверь старой музе, если шикарный мужчина сделал тебе предложение – со свадьбой лучше не затягивать.

Такую тишину я помню только раз. Когда мой покойник, нарушив все законы мироздания, ожил. Моя свадьба, судя по всему, тоже нарушает все законы, раз у студентов такая реакция. Даже зона отчуждения вокруг меня появилась. По залу побежали осторожные шепотки: «Мор? Замуж? Не верю!» Наконец тихие перешептывания нарушил какой-то визгливый голос:

– А кто жених?

Вопрос был задан тоном, подразумевающим, что польститься на меня мог только умственно отсталый слепой.

А дальше случился «бум».

– Ну я. Если хотите поздравить, внимательно слушаю. Остальные могут идти кушать кашку.

И самое интересное, что это произнес не Макс.

Мальчик с букетом вырос как из-под земли. Приобняв меня на глазах обалдевших мамы и бабушки, он склонился для поцелуя. Правда, получилось в щеку, потому что к тому времени я уже вспомнила его среди адептов первого курса и мучительно вспоминала, есть ли у бессмертных аналог закона об ответственности за соращение несовершеннолетних.

– Джули, мы что-то не так поняли? – ослабевшим голосом простионала мама. – У тебя роман со студентом! Как ты могла...

Бабушка не была столь категорична, поскольку ее психику закалила свадьба дочери с заразой.

– И что? Мальчик симпатичный, часики на руке не из дешевых, да и на Джульку смотрит так, что на ней одежда должна задымиться.

Рука парня тем временем попыталась сползти ниже, но была остановлена грозным рыком Макса.

– Что за столпотворение?! Адептка Мор! – выцепил он единственное ответственное лицо. – Что происходит?

– Мы женимся! – Парень (блин, как хоть его зовут?!) прямо лучился самодовольством. – Так что отвыкайте от криков, магистр. Во-первых, я не позволю орать на свою жену. А во-вторых, ей недолго осталось быть Мор.

Ну, помянем первокурсника.

– Интерес-сно. Живо в мой кабинет! – прорычал Смерть. – Еще мне тут свадьбы или брачной ночи не хватало, это столовая, а не банкетный зал!

Пусть скажет это передвижной деревне, потому что великое превращение уже началось.

– Предлагаете нам для этих целей воспользоваться диваном в вашем кабинете?

Я развернулась и отвесила «женишку» смачный подзатыльник.

– Ты как при невесте выражаешься, гад?

– В кабинет, я сказал! Мельпомена, Стефани, не смею вас задерживать.

Понятно, будет убивать и делает все, чтобы за меня некому было заступиться.

По пути к кабинету новоявленный женишок все пытался меня приобнять. Получал по руке и обиженно дулся. И что-то мне подсказывало, что наглуго конечность Макс прекрасно видел, и лишь уважение к труду уборщиц мешало ему ее оторвать. Я все ждала, что голова Макса сделает оборот на сто восемьдесят градусов, как у совы, а потом такой же оборот сделает голова моего поклонника, правда, для него это будет фатально.

Наконец за нами с громким хлопком закрылась дверь, и Смерть вперился в нас тяжелым взглядом.

– Значит, вас можно поздравить. И когда только успели?

– Я люблю Джу уже год, с тех пор как она помогла мне заполнить анкету при поступлении. И недавно она ответила мне взаимностью.

Надо подарить магистру цветок в горшке, и побольше, чтобы было за что прятаться. Или мне купить перфоратор, чтобы я могла быстро провалиться сквозь землю.

В следующее мгновение запертую дверь снесли с ревом «Джюльетта!». В проеме, тяжело дыша, стоял потенциальный тесть.

Вот когда не надо, они с мамой и бабушкой прекрасно разговаривают.

– Какая свадьба! Тем более с ним! Макс! Какого?

Отец ткнул косой в сторону пацана, и тот испуганно вжался в стенку:

– Ты! Живо пошел и объявил все розыгрышем!

– Чтобы ваша дочь оказалась душой? Посудите сами. Сплетня о совращении ученика запущена.

– У нее есть жених!

– Тогда она будет легкодоступной, которая сначала пообещала выйти замуж за меня, а потом повелась на вариант лучше. Да и кто после такого захочет подбирать девушку за сопливым пацаном? Так что выбора нет.

Он счастливо улыбнулся и ласково добавил:

– Па-а-апа.

– Не хочу верить, что такие идиоты существуют на свете.

– Хорошо. Я разберусь, – сказал Макс.

– Джульетта, иди, – кивнул чуть остывший папа. – Мы сами разберемся. Раз уж ты не выходишь замуж... в смысле, хотя бы не выходишь за вот это вот.

– За вот это вот точно не выхожу. По поводу вон того вот еще думаю.

– Эй! – возмутился Смерть.

Не удержалась и показала ему язык. Украдкой сунула в карман парню плотно свернутую пачку земных денег и была такова. Говорила же, что отомщу.

Найти желающего подзаработать первокурсничка оказалось легче легкого. Правда, уговор был на другое, менее фееричное представление. Но в столовой парень показал высший класс актерского мастерства. Сейчас признается в том, что я ему заплатила, отделается дисциплинарным взысканием, и вектор ректорской ярости сместится уже в мою сторону.

Ну а я предусмотрительно сметаюсь куда-нибудь подальше, переждать бурю и дать всем шанс поразмышлять обо всем в тишине и спокойствии.

На выходе из академии в мой рукав вцепилось что-то мелкое, суматошное и с косичками.

– Тебя еле найдешь! – возмутилась София. – Пошли! Есть дело!

Заявляю официально: я поняла, почему со мной вечно что-то приключается. В самый ответственный момент я просто напрочь забываю, что мне говорили взрослые. Казалось бы, каких-то три часа назад Макс строго предупредил: забей на диплом. А значит, и на Софию, и на совместные с аистом дела.

Но кузина тащила меня прочь от академии, явно по направлению к порталу, и я даже на секунду не вспомнила о строгом приказе господина ректора.

– Я тут решила поговорить с нашим Ангелом Апокалипсиса! – тараторила София. – Ну, вдруг она что-то знает или помнит.

– Ты решила работать в обход меня?!

– Ой, да ладно тебе! – София скривилась. – Я не была уверена. Так вот, я нашла эту смертную, ставшую смертью.

– Хелен.

– Не перебивай! Она сказала, что знает о секте и может мне рассказать в обмен на услугу. И я согласилась.

– Что за услуга?

– Сходить с ней в мир смертных. Сказала, скучает, хочет поностальгировать. Я ее провела, и...

– Сбежала?

– Хуже! – София вздохнула. – Ее похитили!

Каблук подвернулся, и я чуть не улетела носом в мостовую.

– Кто?!

– Не видела. Но машина была та же, из которой стреляли, там вмятина от твоей косы осталась.

– София! Нас убьет Смерть.

– Помоги мне! Джулька, ее найти надо, иначе мне конец! Я же первокурсницу вывела к смертным, без разрешения! Меня из аспирантуры выгонят!

Она вдруг бросилась ко мне на шею и разрыдалась.

– Меня Леонардо бро-о-оси-и-ит!

– София... – Я растерянно опустила руки и огляделась по сторонам. – Пожалуйста, не реви! Ты же на улице!

– Моя жизнь ко-о-нчена-а-а!

– Ты бессмертная!

– Меня отправят к Аиду, убираться в клетка-а-ах церберо-о-ов!

– Хорошо, только прекрати! Мы что-нибудь придумаем!

Убивать будут обеих: Софию за пропавшую Хелен, а меня за спектакль с женишком. А до тех пор надо выяснить, куда и как увезли эту врушку. Хотя соблазн оставить ее в лапах Голода навсегда и был огромным.

Но если избавлюсь от соперницы таким методом, то перестану сама себя уважать.

– Пошли!

– Куда? – София перестала плакать, но зато начала икать.

– Искать Хелен. У нас времени до полуночи. Потом отгребать будем вместе.

Глава 8. На хвосте апокалипсиса

Я не была в этом месте с лета и сейчас испытывала странное ощущение. Нечто на границе между страхом и отвращением. Именно здесь мы с Максом очутились, когда наконец настигли Джереми. Именно здесь Нина и Алибек выпытывали капельку крови всадника. Здесь я узнала, что мой приятель-некромант – магистр Смерть под прикрытием. И здесь...

– Здесь что, был ядерный взрыв?

– Почти, – вздохнула я, глядя на обуглившиеся полуразвалившиеся стены. – Мы ничего не найдем. Все сгорело.

– Еще варианты?

– Сенсей? Если она назначила Анастаса хранителем дурацкой трубы, вдруг она в курсе всего? Знаешь, мой опыт изучения смертных сект буквально кричит о том, что их главы почти никогда не разделяют убеждения.

– Стоит попробовать, – согласилась я.

И мы отправились выслеживать сенсея.

Это оказалось не таким уж простым делом. Снова пошел дождь, пришлось спрятаться под навесом неподалеку. Я дважды летала за кофе, а Софи выпала честь принести обед.

– Вечность, что это? – с тоской протянула я, заглянув в контейнер.

– Салатик, – невозмутимо ответило белобрысое чудо-юдо. – Очень полезный.

– Я что, коза?

– Ну, вообще, да.

– Ладно. – Я поднялась. – Удачной тебе слежки. Коза пойдет и по-козиному поступит: расскажет одному всаднику о том, что ты потеряла его бывшую подружку.

«И толкнула нынешнюю на преступление», – закончила мысленно.

– Стой! Ну Джули! Извини, я не хотела! Куда ты?

Ладно, я не зверь. И тем более не травоядный зверь. От салатика я могу только разозлиться, а уж при виде безмятежной жизни, жующей капустный лист, вообще хотелось впасть в депрессию.

– Мы с Леонардо хотим ребеночка. Поэтому важно правильно питаться. Следить за балансом клетчатки, витаминов. И кушать капусту, чтобы родилась девочка.

– А топор под подушку клали?

– Зачем? – живо заинтересовалась Софи.

Пришлось погуглить самые трешовые народные методы вангования пола ребенка и развлекаться, подталкивая к ним Софию. Бедный магистр Жизнь припомнит меня явно недобрым словом, когда его заставят в дождливый день полнолуния в комнате, окрашенной в розовые тона, лежа головой на юг, заниматься сексом в носках, похрустывая свежим огурцом.

– Это не она?

Я быстро призвала косу. Из здания действительно выходила сенсей, и сейчас в ее облике не было ничего просветленного. Обычная смертная женщина в обтягивающих джинсах, толстовке и дождевике. Она как раз села в машину, когда мы с кузиной, убедившись, что все еще невидимы, поднялись в воздух.

– Да, теперь я понимаю, почему вас называют аистами, – фыркнула я. – Похожи.

Когда выйду замуж и забеременею, обязательно подожду своего аиста с ружьем и как следует погоняю по саду. Просто из вредности.

Мы летели над машиной больше часа. Успели обматерить и погоду, и секту, и Хелен досталось, к моему удовольствию. К счастью, на западе, куда держала путь сенсей, дождя уже не было и даже из-за свинцовых туч проглядывали редкие лучи солнца.

Я дала знак Софии, чтобы не теряла машину из виду, а сама спустилась пониже: увидела, как женщина разговаривает по телефону, и захотела послушать.

– Да. Хорошо, я уже еду. Труба у вас? А девчонка? Нет, я... послушай... да, я ему обещала. Да, я уверена. Буду через полчаса. Здесь отвратительная связь, я почти тебя не слышу.

Я вернулась к Софи как раз в тот момент, когда машина свернула на небольшую проселочную дорогу.

– Джульетта, у тебя вообще есть план?

– Увы. Более того, и Нина и Голод при желании могут видеть невидимых. Есть шанс, что не будут приглядываться, но... знаешь, эти

ребята опасные. Я предлагаю разведать обстановку и вызвать кого-нибудь на подмогу.

– Тогда мне конец!

– Нет! Мы скажем, что ты ничего не знаешь. Выполняла свое задание, следила за жертвой в ожидании меня, была не в курсе, что мне запретили ходить в мир смертных...

– И тебе?! – ахнула кузина. – Мне конец!

– Потом увидела Хелен и позвала на помощь меня, а я, как сознательная гражданка, сразу же доложила наверх.

– А Хелен нас не сдаст?

– Эта может. Но мы постараемся сделать ей строгое внушение.

Дорога вела к небольшому домишке в глубине леса. Пожалуй, в этом доме я бы лично снимала фильм про маньяка. Счастливые молодожены приезжают в домик у озера и сталкиваются с неведомой кровожадной фигней. Или еще круче! Невеста оказывается маньяком и построила себе огромную кровать из костей предыдущих мужей. Хм, не получится с работой смерти, пойду в сценаристы. Такого бабушкин театр еще не видел.

А композитором возьмем муза попсы Валеру. Расчлениющая труп под бодрое «Женщина, не танцую, женщина, я не танцую» девица в свадебном ультра-мини покорит все сцены города бессмертных!

– Хочешь в пьесе сыграть? – спросила у Софии.

– Чего?

Помимо машины сенсея, у дома был припаркован тот самый черный внедорожник. Я с гордостью отметила вмятину от косы. Хоть на ремонт Голод попал благодаря мне, и то хлеб.

Дверь хлопнула, на улицу вышла Нина. Мы на всякий случай спрятались в широких кронах листвы.

– Привезла? – спросила моя заклятая подружка.

Получила из рук сенсея пакет известной аптечной сети и удовлетворенно хмыкнула.

– Вы уже начали?

– Голод ее уламывает. Упрямая девка. Жаль, что нужна живой до поры до времени. Смерть бы порадовал конец его подружки. Жаль, что вторую он спрятал надежно. Но я доберусь и до Джульетты Мор.

Мысль о том, что в каких-то десятках метров от меня кровожадная Нина, наводящий ужас всадник апокалипсиса, а заодно

похищенная им Хелен, изрядно напугала. Я поежилась от охватившей тело дрожи. Даже вечно надменной кухне сделалось не по себе.

Они скрылись в доме, и я рискнула осторожно его облететь. Камер по периметру не нашла, звуков никаких не услышала, охрану тоже не заметила. Они явно считали, что в такой глуши их никто не найдет.

Осторожно, чтобы, не приведи Вечность, не заметили, я заглянула в окно. Пусто, только какие-то коробки и свертки. Следующее – пусто, кучка мусора на полу да покосившийся шкаф. Следующее – ванная, где самозабвенно мылся какой-то мужик. Сначала я его не узнала, а потом догадалась, что это Алибек. У-у-у, гад ползучий! Не торопилась бы, обязательно повеселилась бы. Делов-то – налить под ноги жидкого мыла да подпихнуть под мягкое место. И вот, здравствуйте, я – ваша смерть. Пройдемте в троллейбус до ада.

Зато в следующем окне я – чуть не подпрыгнула прямо на косе – обнаружила Хелен. Бывшая смерть сидела на кровати, поджав под себя ноги, и безучастно смотрела в одну точку. Мелькнула у меня нехорошая мыслишка, что лекарства в пакете, привезенном сенсеем, предназначались именно для нее. А раз так, надо торопиться.

Я быстро облетела дом, позаглядывала во все окна и определила местоположение Голода и компании на первом этаже, в столовой. Он, Нина, сенсей и еще пара бессмертных, которых я не узнала, о чем-то разговаривали, но за толстые стеклопакеты не проникало ни звука.

Ладно, пора разрабатывать план.

– Она на втором этаже в доме, но вытащить ее будет сложно. Коса двоих не выдержит. Поэтому план такой: ты отвлекаешь внимание и делаешь так, чтобы они вышли из дома, а я ныкаю Хелен, и мы улетаем на твоём посохе и моей косе.

– А я?!

– А у тебя есть руна твоего Леона-а-ардо, поэтому ты быстренько смоешься, едва мы улетим. Договорились? Ну или можем вернуться в наш мир и признаться Смерти...

– Ладно! Только как мне их отвлечь?

Противный до ломоты в зубах скрежет распугал стайку ворон на деревьях у озера. Я не знаю, чем царапала машину Софи, но даже у меня сжалось сердце, когда я услышала этот звук. Пока кухня развлекалась с машиной, я дежурила у окна Хелен.

– Что за черт?! – раздалось в доме.

– Там какая-то баба!

Хлопнула дверь, и меня оглушило уже визгом, таким громким, что стекла задрожали. А одно – ведущее в комнату Хелен – разбилось, потому что я как раз удачно воспользовалась моментом. Следом был грохот – это на машины рухнуло подпиленное дерево. Я с легкой ноткой удовольствия послушала мат сенсея. Вот оно, просветление!

Хелен испуганно подскочила, увидев меня в окне.

– Женскую драку оставим на потом. Быстро вылезай, пока они не чухнулись!

Мне не стоило повторять дважды: девушка шустро забралась на подоконник и неловко уселась на висящий в воздухе посох, предварительно зачарованный Софией.

– А что...

– Потом пообщаемся! Держись за него всеми руками и ногами, если страшно, закрой глаза. Надо сматываться.

Мы рванули прочь едва ли не на первой космической скорости. Краем глаза, поворачивая к озеру, я увидела сноп белых искр – исчезла София. Тиски, сжимавшие сердце, немного ослабли. Курица она, конечно, но все же своя.

Оставалось только мчаться на всех парах. Сейчас Голод поймет, что его отвлекали, проверит Хелен. Если повезет, мы будем уже вне действия его сил. Я не была уверена, что моя руна потянет за собой и Хелен. Придется на всякий случай осесть в безопасном месте, чтобы, если перемещение не сработает, позвать Макса или папу.

Коса вдруг плавно начала тормозить.

– Что происходит?! – с паническими нотками в голосе спросила Хелен.

– Понятия не имею...

Я догадалась обернуться. На берегу озера стоял злющий, как тысяча маленьких собачек, Голод. Из его руки вырывался смерч, и он стремительно тянул нас назад.

– Джульетта, нажми! – заорала Хелен.

Увы, но даже чемпионская коса, способная приходить первой в самых лютых косогонках, не может тягаться с силой всадника. Чем ближе нас подтягивало, тем больше слабела моя сила. В конце концов мы, как два пыльных мешка с картошкой, рухнули на берег. Подозреваю, в том была великая милость Голода, ибо до воды оставалась всего пара метров.

– Так-так-так, – бывший всадник неспешно прошелся туда-сюда, – Джульетта Мор. Нина будет счастлива.

И чего она на меня зуб отрастила?

– Какая глупая девочка. Надо было тебе сидеть под теплым крылышком Максимилиана. Захотелось приключений?

Его глаза опасно потемнели.

– Сейчас я тебе устрою.

Вас когда-нибудь таскали, как котенка, за шкурку? А вот мне довелось, и ощущения, надо сказать, ниже среднего. Когда мы появились перед домом, Нина от радости буквально запрыгала и захлопала в ладоши.

– Смотри не сделай лужу, – буркнула я.

– Посмотрим, какие шуточки придут тебе в голову через часок.

Я сделала «покер фейс», но на самом деле изрядно испугалась. У Нины давно протекает крыша. Надежда только на Софи. Если она не успокоит себя мыслью, что мы просто сразу же отправились по домам, а заподозрит неладное, когда мы не вернемся, то, возможно, расскажет Смерти.

Короче, шансов у нас нет. Думай, Джульетта, думай.

В магии с Голодом не потягаться, он пусть и лишенный должности, но всадник. В физической силе преимущество тоже не на нашей стороне. Из козырей в рукаве только второе дерево. Я подпилила два, на случай если первое София столкнет не в ту сторону и промахнется мимо машин. Но дерево угрожающе раскачивалось в стороне.

– Хорошо, что заглянула. Как раз хотел поболтать с тобой о том, что там у вас происходит.

– А можно... – Нина сделала шаг вперед.

– Не сейчас. Сначала я с ней поговорю. Уведи девчонку, запри хорошенько в подвале. А с адепткой Мор мы поболтаем на кухне.

– Миленко тут у вас, – сказала я, рассматривая обстановку. – И кофе пахнет.

– Хочешь кофе? – почти заботливо поинтересовался Голод.

– Было бы круто. Осень какая-то промозглая.

– Да, в этом году все иначе. Погода чувствует перемены.

Сажу я за столом в старом лесном домике. Смотрю на широкую спину всадника. Чувствую всеми фибрами души его готовность в любую минуту отразить мою атаку. И не могу понять, как человек, который столько лет проработал бок о бок с отцом, с Максом, с Войной, человек, знавший меня ребенком, может вот так взять и пойти против всех? Цинично готовить мне кофе, собираясь... кстати, я даже не знаю, что он собирается делать. Но вряд ли подарить мне пони.

– Прошу.

Передо мной поставили дымящуюся кружку с кофе. Отлично, повод потянуть время. Я сделала вид, что обожгла язык, и так натурально сыграла, что чуть от жалости к себе, любимой, не разревелась.

Ну или от страха. Потому что Голод смотрел почти с отеческой заботой. Учитывая то, что он чуть меня не прикончил, я бы сказала, этот парень – маньяк.

– А вы в курсе, что вас заменяет чувак в кепке и трениках?

Голод рассмеялся. А я задумалась: может, ему кофе на штаны вылить? Пока он еще горячий. Хотя по вкусу это тот самый случай, когда кофе – оно, и даже внутреннее неприятие языковых нововведений покорно соглашается. Где они откопали эту гадость?

Последнюю фразу я случайно сказала вслух.

– Это копи лювак, – пояснил Голод. – Очень дорогой сорт кофе. Он перерабатывается в желудке у мусангов. А затем кофейные зерна выходят естественным путем.

Я подавилась и закашлялась.

– Ну вот, а обещали сначала поговорить, а потом уже издеваться.

– Вот и поговорим. Итак, Джульетта, что тебе известно о нас и наших целях?

– Ну-у-у... вы хотите дать людям бессмертие.

– Очень рекомендую мне не врать, детка. Зачем ты здесь?

– Спасать Хелен.

– Подружка?

– Студентка.

– Должно быть, очень хорошая, раз ты бросилась за ней в самое сердце врага.

– Да нет, просто если папа узнает, что я отпустила студентку в мир смертных, то отправит меня к этим... к мусангам, кофе перерабатывать. Решила скрыть косяк.

– А вторая девочка кто?

– Подружка.

Знакомьтесь: святая женщина, Джульетта Мор! Не подставила заклятую сестренку.

– Подружка, значит. Самоотверженные у тебя подружки. Ну хорошо. Допустим, я тебе поверю. А что ты делала рядом с тем парнем на заборе?

– А зачем вы в него стреляли?

– Я первый спросил, Джульетта.

– Это простой вопрос. Он – мой новый диплом.

– Диплом.

– Ага. Я прошлый завалила, мне выдали новый. Надо было забрать душу Анастаса. Ну я за ним и полезла, а вы его спугнули! Как дал деру. Так и не нашла гада.

– И снова тебе помогала подружка. Та же самая.

– Ну да.

– Удивительные совпадения. Вы с подружкой идете писать тебе диплом и натываетесь на нужного мне человека. Потом вы же с подружкой являетесь сюда, ломаете мне машину. Якобы для того, чтобы спасти первокурсницу и не попасться на косяке родителям. Тебя ничего не смущает?

Меня ничего не смущало, потому что все сказанное было чистой правдой. За тем исключением, что я все же знала о том, откуда растут ноги у похищения Хелен.

– Джульетта, – Голод выдержал театральную паузу, – ты хорошая девочка. Я давно тебя знаю. Мне бы не хотелось делать тебе больно. Давай ты расскажешь все как есть?

– И вы меня отпустите?

– Отпустить я тебя не могу. Однако я как минимум удержу Нину на почтительном расстоянии. Думаю, ты оценишь.

О, я оценила уже сейчас. Вот только понятия не имела, что рассказывать. Если бы Макс хоть чем-то поделился! Я бы знала, о чем можно вдохновенно врать, а чего не касаться!

Ладно, пора вспомнить славное студенческое прошлое. Если не дадут работу у смертей, пойду к мертвым – писать фантастические романы. Врать у меня всегда получалось лучше всего.

– Все началось с того, что мне выдали новую тему диплома, и я отправилась на поиски некоего Анастаса...

Врать умею, а тянуть время нет. Голод выбесился минуте на десятой, когда я посетовала на несправедливую сложность темы второго диплома и вовлеченность в мою учебу кучи посторонних личностей.

– Если бы не ваш покойник, я бы и первый нормально защитила.

Всадник со всей дури грохнул кулаком по столу, я взвизгнула и отскочила, от души облившись кофе. Остывшим, к счастью.

– Хватит морочить мне голову! Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому! Нина, солнышко, спускайся к нам, я дам тебе поиграть.

Раздался такой топот, будто там неслась не Нина, а табун кенгуру.

– Вечность, пусть она будет не в розовом резиновом платье! – взмолилась я. – Этого я точно не выдержу!

Как же сильна была надежда, что Голод оставит нас наедине и даст мне шанс! Уж Нинку-то я за волосы как следует бы оттаскала. Но увы, он хоть и освободил подруге пространство для маневра, из кухни не свалил.

– Ну, сейчас мы поигра-а-аем! – расплылась в кровожадной улыбке Нина.

– Вот за что ты меня ненавидишь?

– Ха! А то ты не знаешь! Да тебе все достается просто так!

– Тебе тоже, ты же рыдала на каждом зачете!

– Папочкина гордость, мамочкина радость, всадникова любовь, Джуличка! Ах, какая она веселая. Ах, какая яркая и непосредственная. Тьфу. Тошнит.

Мы явно знали разных Джульетт Мор, потому что та, которую я каждое утро видела в зеркале, определенно не подходила под определения «яркая» и «непосредственная».

– Нина, ты что, решила поболтать? – с раздражением спросил Голод. – Вытащи из нее все, что она знает, и избавься!

– Ну вот, а говорил, я хорошая девочка, люваком угощал. Так будет и с тобой. Что смотришь? Да-да, Никуль, на свете мно-о-го симпатичных девчонок. Вот поработит он мир, Афродиту себе в любовницы запишет, у нее грудь больше и ноги длиннее. Или Артемиду, она, говорят, до сих пор девственница. Как думаешь, что предпочтительнее: водка с газировкой или насыщенное тысячелетнее вино?

Нина медленно краснела, Голод – свирепел, а я понимала, что время у меня вышло. И жизнь я закончу именно на этом стуле, в дурацкой кухне, пахнувшая кофе, переваренным мусангами.

Достоин смерти-неудачницы.

Я завизжала на ультразвуке, когда Нина сделала шаг ко мне и оказалась совсем близко. Завизжала так громко, что Голод поморщился, а Нина от неожиданности подскочила. Следом подскочила уже я, потому что вдруг услышала:

– Джульетта?

На пороге кухни стоял Макс.

– Я согласна! – выпалила я.

– Что? – хором спросили все присутствующие.

– Замуж хочу! Срочно! Я согласна!

– Офигеть, как я рад, – прокомментировал Макс.

Значит, меня все-таки убьют, пусть и не те, что собирались изначально. А потом воскресят и замуж выдадут. Посадят на кухню, заделают кучу детей, а из косы вешалку для одежды организуют.

Крышу снесло сразу, стены первые два удара выдержали, на третий Макс с Голодом переместились на поляну. Я отпихнула Нину и сбежала по лестнице вниз. Требую премию за святость и самоотверженность! Вопреки намекам судьбы, бесстрашно и альтруистично я бегу спасать соперницу. Если ее до сих пор не убило крышей, конечно.

– Хелен!

Замок оказался заперт, но коса срезала его за секунду. Взволнованная девушка бросилась ко мне.

– Что происходит?

– Э, народ, Хелен тут есть? – услышала я. – А если найду?

Макс, похоже, прихватил всех всадников, включая четкого, потому что едва мы выбрались из дома, как увидели папу и Войну.

Трое против одного: Голод проигрывал и понимал это. Вокруг него плясали магические вихри, а суеты добавляла истеричная Нина. Я поборола (чудом) искушение двинуть ей древком по темечку. Сейчас лучше snyкаться как можно дальше, чтобы в пылу битвы не прилетело шальным порталом в ад, как летом.

Того же мнения была и Хелен, а когда мы отошли в сторону, то увидели бледную Софию.

Второй раз за день на моей шее повис доставучий аист. Жаль, она не видела Нину в розовой резине (о, рифма). Латексные изделия – идеологические враги каждой жизни, а для Софи еще и личные. Уверена, мозг Нины был бы съеден чайной ложечкой так изощренно, как не умеет даже передвижная деревня.

– Я так рада, что ты жива! – заголосила София.

– Э-э-э, ну спасибо, типа... – Я почувствовала себя четким всадником.

Даже если и узнаю, как его зовут, вряд ли смогу называть зама Голода по-другому.

В том, что наши победят, я не сомневалась, вопрос только когда и с какими результатами. Пока из потерь со стороны Голода полегли сенсей и двое безымянных смертей, но по факту всадник остался один. Алибек был смертным и болтался где-то на периферии, пытаюсь стрелять из пистолета (привет покушению на Анастаса), а от Нины и в лучшие ее годы никакой помощи дожидаться было нельзя.

Среди обломков дома я вдруг увидела поблескивающую в редких каплях дождя трубу. Во что бы то ни стало ее надо достать!

Пригнувшись к самой земле, я поползла под заклинаниями. Папа, заметив меня, сделал страшное лицо, но ничего не сказал, боясь обратить чье-нибудь внимание. И я успешно доползла до обломков, откопала трубу и нежно прижала ее к груди. Как же я понимала теперь Анастаса! Прямо прониклась моментом, когда он стоял на заборе и сжимал трубу как самое дорогое сокровище.

С руки Голода вдруг сорвалось пламя и попало прямо в отца. Я вскрикнула и тут же была сбита с ног Ниной. Труба откатилась в сторону, магия была позабыта. Мы предались любимому развлечению: примитивной женской драке. А вскоре к ней присоединились и София с Хелен. Втроем мы почти скрутили гадину, но изворотливая стерва укусила Софку за руку, пихнула Хелен в живот и откатилась в сторону.

Смерть тем временем плел вокруг Голода сияющую серебристую клетку, от которой так и летели искры. А папа переводил дыхание в сторонке и тяжело прислонился к стволу ближайшего дерева, которое я с ужасом узнала.

– Нет-нет-нет, только не эта елка! – провыла я папе, но было поздно.

Дерево качнулось, скрипнуло и грохнулось прямо в гущу свалки. Макс и четкий всадник отскочили, а Голод воспользовался шансом, прихватил Нину, которая, в свою очередь, цапнула трубу, и они дружной толпой исчезли.

– Э-э-э... – Папа несколько ошалело взирал на последствия падения елки.

– Ты в порядке? – Я подскочила к нему.

– Все нормально. Вы целы? Все живы, здоровы?

– Да, отделались царапинами.

– Сейчас исправим, – мрачно добавил Макс.

Он оглядел нас так строго и недовольно, что София пискнула и спряталась за мою спину, Хелен нервно сглотнула, а я почувствовала, как задрожали коленки. Ну правда, я даже на кухне у Голода так не пугалась, как сейчас.

– Не трудитесь придумывать оправданий. Я знаю, что эта жизнь увела Хелен в смертный мир без разрешения, знаю, что ты, Джульетта, нарушила мой приказ и кинулась помогать сестричке, ну а ты, Хелен, пыталась подставить Джульетту и обманом вернуть меня. Ну, с кого начнем экзекуцию?

Мы с Софией проявили дружное единодушие и ткнули пальцами в Хелен. Я даже не лукавила и не пыталась свалить свою вину на конкурентку. Она и впрямь была виновата, хотя бы в том, что шантажом заставила Софию провести ее в мир смертных.

– Хорошо. Итак, Хелен. Когда мне сообщили, что ты стала бессмертной и, более того, смертью, я понадеялся на твою разумность. Второй шанс для смертной души в нашем мире – уникальный случай. Один на несколько миллиардов. Ты меня разочаровала. Я надеялся, ты будешь учиться быть смертью, а не притащишь за собой смертные пороки.

Сказал красиво, но слишком напыщенно. Смертные пороки и среди нас – Нина живой тому пример – вполне неплохо себя

чувствуют.

Но на Хелен разочарование объекта вожделения подействовало хорошо: она стыдливо опустила голову и хлюпнула носом.

– С тобой, – Макс повернулся к Софи, – будет говорить твой научный руководитель. О чем ты думала?! Адептов младших курсов неспроста запрещено без разрешения водить в мир смертных! А уж Хелен... да тебе надо благодарить Вечность, что все так удачно закончилось и она не дунула в эту гребаную трубу!

– А кстати, что случится, если дунет? – спросила я.

И этим обратила на себя внимание разъяренного магистра.

– Ты даже не представляешь, как я на тебя злюсь, – сообщили мне. – Причем не знаю, на что именно: что нарушила мой приказ или что не пришла ко мне с проблемой, а кинулась решать ее самостоятельно.

– Давай посмотрим на это с другой стороны. Я спасала Софию, значит, я добрая.

– И что, мне тебя наградить?

– Ну хотя бы не убивать.

Я жалостливо вздохнула и откопала в своем арсенале самый-самый жалобный взгляд. Хотя на Смерть никогда не действовали мои кривляния. Он вообще на первых курсах казался мне эдакой каменной бесстрастной статуей. А на последних я научилась не попадать к нему в кабинет.

– Ладно, будешь мне должна. Но вы все трое будете наказаны.

С этим никто не спорил, а папа еще и поддакнул. В полной тишине мы вдруг услышали странный хруст, обернулись на четкого, и тот, смутившись, спрятал пакет семечек в карман.

– Простите. Нервное.

– Значит, так. Джульетта, София, Хелен. Вы трое отстранены от занятий на две недели.

– Но моя диссертация!

– А мои пары? – возмутилась я.

– Решение не подлежит обсуждению и пересмотру. Вы накосячили – вы отстранены. И раз уж ни магистр Жизнь, ни я, ни твой, Джульетта, отец, не способны удержать вас в узде, то это будет делать другой бессмертный, куда более опытный в вопросах ограничения перемещений.

Э-э-э... я быстро перебрала в уме всех знакомых, но на ум пришел только Гефест. Вряд ли Смерть собирался приковать нас к скале и разрешить орлу клевать печень, но на всякий случай предупредила:

– Студенчество было бурное, птичка загремит в токсикологию.

– Я имею в виду Аида.

– Что?! – ахнула Софи.

О да-а-а, и пусть после последней встречи с ним в доме появилась трехголовая собачка, пусть Аид обожает караоке и майонезные салаты, пусть Персефона – занудная фанатка садоводства, я должна видеть картину «жизнь в царстве смерти».

Больше, чем смертей, аисты ненавидели только слуг подземного царства. Без нас, как ни крути, жизням бы не было работы, а вот Аид и его ребята... именно они чинили преграды на пути добродетели и продолжения жизни. Аисты почему-то выступали резко против разделения душ на достойных перерождения и приговоренных коротать время в царстве Аида.

София, как один из самых ярких представителей аистов, чуть в обморок не свалилась. А я не захлопала в ладоши только из страха, что Макс передумает и все же на меня наорет.

– Кхе-кхе, – раздалось откуда-то сзади.

Мы дружно обернулись и ошалело уставились на растерянного Алибека.

– Я прошу прощения, что влезаю в ваш занятный диалог, но что вообще происходит?

– Он что, нас видит? – тихо спросила Хелен.

– Он душа, – выдохнула Софи.

Я никогда не отличалась корректностью:

– Ты что, помер?! – Ты что, помер?!

– На него, эта, гы, елка упала, – возвестил четкий.

– Отлично! И этого заодно проводите. – Макс кивнул в сторону поникшего Алибека.

– А ты не хочешь расспросить его о целях и планах Голода?

– А я все знаю.

От дальнейших расспросов Макс увильнул просто: сотворил портал и исчез, даже не чмокнул меня на прощание. Хотя при такой толпе народа, тем более при папе, я бы все равно этому не обрадовалась.

– Хелен. – Папа сделал приглашающий жест рукой.

Вздохнув, девушка прыгнула в портал, а за ней изготовилась Софи.

– С тобой, Джули, мы еще поговорим о спектакле, который ты устроила, – строго произнес отец. – А пока – в портал, и постарайся не разнести дом Аида! Я пришлю к тебе Цербера для охраны. Не забудь своего дружка.

– Ну что, – хлопнула я по плечу давнего знакомого, – готов встретиться с Аидом? С ним еще круче, чем с Голодом, отвечаю. Страшно тебе, козел? А ты не путай туризм с эмиграцией.

Глава 9. В гостях у Аида

Папа прислал не только Цербера. Папа прислал еще одного защитника, хотя когда Харон понял, что ему снова придется грести через Стикс к Аиду, то быстро превратился в нападающего. Ну и еще не хотел оставлять Лору в опасной близости от пока еще влюбленных адептов – зелье Дианы выветрилось не у всех.

– А вы не могли не косячить? – мрачно поинтересовался он.

– Могли. Но если бы я не косячила каждый раз, когда могла, мы бы с вами даже не познакомились.

– Теперь мне еще обиднее.

Пока Харон готовил лодку, я тискала любимого пса. Все три головы бурно выражали радость от встречи с хозяйкой. Хелен смотрела на Цербера с отвращением, София – со страхом. Душа Алибека сидела на берегу, поникнув, смотрела на водную гладь и страдала.

– Тебе не хватает кружки кофе, сигареты и ванильной подписи в инстаграме, – прокомментировала я. – Что-то типа «меня нелегко найти, сложно потерять и хочется забыть».

– Все смерти такие тактичные? – огрызнулся он.

– А ты что хотел? Ты помогал Голоду! Работал над бессмертием! Ты чуть меня не убил, а я должна тебе сопельки на берегу Стикса вытирать? Поверь, я еще даже не начала издеваться.

– Я ученый! Я работал над бессмертием, я хотел принести людям свободу!

– Вопросов нет! А дальше ты зачем с Голодом шарохался? Хелен зачем похищали? В Анастаса стреляли? И вообще, с каких пор ученые двигают науку на стыке алхимии и колдовства? Что-то я не помню научных статей на тему «Кровь всадника способствует обновлению клеток». Вот и сиди теперь здесь в одиночестве. Правильно тебя елкой зашибло. Договорюсь с Аидом, в следующей жизни станешь хомячком.

С горем пополам, переругиваясь и пихаясь, мы уместились в лодке, и Харон медленно начал движение. Эта часть Стикса отличалась от той, что мы пересекали по дороге в академию. В детстве

меня здесь всегда укачивало, то ли от тумана, стелющегося над поверхностью, то ли от близости подземного мира. Поэтому сейчас я села рядом с Хелен – вдруг снова укачает?

Есть в размеренном движении по идеально спокойной реке что-то безмятежное. Еще бы так тесно в лодке не было, вообще красота.

Хелен проявляла умеренное любопытство, София тряслась от негодования, а наш свежепреставленный Алибек бесил всех дурацкими вопросами:

– И что? Вот это все? Я, давший людям бессмертие, не дожил до момента своего триумфа? И не увижу, как мое изобретение используется? Это несправедливо!

– А ты вообще молчи, – буркнул Харон, – ты мне монету не дал, считай, бесплатно едешь.

– Какую еще монету?!

– Когда Харон работал на переправке душ через Стикс, ему платили монетами. Смерть давала душе монету, которую та отдавала Харону.

– Но у меня нет монеты!

– Это потому, что у тебя и смерти нет, ты внезапно помер. Для таких даже свой департамент есть.

– Так что сиди и не выпендривайся, – добавила София.

Мне на секунду и впрямь стало его жалко. Потом отпустило, вспомнились былые обиды.

– Расспросишь вновь прибывающих душ, – обнадежила врача. – Спросишь, как дела, что новенького в мире, посетуешь на то, что раньше в котле было прохладнее и не так тесно.

Алибек поежился, Софи укоризненно покачала головой. А что? Ему можно издеваться надо мной, а мне попугать немножко нельзя?

Наконец впереди показался берег. Нас уже встречали: Аид с Персефой приветственно махали. Я первая выпрыгнула из лодки и повисла на владыке мертвых.

– Дядя Аи-и-ид!

Он рассмеялся и похлопал меня по спине.

– Выросла-то как! Совсем про старика забыла.

Софи и Хелен так и стояли, открыв рты, а после этих слов и вовсе впали в прострацию. Было от чего: в свои несколько тысяч с гаком лет Аид выглядел как звезда Голливуда. Иссиня-черные волосы,

атлетичное тело, пронзительный, с хитрым прищуром, взгляд. Интересно, выдержит ли неприязнь Софии? Другие не выдерживали.

– А это кто с вами? – спросил Аид, кивнув на Алибека.

– Так, случайная жертва, изобретатель бессмертия. Нелепая смерть.

– Изобрел бессмертие, а помер, съев шаурмяу возле вокзала?

– Почти.

– Вызову ребят, пусть проводят на распределение.

С легкой тоской я смотрела вслед Алибеку. Нет, жалеть второго парня в рейтинге подонков сразу двух миров – перебор. Просто я всегда сложно расстаюсь с привычными вещами, даже если они и грозятся меня прикончить. Расставание мамы с папой далось тяжело, переезд к Максиму тоже не прошел даром.

Если Нину в наказание превратят в хомячка, поселю ее дома. Бессмертный хомячок – насмешка над природой. Или подарок домашнему коту...

– О чем мечтаешь, кнопка? – Аид обнял меня за плечи.

Во-от оно! Главный бич всех родительских друзей. Я для них кнопка, бусинка, малышка, сорванец, Жулька, Жуська, мышка, рыбка, зайка – ну и так далее, прямо по учебнику зоологии. Тот факт, что кнопка уже давно выросла, игнорируется начисто. Неужели и мы такими станем?

Софи и Хелен на фоне общего интереса к подземному миру даже будто сдружились. Вместе хихикали над табличкой на пристани Стикса «Пятки не мыть», с осторожным любопытством совали всюду носы и перешептывались. Я вела себя сдержаннее, но исключительно потому, что из рассказов отца примерно представляла, что меня ждет.

Темные пещерные стены, туман, гулкое эхо и таинственный красноватый свет в ответвлениях тоннелей.

– А где же крики грешников?

– Ленятся, – фыркнул Аид. – Рекомендую посмотреть направо. Сейчас там появится Лета – река забвения. Если искупаетесь или глотнете водички, забудете даже собственное имя.

Да ну? Судя по результатам сессий, студенты этой водичкой моют голову, разводят кофе и лапшу заваривают. К слову, о студентах, вот как надо было достать Танатоса, чтобы он променял непыльную работу у Аида на академический дурдом?

– Вон там Сад Увядших Листьев, а там любимая гранатовая роща Персефоны. У нас, кстати, есть и более позитивные места.

– О, правда? – оживилась Софи. – Мне показалось, здесь не хватает светлых красок. Может, березовой аллеи? Или цветущей сакуры?

– Вообще я имел в виду Арену Возмездия, где мы тестируем новые виды наказаний. Но я подумаю про березовую аллею. Будем посылать туда аллергиков. А вон там Дом Правды, резиденция Миноса и Радаманта. Но мы к ним не пойдем, у них недавно был день юриста, так что все отсыпается.

– День юриста в декабре, – напомнила я.

– Вот Вечность, уже следующий скоро!

– Мы рады, что вы решили нас навестить, – улыбнулась Персефона. – Сегодня по этому поводу устраиваем ужин. Я пригласила твоих родителей, но они чем-то заняты, Максимилиан сказал, что заглянет, если успеет. Расскажите, что происходит? Я чувствую себя оторванной от внешнего мира.

Говорят, Аид перестраивает дом каждую сотню лет. И посреди мрачного подземелья уже красовались готический замок, викторианский особняк, «хай-тек» коттедж, «нехай-так» вигвам, многоуровневая пещера и полый жилой гриб.

Сейчас страсть владыки царства мертвых обратилась в сторону русской почти классики, так что в декорациях подземного мира стояла жилистая серая панельная пятиэтажка.

– Аутентичненько, – прокомментировал Харон.

– Нравится? Недавно был у смертных, подсмотрел там. Внешний вид немного экзотичный, но внутри все, как я люблю. Ваши комнаты уже готовы. Если хотите подобрать наряд, у Персефоны куча еще не распакованных. И да, главное, не суйтесь на восток от Дома Правды, мы там растим тополиную поляну, для любительниц липкого блеска для губ.

Что ж, нам хотя бы выделили отдельные комнаты, пусть и смежные.

– Кажется, Аида переключилось на цветочных наказаниях, – заметила Хелен.

– У него жена и теща на садоводстве помешаны, удивляться нечему. Но здесь должно быть весело. Все легенды рассказывают о

том, как Деметра радуется, когда Персефона возвращается к ней от мужа. А уж какую гулянку закатывает Аид, когда провожает благоверную. Будьте осторожны с Орфеем, это бабушкин доносчик. Отпугнуть его можно только одним способом: врубить репертуар муза попсы. И еще не ешьте с кустов гранаты.

– Иначе останемся тут навсегда? – испугалась Хелен.

– Да нет, Персефона голову оторвет, она их на салаты выращивает. София потянулась на кровати и зевнула.

– Я так устала! Кажется, будто не спала целую неделю. И есть очень хочется. Чем займемся?

– Вот и поспим. А потом отправимся разорять гардероб принцессы ада.

Я тоже дико устала. Сначала пары утром, потом выматывающий спектакль в столовой, потом слежка за сенсеем и вызволение Хелен, теперь вот переезд через Стикс. Если не посплю хотя бы пару часов, то первой лягу лицом в салат за ужином. И пусть майонез полезен для кожи, мне еще компрометирующих фоток не хватало. Хоть Персефона и ноет, что здесь она словно в бункере, смартфоны все равно меняет каждые полгода.

Я знаю, что является самым большим наслаждением на свете. Растянуться под одеялом в прохладной большой постельке. Закрывать глаза и лежать в тишине, прислушиваясь к мерному посапыванию Софии. Это особое удовольствие: смаковать сам факт того, что можно, наконец, лечь и выспаться.

Мне снился Макс, мы плыли на лодке и целовались. Потом из темных вод Стикса тянулись жуткие щупальца, и Харон бил их веслом. А потом я проснулась под вопли соседок:

– Неадекватная!

– Сама такая! Мне вреден сквозняк, я жду ребенка.

– Еще пару часов назад, – сказала я Софии, – ты его не ждала, а планировала. Кого следует называть счастливым отцом? Учти, за Харона тебя побьет Лора, за Аида прикопает в садочке Персефона, а за Макса подставит и не моргнет Хелен.

– Я имела в виду, что жду, когда ребеночек появится. И не могу подвергать себя опасности сквозняка.

– А мне душно! – возразила Хелен.

Вечность! Спасибо маме, папе и мизантропии за то, что я не жила в общаге.

– Идемте к Персефоне, попросим у нее переодеться и пожевать.

После короткого душа мы спустились на нижний уровень, который Аид полностью отдал в распоряжение жены. Тут тебе и гардеробная размером с мой дом, и тренажерный зал, и даже небольшая библиотека смертных любовных романов.

Сама Персефона лежала на диване и со скучающим видом листала смертный фэшн-журнал.

– О, девчонки!

При виде нас она оживилась.

– Вы проснулись, супер. Предлагаю подобрать для вас наряды и выпить кофейку.

– Ой, только не кофейку, – быстро сказала я, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. – Воспоминания еще свежи. Давайте чай с бутербродами. Или с пирожными! Я голодная как волк.

Мы расположились прямо в гардеробной и довольно весело провели время. Персефона предлагала наряды, а мы дружно их комментировали и откладывали те, что понравились. Не забывая, конечно, с аппетитом поглощать еду.

– Почему у нее все такое... агрессивное? – спросила меня шепотом шокированная София. – Она же богиня весны! Я думала, Персефона – это светлая и романтичная девушка.

– Ты забываешь, что она еще и принцесса ада.

– Все мы надеваем в гости к маме скромные платьишки и жемчужные воротнички, – сказала Персефона, услышав мою реплику, – но невозможно быть женой владыки подземного мира и оставаться воплощенной невинностью. Я замужем уже тысячи лет, и если бы не оживляла брак разными способами, давно бы вернулась к маме. Вы хоть представляете, какая это пытка?

Лично я представляла, да и Софи наверняка вспомнила собственную свекровку.

Мы знатно повеселились, рассматривая платья, и определились с выбором только к вечеру. Я остановилась на темно-красном вискозном платье с золотистым ремешком, София облачилась в траурное черное шифоновое одеяние и трагически вздыхала, глядя на себя в зеркале (на самом деле это платье было единственным более-менее

приличным в гардеробе Персефоны). Ну а Хелен не стала себя ограничивать и надела серебряное, сверкающее всеми цветами радуги платье силуэта «рыбка». Оно было бы уместно на красной дорожке церемонии вручения кинонаград, но для вечеринки в аду подходило слабо. Даже Персефона засомневалась, но ничего не сказала.

В облегающем платье из кожи молодого дерматина жена Аида была одновременно сексуальна и очаровательна. Пожалуй, я понимаю, почему он влюбился в нее настолько, что пошел на обман. И пусть порой его тянет сбежать к смертным, пусть он вздрагивает при виде цветущей герани, Аид скорее превратит ад в диснейленд, чем отпустит Персефону.

Хотела бы и я такую семью. И чтобы никто не махал вокруг веслом.

– Дом кажется изнутри больше, чем снаружи, – заметила Хелен, когда мы шли в столовую.

– Это всего лишь магия, – ответила Персефона. – Мы часто меняем интерьеры и внешний вид дома. Что ж, добро пожаловать на праздник.

Втайне я надеялась, что Макс все же придет. Во-первых, мы так и не сходили на свидание, а во-вторых, я бы ему показалась вся такая красивая, в коротком платье и с шикарным начесом на голове. На восхищенные мужские взгляды быстро подсаживаешься, хочется больше и больше.

Но ни его, ни папы, ни даже Войны с четким или Лоры на приеме у Аида не было. Мы рассредоточились по залу и неспешно изучали закуски, когда я вдруг заметила в толпе Алибека.

– А он что здесь делает? – спросила, выловив Аида из гущи народа. – С каких это пор душам разрешено входить к тебе в дом?

– О, ты знаешь, это действительно особый случай. Мне было до ужаса интересно узнать обо всем поподробнее. Ну, о бессмертии. Поэтому я его пригласил.

– Он натворил столько дел!

– Да ладно тебе, кнопка, он всего лишь душа. Поболтаем да отправим восвояси. Чего ты волнуешься?

Я закусил губу. Признаться было стыдно, но мне действительно не нравилось присутствие Алибека на подземной

тусовке. Он слишком много бед натворил, стал неотъемлемой частью команды Голода. Я не доверяла ему даже мертвому.

Никто из бессмертных не умел веселиться круче Аида. Мы поужинали, потом выпили, потом самые стойкие выпили еще, а потом начались танцы. Тверк от эриний не забуду никогда, а страстное танго Аида и Персефоны половина присутствующих записали на видео, и я не уверена, что хочу знать, для каких именно целей.

Как всегда бывает на таких вечеринках, народ разделился на группы и занялся каждый своим делом. Аид, например, играл в литрбол с Хароном, не забывая с космической скоростью поглощать салатик под названием «Гранатовый браслет».

Чтобы хоть немного отдохнуть от музыки и еды, я вышла на балкон и полной грудью вдохнула свежий, чистый пещерный воздух. Говорят, полезно для здоровья. Надо сюда Софку пригнать, пусть оздоравливается перед созданием наследника.

Сколько так стояла, не знаю. На туман можно смотреть бесконечно, он никогда не бывает статичным, постоянно меняется. Можно рассматривать в белых клубках знакомые образы.

– Что, тоскуешь по любовничку?

Ну да, интуиция меня редко подводит, я просто слишком часто вляпываюсь и перестала к ней прислушиваться.

– У тебя аллергия на березу есть? – мрачно спросила я.

– Нет, только на кошек.

– Жаль. Но обязательно подам Аиду идею сделать мурчащий котел специально для тебя.

– Да брось, Джульетта Мор, мы оба – пешки в игре всадников. Голод много о тебе рассказывал. Хорошая девочка, папина дочка, идеальная пара для Смерти. Он был уверен, что тебя готовили для замужества.

Еще летом подобная фраза вывела бы меня из себя, но сейчас я лишь пожала плечами. Какая разница, что думают другие? Мне бы со своими чувствами разобраться. И с Максовыми.

– Нас обоих использовали, – продолжил Алибек. – Меня, для того чтобы я разработал формулу бессмертия, а тебя – для того чтобы выследить Голода. Только не говори, будто не понимаешь, зачем Смерть прикидывался рядом с тобой некромантом.

А вот это уже неприятно. Я почти убедила себя, что он делал это так долго, потому что я клеваю.

Но болтливость врача была мне на руку. Никто же в здравом уме не думал, что мне не интересно, какие там планы у их компашки? Если еще немного помолчу, Алибек выложит все как на духу.

– Даже жаль, что я не увижу заката обоих миров. Это будет незабываемое зрелище. Смерть хватается за соломинку, пряча тебя здесь. Скоро Голод пробудит древнее зло, оно доберется и сюда. Я вообще считаю, это своего рода агония: сидеть в аду и знать, что все, кто был тебе дорог, стерт с лица Земли.

– О чем это ты? – не выдержала я.

– Ах да, тебе ведь не сказали. Никогда не задавалась вопросом, зачем все это? Сначала бессмертие, потом Ангел Апокалипсиса.

– Ну так просвети. Это теперь единственное, что тебе доступно.

– Я был удивлен, когда узнал, что бессмертные так сильно похожи на нас. Что и для вас власть – как наркотик, что и вы можете быть одержимыми безумными идеями. Когда я еще был аспирантом, на меня вышла «Aeternum», предложила мне грант, а затем взяла на работу. Я был счастлив заниматься исследованиями и не думать о финансовой стороне вопроса. Знаешь, что случается с наукой, которую не ограничивают в средствах? Она развивается семимильными шагами! Вот и я почти изобрел состав сыворотки бессмертия, но она была такой слабой, что действовала только на отдельные клетки и давала кратковременный результат. Тогда мне было позволено встретиться с Голодом. Он рассказал, что бессмертие – вопрос, скорее, алхимический, и без сильного магического ингредиента ничего не получится.

– И ты, конечно, поверил.

– Не сразу. Но всадники умеют убеждать, мне пришлось принять точку зрения Голода. Мы разработали план: я должен совершенствовать сыворотку, а он достанет недостающие компоненты. Ими, как ты могла догадаться, стали образцы крови всадников. Кровь Войны и Голода мы получили легко, с кровью твоего отца справилась, пусть и невольно, твоя мать, а вот со Смертью вышли сложности. Что случилось дальше, ты помнишь.

О да, меня чуть не затянуло в огненный смерч, а еще коза Нина поцарапала меня моей же косой, ну а через пару неделек Голод

ошарашил мир известием о бессмертии.

– Вам казалось, что все – мир уже изменился. Цель Голода достигнута, он получил богатство и может жить так, как захочет. Но правда в том, что Голода никогда не интересовало богатство. Он хотел власти и мира, созданного по его эскизам. Поэтому бессмертие стало лишь первым этапом плана.

– А вторым стала Хелен.

– Мы не знали, что это она. Не сразу нашли ту страницу про секту, потом долго продвигали в руководство своего человека. Нашли трубу, нашли сектанта, который ее охраняет. Только этот гад сначала решил, что ангел – это ты, а потом вообще сбежал. Тогда наши шпионы донесли о Хелен и ее происхождении. Мы поняли, кто нам нужен. Выкрали ее, выкрали трубу вместе с этим вашим Анастасом. А дальше случилось то, что случилось: ты снова нам помешала. Но это не имеет никакого значения. Голод достанет Хелен, она разбудит древние силы – и все свершится.

– Остался только один вопрос: понять, что именно ты подразумеваешь под «все».

– Чудовища, – Алибек пожал плечами, – катаклизмы. Древние монстры, неизведанные силы. Зов Хелен пробудит их, а Голод сможет контролировать. Он сбросит всадников, уничтожит всех, кто мог бы дать ему бой, и построит собственный мир. Со смертоносными стражами и бессмертными рабами.

Я судорожно рылась в сумочке.

– Что ты ищешь?

– Телефон. Позвоню в «Скорую» и вызову психбригаду. У Голода белая горячка!

– Возможно, твой юмор позволит тебе пережить потерю близких. У Смерти нет шансов. Он был слишком добр к своим друзьям. Нельзя приближать тех, кто тебе служит. Они вонзят нож в спину.

– Откуда врач, ушибленный елкой, может знать о службе? Тебе даже санитарки в больнице не подчинялись!

Ниже падать некуда: я ругаюсь с тенью земного воплощения, с душой, которую без предварительных слушаний отправили сразу к Аиду. И что самое мерзкое: ему удалось меня задеть.

Неужели Макс действительно нас всех прячет? Меня, чтобы не лезла под горячую руку, Софию, потому что по несчастливой

случайности оказалась в одной заднице со мной, Хелен, которая способна что-то там пробудить.

И пусть он фактически прямо об этом сказал, когда отправлял нас сюда, я все равно разозлилась. Что за человек? Мог ведь объяснить, что удержать Хелен от мира смертных жизненно необходимо.

– Очевидно, что мы на разных сторонах Стикса, Алибек. Я верю в своих друзей, ты – в своих. Время нас рассудит. Только знаешь что? Я бессмертная, а тебя убило елкой. Ты даже канапешку съесть не можешь и завтра отправишься получать по полной программе.

Я развернулась, чтобы вернуться в зал, а в спину мне донеслось издевательское:

– Как ты думаешь, почему Аид заплатил мойрам, чтобы те не обрезали нить Анастаса?

Кажется, меня только что ударило током. Вспыхнувшая в голове истеричная мысль «Хелен!» исчезла, сменилась пониманием, что без еще одного высокопоставленного предателя Голод бы никак не обошелся. Аид неспроста привел на праздник Алибека.

Я ворвалась в толпу гостей так стремительно, что несколько эриний с ругательствами отскочили в стороны.

– Где Аид?! – рявкнула я.

Хелен видно не было, зато ко мне подскочила обеспокоенная София.

– Джульетта? – Аид вышел из-за стола. – Что случилось?

– Где Хелен?

– Откуда я знаю? Была где-то здесь. Что на тебя нашло?

Нет, я, может, и не умею видеть предательство (пропустила же Макса в образе некроманта и мамину измену), но все же различить явную ложь и чистую правду смогу. Аид не врал, он смотрел немного удивленно, с волнением.

Тогда кто? И где, Вечность раздери, Хелен?!

– Может, ушла с Персефоной? – предположила София.

Жены Аида тоже не было. Вот тебе и любительница садоводства.

– Пошли вниз, – скомандовала я. – Она может быть там.

Мрачный, как сама тьма, Аид, возглавлял наше торопливое шествие. Следом за ним неслась я, за мной неловко переступала на высоченных каблуках кузина, а за ней на кой-то увязался Алибек. На

него, впрочем, никто не обращал внимания. Бесплотная душа угрозы не представляла.

Мы услышали голоса еще на лестнице. Хелен кричала, ее голос я бы узнала из тысяч, пару раз он даже являлся мне во снах. От удара магии Аида дверь в гардеробную отлетела, словно была сделана из пластика.

Но все, что мы увидели, очутившись в комнате, – это стремительно закрывающийся портал.

– За ними! – первой очнулась я.

Не медля ни секунды, бросилась в самое сердце, не заботясь о том, прыгнут ли следом остальные. Мир вокруг закружился, смешался с яркими красками портала, калейдоскопом вспыхнул перед глазами и вскоре померк.

* * *

Однажды папа решил устроить нам с сестрой праздник и повел нас в смертный парк аттракционов. Ну, я ведь старшая и крутая, полезла сдуру на самую жуткую карусель с говорящим названием «Убийственная центрифуга». Ощущение, когда ты головой летишь к земле, я запомнила навсегда. Не верю тем, кто говорит, что страшно потерять ориентацию в пространстве. По-настоящему страшно чувствовать, что падаешь, вылететь из портала и видеть быстрое приближение земли. Удар... и темнота.

Первым очнулось обоняние: пахло земляникой. Потом тело обрело способность шевелиться, и нервные окончания удивили меня отсутствием синяков и переломов. Ну раз вокруг такая хорошая обстановка, то можно и глаза открыть.

Вопреки устоявшейся традиции меня выкинуло не на мусорку, не на стройку, а на лесную полянку, полную земляники. Ягод было так много, что все платье, руки и, судя по тянущему ощущению, лицо были покрыты ягодным соком. Ну-у-у, я жива, клубничная маска полезна, от голода не помру, но людям лучше не показывать свою мордочку, покрытую красными разводами. Зато в тон к платью.

Кряхтя поднялась, попутно стряхивая с себя муравейник на начальном этапе строительства. Осмотревшись, поняла, что на поляне

я совершенно одна и где искать остальных – неизвестно. Ладно, основы помню, мох растет на севере, солнце садится на западе, а МЧС в лице папы объявится в полночь. Хотя, может, и не объявится. Я ведь, по его мнению, должна гостевать у Аида. Но руна Макса всегда со мной, правда, порталы мои работают хуже, чем в метро интернет ловит.

Дело за малым, найти всю гоп-компанию, привязать Персефону голой у муравейника и сунуть паука за шиворот Хелен. Последнее просто из вредности. Нет, все-таки я фанат хвойного леса. Иголки, песок, и с каждой ветки на тебя не выливается ведро воды. Плюс он не такой жуткий, да еще избавил намедни мир от Алибека.

И что-то здесь не так. Ощущение неправильности заставляло постоянно осматриваться и заглядывать под каждый куст.

Наконец до меня дошло. Ни кострища, ни бутылки. Так не бывает. Не в этом мире! А-а-а-а, только не параллельные миры! Не знаю, куда открыла портал Персефона, но очень надеюсь, что все же в мир смертных. Потому что если мир все же не наш... Я читала привезенные бабушкой книги! Я не хочу опять учиться в академии, очаровывать принцев с королями или с толпой фриков идти мочить вселенское зло, чтобы по итогу самым зверским образом выйти за него замуж. Жертва для моего замужества уже определена.

Наконец вдалеке послышался гул голосов, и я прибавила скорость, цепляясь по дороге за все кусты. Возможно, это и спасло мне если не жизнь, все-таки бессмертие не пропьешь, то хотя бы здоровье. Я как раз разматывала волосы с ветки, когда разобрала слова. Латынь меня несколько напрягла, а уж как мне не понравилось слово «аутодафе»... Нет, завалиться с друзьями в лес на шашлыки – святое, но только когда шашлык будет не из тебя. Хм... А из кого? Я знаю троицу придурков, которые пропали со мной на одном гектаре, и одного владыку ада. И если Аид сам кого хочешь зажарит, еще двоих я бы лично подожгла, то вот сестренку жалко.

Уф, ну хоть невидимый режим сработал, и на поляну я прокралась незамеченной. Так, у меня две хорошие новости и одна плохая. Плохая: судя по виду аборигенов, мы в прошлом, а хорошая... Мир наш... И Масленицу решили устроить раньше.

Да, мы вот всей шабашкой собираемся, артефакты достаем, три часа завываем, чтобы на день назад время отмотать. А тут на тебе – и

столетия. Впрочем, как я уже упоминала на первом дипломе, дуракам везет, а теперь в нашем клубе и Персефона. Может, всем купить по лотерейному билету?

Как бы то ни было, в центре большой поляны на кучках из хвороста стояли четыре столба. Каждому столбу по жертве: крайний – Аиду, а рядом с ним женушка-вредитель, плюс Хелен и София. Ну и Алибек, в мире смертных утративший плотность и невесомым призраком парящий над безобразием. А он как хотел? Здесь значение имеет только смертное тело. Нет тела – нет дела, плотности и видимости.

Вокруг столбов с жертвами толпились какие-то люди в длинных темных рясах. То ли инквизиторы, то ли идиоты. Может, мы случайно переместились в будущее и это – последствия апокалипсиса Голода? Проходим квест под названием «Эволюция» заново.

Еще раз оглядела фаер-шоу на поляне. И тут включилась моя профессиональная деформация.

Неправильно ты, дядя Федор, демонов сжигаешь. Ну поймали в лесу подозрительную компашку, почему на суд не потащили, а? Тут бы всей деревне новостей и радости на десять лет. Ладно, этот момент опустим. Разжигать костры в лесу – тупость. Им сильно повезло, что дождь недавно был.

– Отпустите нас немедленно! Да я на вас бездетность нашлю! К вам ни один аист не заглянет! Да я... я...

Так, София по привычке начала угрожать. Мелочь, а приятно. София явно прогуливала некоторые лекции, например «Смысл угрожать им перерождением в таракана, если они в это не верят исторически?!».

Думаете, остальные хранили соответствующее торжественному моменту молчание? Как бы не так!

– Как ты могла? – отчитывал Аид жену. – Предать меня! Предать всадников! Предать бедную девочку и отправить ее в лапы ненормального! Персефона!

– Что Персефона?! Что Персефона?! Одно и то же! Век за веком, я задолбалась уже, Аид! Я! Хочу! Развода! Хочу гулять где вздумается! Хочу проводить осень в мире смертных! Отмечать Новый год у нормальной елки! Со снегом! И! Я! Не! Люблю! БДСМ!

Так, пора заканчивать этот балаган, а не то я узнаю слишком много подробностей, которые бы знать не хотела. Сделав пару фоток на память, я поспешила спасти несчастных.

– Товарищи, – выступила я вперед, возвращая видимость, – сворачиваем шашлыки. До майских праздников розжиг костров запрещен!

У кого-то упал факел и с шипением нашел последний покой в мокрой траве.

– Демон!

Нет, блин, лесник!

Зато когда в руках у меня появилась коса, меня тут же опознали.

– Смерть! За колдунами лично явилась!

Я прошла мимо заросшего мужичка, который демонстрировал триумф антисанитарии во рту. Запах оттуда шел такой, что я машинально, проходя мимо, подняла его челюсть.

– А-а-а-а, кровь!

– Прошу прощения, что прерываю вечеринку, но ничего вы не добьетесь. Во-первых, дрова сырые, поджигать вы их будете долго и упорно. Во-вторых, вы знаете, какая температура и время нужны для качественного аутодафе? Да я по вашему пионерскому костру могу сказать, что нет. Так что давайте я избавлю вас от возни с этим плохо промаринованным мясом и заберу их лично. Обещаю замолвить словечко, и им предоставят самую горячую сковородку.

Ну я так не играю. Думала, что образ смерти померк, когда бессмертную «Пляску смерти» сделали саундтреком к детскому мультиту. Однако когда у меня попытались отобрать косу...

Убивать было нельзя. Скандал со смертью этого времени мне был не нужен. Еще встречу молодого папу или Макса. Но если спугнуть их сейчас, они вернуться с подмогой.

Значит, надо сделать так, чтобы им пришлось сначала отстирать и высушить портки, перестать заикаться и трястись, а уже потом поднимать все население для борьбы со злом.

Для начала я навела морок, будто моя кожа стекла с лица, оставив череп с огнем в глазницах. Первые ряды дрогнули, но не отступили. Кожистые крылья их тоже не впечатлили. Можно подумать, я тут перед современными детьми изгаляюсь. Те тоже смотрят на всяких монстров, жрут чипсы и снисходительно хихикают.

А добавим спецэффектов!

По поляне пополз багровый туман, медленно, но верно затеняя ранее солнечное место. Дело пошло, когда я заставила каждого на месте соседа увидеть зомби: народ наконец испугался.

Стоило признать: уровень организации практически нулевой. Инквизиторы-недоросли кинулись врассыпную, побросав факелы. У кого-то загорелось одеяние, кто-то споткнулся и начал истошно вопить. Я щедро раздавала тумачи и пинки до тех пор, пока поляна не опустела.

Потом, перехватив поудобнее косу, освободила Софи и Аида.

– А я?! – возмутилась Хелен.

– А ты мне больше нравишься в зафиксированном состоянии.

– А я?! – это уже Персефона.

Вместо ответа Аид взмахнул рукой, и его жену обвили дополнительные черно-синие сияющие путы. Я чудом удержалась от напоминания, что Персефона только что сообщила о своей нелюбви к БДСМ.

– Что делать будем? – спросила я.

– Надо сообщить Смерти, предателей может быть больше, – сказала кузина. – И пусть перепрячет Хелен. А еще...

– Стой!

Я задрала голову, высматривая в небе Алибека. На фоне серых туч он был почти невидим.

– Аид, ты можешь сделать так, чтобы он не подслушивал?

– Как пожелаешь, кнопка.

Со звуком, какой бывает в биотуалете, душу врача засосало в какую-то неведомую воронку. Надеюсь, навсегда. Я сыта по горло пафосными разговорами о стремлениях к власти.

– Нельзя допустить, чтобы Хелен попала к Голоду, – сказала я.

– Нужно отвести ее в защищенное место и подержать там пару дней. За это время я проверю всех своих сотрудников и жестоко накажу предателей. – Аид мрачно посмотрел на жену, в его взгляде отчетливо читалось, что из аббревиатуры БДСМ исчезнут «Безопасность», «Добровольность» и «Мазохизм», уступив место Садизму с большой буквы в адрес неверной женушки.

– Ты знаешь какое-нибудь безопасное место? – спросила София.

- О да, – усмехнулась я. – Только как в него попасть, понятия не имею. Не уверена, что руна Макса работает через время.
- Я смогу открыть портал, только скажи, куда именно.
- В Академию смертей. Безопаснее места в мире бессмертных просто не существует.

Глава 10. Голод против Смерти

Хотите знать, как победить Голода? Накормить сникерсом!

И я сейчас совершенно не шучу: похоже, единственная слабость этого всадника – аллергия на орехи.

Мы появились в академии прямо в середине пары, поэтому не наделали шума и не стали сенсацией. Тихонько проскользнули в мою аудиторию и там окопались, подперев двери стулом.

– Значит, так, вы сидите здесь, а я найду Макса и признаюсь во всех грехах, – решила я. – И следите за Хелен. И за Персефоной.

– Может, хватит говорить обо мне так, словно меня здесь нет? Знаете, мне с каждым часом, проведенным с вами, все больше и больше хочется дунуть в эту трубу! Лишь бы от меня все отстали! Я не просила делать меня смертью, и уж лучше бы отправилась на перерождение или к Аиду, чем смотрела на ваши рожи!

Страсти накалены до предела. Аид с Персефоной буквально прожигают друг друга взглядами, София хоть и молчит, но я уверена, сейчас думает о том, зачем вообще она со мной познакомилась и какая неведомая злобная сила послала ей такую сестричку. Ну а Хелен и без того была не самой приятной девчонкой на свете, а сейчас и вовсе превратилась в мегеру.

Надо переодеться, сменить каблуки на кроссовки, а то бегать неудобно.

– Ребята, – позвала Софи, – а что происходит?

Она с интересом выглядывала в окно.

У меня непроизвольно открылся рот. В академии было пусто не потому, что не было пар, а потому, что Макс – гад. Выцарапаю эту истину в женском туалете.

Когда-то давно у нас был предмет «Безопасность Смертодеятельности». Довольно скучная дисциплина, которую вел кто-то из парней Ареса. Там нам рассказывали о том, как опасно творить беспредел в мире смертных, влюбляться в собственных жертв и пить из лужи. И под самый конец учебного года, когда в голове у всех были каникулы и свобода, мы писали целую лекцию о безопасности в академии.

Так вот, если на Академию смертей нападут, то меньше чем за сутки из исторического здания с лужайками и майонезной столовой она превратится в форпост обороны города.

Правда, тогда мне и в голову не приходило, что горгульи на наших воротах живые и могут стрелять из арбалетов.

– Мог бы хоть предупредить, – пробурчала я.

– Разве Голод будет нападать без Хелен? – спросил Аид. – Я так понял, она ему нужна кровь из носу.

– Возможно, нападает не Голод, а всадники. И речь о том, кто сделает первый шаг. Я думаю, Персефона должна была привести Хелен к Голоду, но мы ей помешали.

Услышав это, Аид так мрачно посмотрел на жену, что я ее даже пожалела. Самое слабое звено в каждом коллективе – обиженные женщины. А ведь она наверняка когда-то Аида любила. Так почему честно не сказала, что задолбалась, а продолжала готовить майонезно-гранатовые салатики и втихаря помогать самому жуткому злодею последнего тысячелетия?

– Надо найти Макса. Оставайтесь здесь, чтобы мы могли вас забрать.

Я щелкнула пальцами, вызывая руну. Глаза открыла уже перед Смертью, мрачным, но совсем не удивленным.

– Ты выиграл двадцатку, Морис, она не продержалась даже сутки, – усмехнулся он.

И уже мне:

– Джульетта, почему ты не способна сидеть на одном месте?

– А почему ты не способен рассказывать мне хотя бы половину своих планов? Особенно учитывая тот факт, что из-за моей неосведомленности мы не раз попадали в неприятности.

– Что ты здесь делаешь?

Я огляделась и слегка покраснела: в актовом зале академии, куда перенесла меня руна, сидела целая толпа народа. Преподы, аспиранты, магистры из других академий. Вся честная компания! Военный совет? Встреча выпускников? Вечеринка?

Что-то подсказывало, что верен первый вариант.

– Персефона пыталась похитить Хелен. Мы ее остановили и привели сюда.

– Вечность, и почему у нас нет пенсии? Я бы с удовольствием ушел досрочно, – пробормотал Макс. – Ладно, господа, я думаю, мы все обсудили. Давайте примемся за работу, не уверен, что у нас много времени.

– Почему ты не сказал, что собираешься укреплять академию? И что все так серьезно? Думаешь, можно спрятать меня в царстве Аида и делать вид, что ничего не происходит?

– Думал – можно. Но ты и оттуда умудрилась сбежать. Причем удивительным образом выбрала момент, когда я не мог твой побег отследить. Кстати, миленькое платьице. Стараешься для подставного жениха?

– Что значит отследить? – Я с подозрением прищурилась. – Я не чувствую никаких следилок...

Тут мой взгляд упал на кольцо.

– Ты на кольцо следящее заклинание навесил? Да? А камеры и электрошока там нет? Ну, для верности?

– Какой верности?

– Моей. Парню улыбнулась? На тебе двести двадцать!

– Не драматизируй. Мы с твоим отцом за тебя волнуемся.

– Вот и женитесь друг на друге.

Показала нахалу язык и мгновенно переключилась на другое:

– Так что? Каков план?

– Ты едешь к бабушке.

– Не так я себе представляла конец света, но определенная ирония в этом есть.

– Берешь свою эту Софию – и к Мельпомене. С Хелен и Персефой я разберусь сам.

– Нет! – Я топнула ногой.

– Джульетта! – рявкнул отец, который, конечно же, незаметно нас все это время подслушивал.

– Я взрослая! Вы не можете меня запереть, я хочу посмотреть!

Они переглянулись.

– Знаешь, мне кажется, если она будет на виду, то принесет значительно меньше разрушений. Я смирился с тем, что придется восстанавливать город после набега Голода, но не готов делать это еще и после дочери.

– Хорошо, – Макс повернулся ко мне, – правила меняются. Из здания – ни ногой. Если что-то начнется, держись подальше от окон. И переоденься, ты меня отвлекаешь.

– Есть, генерал! Буду подавать вам снаряды с майонезом и баррикадировать ворота партами!

– Из здания – ни ногой.

– Ну ладно, тогда забаррикадирую кафедру, всегда мечтала это сделать.

– И почему из всех девушек академии я выбрал именно ее?

– Кончайте упражняться в остроумии. Голод прислал свиток.

Забыты оказались все обещания и наказания, я неслась в кабинет ректора вперед ректора. И все время, что Макс читал свиток, заглядывала ему через плечо, сопя в ухо.

– Он требует выдать ему Хелен в обмен на неприкосновенность города смертей, – подвел папа итог.

Но на самом деле еще и выругался, а я чуть было не полезла за блокнотом, чтобы записать кучу новых слов.

– И что будете делать?

Макс пожал плечами.

– Ничего. Пока у Голода нет Ангела Апокалипсиса, он ничего не сможет сделать бессмертным.

– А смертным? – Я закусила губу.

Папа тяжело вздохнул, и мне вдруг стало до ужаса обидно за соседний мир. Даже один всадник может устроить там глобальный шухер в рамках своей специализации, и Голод точно знал, как подвести все к критической точке.

Бессмертие. Перенаселение. Нехватка еды. Голод. Конец света для смертных.

При желании эту цепочку можно ускорить в тысячи и даже сотни раз. Он готовил апокалипсис сразу для обоих миров, чтобы царить на руинах, но тот факт, что бессмертных не так легко победить, не меняет его планов.

Я немного времени провела в мире смертных, но все равно его любила. Наша жизнь была бы другой без смертных штучек, без смартфонов, контрабандных книжек, денег, шмоток и так далее. Без походов в тот мир, без веселых приключений. Если мир смертных

захлестнет апокалипсис, мы сначала захлебнемся в работе, а после потеряем смысл жизни.

– Мы были к этому готовы, сколько ни отодвигай конец света, он должен случиться. Смертные давно его предсказывали, – разумно заметил отец. – Хотя я надеялся, он произойдет не при моей власти.

– Макс! – воскликнула я. – Ты ведь не можешь так просто сдаться!

– Какие твои варианты?

С тяжелым вздохом я была вынуждена признать, что вариантов нет. Любая масштабная битва на территории смертных привлечет к нам внимание, и это тоже будет своего рода апокалипсис. А на нашу территорию Голода не затащить.

– Я не знаю, что делать, – упавшим голосом произнесла я. – Сдаюсь.

* * *

Не знаю, верила ли Хелен в загробную жизнь и наказания после смерти, но определенно уже раз десять прокляла момент, когда стала бессмертной. В этот вечер она окончательно прекратила притворяться милой:

– Если бы я только знала, что мне придется сутками торчать в твоей компании, я бы вплавь добралась до Аида!

– У бабушки где-то были ласты, – ответила я. – Найдем – поплывешь.

Дом встретил тишиной, темнотой и запахом пирожков, которые Мельпомена заботливо оставила для нас. В душе появилась теплота: пусть бабушка в составе передвижной деревни порой доводит меня до нервного тика, она все равно бабушка. Не напечь дорогой внучке пирожков – выше ее сил.

Ладно, вру, она купила их в пекарне по соседству, но пирожки все равно вкусные.

– И что мы будем делать в этом убожестве?

– Прятаться, – пожалала я плечами. – Голод тебя ищет, здесь Голод тебя не найдет. Бабушка и Офелия уехали, так что слушай правила: свет не включать, не выдавать своего присутствия и сидеть тихо как

мышка. Читать можно в кабинете, там нет окон. Еды полно. Мы здесь на пару дней, не больше.

А вот теперь мне хочется придушить Хелен совсем не потому, что она – бывшая Макса. А потому, что нахалка уселась на диван и сложила ноги на любимый бабушкин столик. Ничего. Это ненадолго, совсем чуть-чуть. Я ведь хорошая девочка, я выполняю указы магистра Смерть. Заем злобу пирожком, а там, глядишь, и рассосется все.

– Так что, вы все-таки вместе? – спросила Хелен, увязавшись за мной в столовую.

– Да.

– И что он в тебе нашел?

На это я вспомнила диалог, состоявшийся перед нашим отбытием к бабушке. Тогда мы с Максом заныкались под лестницей, чтобы попрощаться без лишних (а по факту – отцовских) глаз и ушей, и я задала ровно такой же вопрос:

– Что ты во мне нашел?

Макс пожал плечами.

– С тобой весело.

– И все?

– Пока – все. А если не будешь слушаться, то этим «все» и закончится.

Но я не стала пересказывать этот разговор Хелен, жирно будет.

Пирожки с кофейком, книга при свече, сгущающиеся сумерки, переходящие в ночь. Я бы даже назвала вечер романтичным, если бы не постоянное ожидание чего-то нехорошего. Очень надеюсь, что Голод там икает, его толпа народа поминает недобрым словом.

Сон сморил меня в третьем часу, свеча погасла. В отсутствие источников света в кабинете царила крошечная тьма. За неимением зрения слух и обоняние обострились. Так что от тихого-тихого звука шагов я подскочила так, словно рядом взорвалась банка со сгущенкой. Собственно, мне как раз снилось, что я ее варю.

Сомнений нет: по моему коридору определенно кралась Хелен. Я знаю бабушкин дом как собственную косу. Вот скрипнула третья ступенька, а вот щелкнула пятая – там чуть выступает дощечка. Вот медленно и почти неслышно поворачивается защелка, а вот открывается дверь.

Досчитав до десяти, я рванула следом.

– Куда это ты направилась, – хмыкнула я, выглядывая из-за колонны.

Впрочем, быстро стало ясно, что Хелен спешит к лифту, ведущему в мир смертных. Ладно, Хелен, на что ты рассчитываешь? Неужели можно быть такой идиоткой?

Под залиvistый и немного театральный храп мойр бывшая смертная проскользнула в лифт, и тот со свистом унесся. Клото приоткрыла один глаз.

– Ну как? Убедительно мы храпели?

– Да, – скривилась я, прочищая ухо, – только громко, как будто самолет взлетает.

– Годы тренировок!

– Ну и стерва эта бывшая Смерти, – проскрипела Лахеса.

Едва лифт вернулся, я быстро прошмыгнула внутрь, чтобы не узнать ничего нового о нынешней. И пусть Макс настоятельно просил остаться, теперь его приказы носили характер рекомендаций. А к рекомендациям я и в лучшие годы не прислушивалась.

Пока кралась за Хелен по темному и пустому торговому центру, размышляла, какая у нее могла бы получиться красивая история.

Хрупкая и прекрасная смертная девушка влюбляется в бессмертного парня. Ради нее он готов отречься от вечной жизни и собственной сущности, но она не позволяет любимому жертвовать собой и обрекает себя на вечное одиночество. Однако через многие сотни лет, в очередном воплощении, неожиданно для всех становится бессмертной.

Второй акт, элемент драмы: у ее бывшего новая подружка. Воссоединение влюбленных невозможно, но Хелен счастлива, что ей дали шанс войти в новый мир. Она заводит новых друзей, становится настоящей бессмертной, и Макс бросает свою швабру (то есть меня), чтобы вернуться к первой и единственной настоящей любви.

Зал рукоплещет, бабушка вытирает слезы кружевным платочком. Об этом написали бы книги и сняли кино. А я бы рыдала в комнате, объедаясь мороженым, и снова ругалась с Офелией из-за косметики.

Но вместо того, чтобы так изящно и красиво войти в жизнь Смерти, Хелен выбрала другой путь.

Ей не понравилось то, как принял ее наш мир. Возможно, она ждала всеобщего восхищения, а получила лишь легкое удивление и

слабый интерес к смертной жизни. А может, разозлилась, что Макс не ждал ее вечность. Хотя, если она его бросила, какие могут быть претензии?

Но как бы то ни было, едва Хелен поняла, что у нас со Смертью что-то есть, она назначила меня главным врагом и лишь выжидала нужный момент, копя внутри злобу. Каков был ее план? Улизнуть из бабушкиного дома и связаться с Голодом? Дунуть в его дурацкую трубу, чтобы насолить бывшему и его новой пассии?

Воистину женская месть бессмысленна и беспощадна. Дурочка даже не понимала, что ей тоже придется жить в проклятом мире, который она намеревалась помочь создать.

Макс все понимал. Он догадался о сущности Хелен гораздо раньше меня, но почему-то это знание только радовало. Я вообще чувствовала слишком неприличный подъем сил для такой серьезной ситуации.

На улице Хелен ткнулась сначала к одному телефонному аппарату, потом к другому. Не сомневаюсь, что Персефона рассказала, как найти Голода и компанию. Но наивная Хелен слишком долго шаталась по бессмертным мирам: телефонные автоматы давно стояли отключенные, весь мир перешел сначала на сотовую связь, а потом и на беспроводной вай-фай.

Пока Хелен истерично носилась по площади перед торговым центром, я гуглила все вероятные места их встречи с Голодом.

Персефона, как сказал Макс, была выбрана не случайно. Редкий обитатель подземного мира поднимался наверх. А вот Аидова женушка делала это регулярно. Голоду было принципиально важно заручиться поддержкой кого-то из свиты Аида. А все почему? Потому что Голод хорошо учил географию и знает, что именно под царством Аида находится Тартар – бездна с чудовищами.

– Одни гекатонхейры добавят нам проблем, – заметил отец, когда мы прорабатывали план.

– Гекатон чего?

– Я оставлю тебя еще на один год в академии, если ты скажешь, что никогда о них не слышала. Они стерегут Кроноса и остальных.

– Кроноса давно расчленили. Какой дурак полезет в бездну, чтобы собирать гигантский мясной пазл?

Очевидно, этот идиот – Голод. В моей голове мгновенно родился план просто подождать, пока он пробудит Кроноса и тот его сожрет, но Смерть с папой почему-то не одобрили. Пришлось идти длинным путем – по следам Хелен.

Не прошло и часа, как по пустой парковке разнесся скрип шин. Возле Хелен затормозила спортивная машина, за рулем которой я рассмотрела Нину. Вот ведь везучая коза! Мы обе связались со всадниками, причем я-то с хорошим, а красную машинку получила все равно она. Несправедливость высшего уровня.

Так вот, для пробуждения самых страшных монстров из глубин Тартара Голоду нужны были:

1. Хелен, Ангел Апокалипсиса.
2. Труба – мощный артефакт, который призывает чудовищ.
3. Место, где можно устроить апокалиптическую вечеринку.

Именно для последнего пункта Голод и завербовал Персефону: чтобы попасть как можно ближе к бездне.

Когда машина скрылась из вида, я достала смартфон и набрала папин номер.

– Птичка вылетела из гнезда, прием-прием, Чума, это Катастрофа, повторяю: птичка вылетела из гнезда.

– Джульетта, какая еще птичка?!

– Голубь, я думаю. Это они вечно нормальным людям на головы срут.

– Хватит придуриваться. Возвращайся.

Надо было звонить Макс, у него с чувством юмора получше. А еще погоняло классное: я дала ему позывной «Капец».

Конечно, на глобальный махач меня никто не звал, но благодаря тактической ошибке Смерти и Харона я туда все же попала. Как? Это было несложно: едва я вернулась в академию, застала там мечущуюся по сторонам Лору.

– Я – преемница всадника! Лучшая ученица Смерти! Я десятилетиями готовилась к тому, чтобы сначала занять место ректора, а затем и всадника! А они! Они! Они!

У нее чуть пар из ушей не пошел.

– А они не взяли тебя на главное событие года. Я хоть и не готовилась в преемницы Макса, меня уже в третий раз оставляют не у

дел. И что? Будем, как послушные жены, просто грызть маникюр в академии? Пока они там предотвращают апокалипсис?!

– Что ты предлагаешь?

– Харон опытом делился?

Лора удивленно подняла брови.

– В смысле: грести умеешь?

* * *

О безмятежный Стикс! Поэты воспевали мрачную тоску, что охватывала их при виде реки, но я чувствовала только сырость и приближение неприятностей. Мы с Лорой изо всех сил работали веслами, чтобы успеть к началу заварушки. По карте все было верно, но на местности результаты не впечатляли: ни бережка, ни маяка. И лодка посреди бескрайней темной воды со стелющимся туманом.

– Вынуждена признать, мы заблудились, – вздохнула я.

– Да, теперь мне не светит даже должность повара в студенческой столовке, – тоскливо протянула Лора.

– Прости. Я говорила, что не слишком хорошо ориентируюсь по картам. И почему карту подземного мира не загрузили в интернет?!

– Ладно, – Лора взяла карту и нахмурилась, – мы не можем сидеть здесь вечно. Давай грести к берегу. В любом случае рано или поздно мы приплывем куда-то, а там разберемся.

И мы погребли снова, но обе думали одинаково. Представляли лица и смех Макса с Хароном, когда они узнают, как мы облажались.

Через десять минут я была готова уже на все. Позорьте меня, насмехайтесь надо мной, только не заставляйте больше грести!

– Когда сойдем на берег, попробуем добраться в обход, – сказала я. – Какие-то же ориентиры там будут, это подземное царство, а не...

– Джули! – почему-то шепотом позвала Лора. – Смотри!

Вода вокруг лодки нехорошо забурлила. Сначала несильно, с интервалами, а потом мы вдруг оказались в центре кастрюли с почти готовыми пельмешками. И они всплыли, да еще какие!

Четыре здоровых, со ствол дерева толщиной, щупальца вырвались из воды. Мы дружно завизжали.

– Началось! Не успели!

Неужели Хелен все же дунула в трубу? Я думала, план такого не подразумевал!

Какая мерзость и гадость, бррр! Щупальца с присосками, блестящие от воды, кружили вокруг нас, но лодку пока не трогали. Какое из чудовищ пробудила Хелен? Надеюсь, не Кроноса. Мало ли откуда у него эти щупальца растут, я вот как-то читала одну из привезенных бабушкой книг, и там...

Лора пронзительно заорала, когда щупальце ласково приобняло ее за плечи, а я размахнулась и от души двинула по нему веслом. Потом призвала косу. Сейчас мы этого ихтиандра укоротим.

– Кракен! – вдруг раздалось откуда-то сверху. – Вот ты где! Опять сбежал, зараза!

Из воды показалась мокрая усатая голова, и я с облегчением выдохнула.

– Посейдон! Зараза не кракен, а ты, он нас перепугал до смерти! Что вы оба здесь делаете? Я думала, вам больше по кайфу смертный океан.

– В последние годы он часто сбегает сюда. Стикс чистый, – вздохнул водный бог, – а в океане как пластика наглотается, так потом неделями болеет. А что вы здесь делаете? Джульетта, как папа? Как школа?

– Папа нормально, а школа давно закончена. Я пишу диплом.

– Как быстро растут чужие дети...

– Слушай, Посейдон, мы должны попасть к воротам в Тартар, вы с кракеном нас не подкинете?

– Вечность, Джуличка, зачем тебе в это страшное место?

Еще один пункт в моем списке «Самые мерзкие ласковые производные от моего имени».

– Ты что, вообще не в курсе? – спросила Лора.

Кто проживает на дне океана? Посейдон и кракен – последние ребята в бессмертном мире, не знающие о предательстве Голода. Хочешь проспать апокалипсис? Прячься не в бункере, а под водой.

Кракен нас везти отказался – обиделся. Я потратила драгоценные пять минут времени, чтобы задобрить зверушку. Зато когда он щупальцем взялся за лодку и понесся вперед, мы с Лорой завизжали уже от радости. Рядом мелькал переливчатый рыбий хвост Посейдона.

– Стой!

От резкой остановки мы чуть не вылетели из лодки.

– Давайте подойдем медленно. Вдруг там что-то происходит?

Кракен скрылся в толще воды, Посейдон спрятался за лодкой. Мы с Лорой пригнулись, и водный бог медленно толкнул нас навстречу берегу. Здесь, в непосредственной близости от Тартара, он был скалистый, и лодка без труда укрылась под острым каменным выступом.

– Кажется, мы рано, – шепнула Лора.

Я подумала о том же. Народу было много, но пока что никого из наших. Ближе всего ко мне стояла Хелен, у ее ног валялась несчастная труба. Неподалеку у скалы сидел связанный по рукам и ногам Анастас. Я совсем про него забыла. Бедняга явно здорово струсил.

– Зачем он им?

– Жертва, – шепнула Лора. – Чудовища бездны потребуют крови.

Нет, я, конечно, смерть, но даже я считаю, что на одну сектантскую голову перебор смертельных опасностей. Жаль, Софка сбежала к своему Леонардо. Сейчас бы выполнила разрядку по спасению.

– Чего мы ждем? – услышала я недовольный голос Нины. – Вот смертная, вот труба, пусть уже дунет, наконец!

– Терпение, Нина, терпение. Нельзя просто так вызывать монстров из Тартара. Я должен настроиться.

Труба лежала практически рядом, протяни руку – и схвати. Мне бы не удалось сделать это, если бы все не отвлеклось. Кракен и Посейдон привезли нас как раз вовремя: с яркими вспышками в пещере появились Макс, папа, Харон, четкий всадник, и еще толпа бессмертных, знакомых и не очень. Даже Зевс почтил нас присутствием.

Голод расхотался.

– Я прямо чувствовал, что ты явишься. Персефона так же надежна, как предвыборные обещания смертных. Но она единственная, кого мне удалось уболтать. Почему-то идея пробудить Кроноса показалась ей до ужаса привлекательной.

Наивная Персефона, если Кронос в свое время сожрал своих детей, включая ее мать, то и внучкой закусить не откажется. Хотя Зевсовыми отпрысками он вообще лет десять сможет питаться на завтрак, обед и ужин.

Настал мой шанс! Голод занят оценкой сил противника, Нина, как обычно, считает ворон, Хелен меня не видит, так что самое время действовать. Когда надо, я могу делать это бесшумно: приподнялась и сцапала трубу, за пару секунд снова исчезнув под скалой.

– Муахаха, пусть теперь дует во что хочет.

– Отдай ее кракену, пусть похоронит на дне Леты, – посоветовала Лора.

– Подожди.

Честно говоря, мне давно хотелось это сделать, с тех пор, как мы встретили Анастаса. А раз Ангел Апокалипсиса не я, то... почему бы и нет?

– Я надеялся, ты будешь благоразумнее, Максимилиан. Отойдешь в сторону и позволишь мне сделать то, для чего я создан. Миру давно пора встряхнуться.

Я набрала в грудь побольше воздуха и взяла трубу. Ее мощный гулкий звук пронесся по пещере, отразился от стен, и... началась заваруха. От удара чьей-то магии рядом с нами отвалился кусок скалы.

– А теперь пришла пора хоронить трубу!

Кракен проворно выхватил артефакт у меня из рук и был таков.

– Ах ты стерва! – раздалось наверху.

Лодка чуть не перевернулась, когда в нее прыгнула Нина. Зато она снесла меня, и мы дружно полетели в воду, подняв тучу брызг.

Два новых факта о моей косе: она умеет призываться под водой и еще она там светится.

Я вылетела из Стикса, как пробка из шампанского, Нина опоздала всего на секунду. Возможно, мне показалось, но я отчетливо услышала злобное «Джультетта!», сказанное голосом Макса где-то внизу.

Сверху панорама Битвы у Тартара (на пенсии напишу о ней книгу и назову именно так) выглядела впечатляюще. Я даже зависла, глядя, как трое всадников насаждают на одного. У Голода было неоспоримое преимущество: он не боялся никого задеть. Наши же старались не класть хотя бы своих, а поди в такой неразберихе пойми, кто свой, а кто предатель.

Нина со всей дури врезалась на меня на косе.

– Стерва!

– Неудачница!

Мимо пролетел фаербол, и мы бросились в разные стороны, уворачиваясь от искр. Рукав синтетической кофты Нины загорелся, и, пока она сбивала пламя, я успела увеличить дистанцию.

– Где труба?!

– Труба трубе! Можешь пойти поискать ее на дне океана, не забудь передать привет Спанч Бобу!

Что сказать, такого арсенала магических штук, как у всадников, у нас с Ниной не было. Поэтому мы просто гонялись друг за другом на косах, кидались мелкими заклятьями и выкрикивали оскорбления, которые по мере развития событий становились все более и более нескромными.

Тем временем Голод и остальные пошли в атаку напролом. Внизу бушевало настоящее магическое пламя! Вода окрасилась в цвета огненных смерчей, в воздухе сверкали молнии, то тут, то там с жутким грохотом откалывались куски от скал и падали в воду.

Смешались люди, кони – и это я в прямом смысле. В драке уже участвовали не только всадники, но и четыре призрачных коня. Папа и четкий загоняли в угол Голода, Харон и Лора бок о бок (красивая все-таки парочка, я даже засмотрелась) отражали атаки его поделщиков. Остальные, кажется, просто вошли во вкус. Разве может быть что-то лучше хорошей драки приятной осенней ночью?

Особенно сильная вспышка на несколько мгновений нас ослепила, а когда я проморгалась, то ахнула: внизу стремительно образовывалась воронка, из которой тянулись противные шипастые щупальца. О нет, это были не ласковые лапки кракена, это были настоящие боевые тентакли!

Нина визгливо расхохоталась, когда я не успела увернуться и одна такая тентакля стремительно потянула меня прямо в темное нечто.

Если до сих пор в крови бурлил адреналин, то сейчас стало страшно. От спазма, сдавившего горло, я даже не смогла орать, а парочка пульсаров для твари из бездны были сродни уколам иглой.

– До свидания, Джульетта Мор! Привет Спанч Бобу передашь сама!

Но я была бы не я, если бы сдалась. Меня не испугал сбежавший диплом, ушибленный на голову трубой диплом, визит передвижной деревни в академию и предложение замужества.

Разве какая-то водная тварь способна одолеть смерть с позывным «Катастрофа»?!

Ни на что не променяю любимую косу! Она сопротивлялась ожесточенно и яростно, а я держалась за нее мертвой хваткой, поэтому мое падение в бездну затягивалось. В один момент щупальце дернуло, и я свалилась с косовища, лишь в последнюю минуту уцепившись рукой.

По лодыжке поползло что-то мерзкое, с усиками. Скопив глаза, я поняла, что теперь неведомая тварь из Стикса тянет меня на дно уже двумя конечностями. От брезгливости меня передернуло.

– Да когда же ты сдохнешь! – не выдержала Нина.

Бедный Голод, вся его ближайшая команда состоит из баб. Надо было подгадывать момент битвы на всеобщий ПМС и просто обменять трубу на беруши и валерьянку.

Эта зараза больно ударила меня по рукам, и я чуть не выпустила косу. Сил, чтобы отбиваться еще и от Нины, не осталось. Тварь тащила меня вниз и уже переваривала правый ботинок.

Нина примерилась для нового удара, и я зажмурилась, предчувствуя полет и окончание славной жизни в желудке монстра. Хотя даже не знаю, можно ли убить таким образом бессмертного. Смертельной сталью точно можно, а бывает смертельный желудочный сок?

– Отвали от моей сестры! – услышала я.

Потом был глухой «бум».

– Только я могу ее бить!

И второй «бум».

Картину, как София бьет посохом Нину, сидя на нем же верхом, я запомню на всю жизнь. Перехватив поудобнее косу, я опустила голову.

– Посейдо-о-он!

Сначала ничего не произошло, но из воды вдруг вырвался золотой трезубец и вонзился прямо в щупальца, что держали меня и косу. Та рванула ввысь, и я едва успела выровняться. Если мне не дадут после этого титул чемпионки косононок, уйду в мир смертных работать грумером.

Против нас с Софкой Нине было не выстоять. Она быстро лишилась половины косовища и заверещала дурным голосом, когда щупальце ухватилось за ее руку.

– А ты как думала? – спросила я. – Бездна наших от ненаших не отличает.

– Помогите-е-е! – заверещала Нина.

Но Голод был слишком занят, они со Смертью практически подошли к той части, где магия отставлялась в сторону и начиналась рукопашная.

Мы с кузиной переглянулись.

– Я за то, чтобы скинуть ее вниз, – сразу предупредила та.

– Джульетта! – взмолилась гадина. – Мы же были подругами!

– Это когда ты надела резиновое платье и обжималась в чулане со всадником? Или когда делала мне мелкие пакости? Ой, вспомнила! Это когда ты меня чуть не убила!

– Джульетта-ы-ы-ы!

– Ням-ням, Нина, ням-ням.

Было довольно сложно уворачиваться от тентаклей и торжествовать одновременно.

Только...

– Ладно, – вздохнула я. – Отправлять врагов к Аиду – прерогатива Голода.

Был только один способ спасти Нину.

– Отвлекай щупальца, – велела я Софии.

Облетела предательницу и, извернувшись, расстегнула молнию на ее джинсах.

– Ты что делаешь?!

– Да не бойсь, ты меня не привлекаешь. Вылезай из штанов!

– Что-о-о?!

– Нинка, выбирай, или штаны, или желудок Барсика, я два раза не предлагаю.

Нам с Софией стоило немалых трудов отбуксировать Нину на берег и не попасться тентаклям. У моей заклятой подружки не осталось ни косы, ни сил, ни – я мерзенько захихикала – штанов. Зато носочки веселенькие, с единорогами.

– Пожалуй, это победа.

– Безоговорочная, – добавила Софи.

Низкий гул нарастал постепенно. Сначала он ощущался как слабая вибрация, потом земля под ногами заходила ходуном. Макс и Голод стояли друг напротив друга с мечами, охваченными пламенем.

Каждый удар меча о меч рождал мощный подземный толчок. Над их головами полыхали молнии, и каждый раз я слепла на несколько секунд после вспышки.

Я вскрикнула, когда Макс пропустил удар и оступился. Голод размахнулся, чтобы добить, папа – я видела это все словно в замедленной съемке – рванул другу на помощь. Но я успела первой. Как и тогда, в мире смертных, наотмашь метнула косу.

– В яблочко!

Всадника не убить вонзившейся в спину косой, а вот разозлить – запросто. Голод повернулся, и в его глазах я увидела настоящий пылающий ад. Меня сбило с ног сгустком яростной магии. Последнее, что я запомнила, – как лечу со скалы в воду, прямо туда, откуда тянулись ко мне длинные мерзкие щупальца.

* * *

– Джульетта Мор! – орал на меня диплом. – Вы приговариваетесь к заключению в Академии смертей длиной в ВЕЧНОСТЬ!

Я заорала и... проснулась.

– Фух, она жива.

– А вдруг у нее амнезия?

– Джульетта, – надо мной нависла Софи, – ты помнишь, кто я?

– Заноза в заднице, – хныкнула я. – Сколько мы вчера выпили?

Чьи-то руки усадили меня и прислонили к холодному... камню?

– Ой, – пробормотала я.

– Ой, – передразнил Макс. – Я тебе что сказал? Где сидеть?

– Да ладно тебе, если бы не Джули, Голод бы тебя достал, – указал Харон.

– Я убила Голода?

– Технически его убил Макс, – ответил мне отец. – Но, думаю, твой бросок войдет в анналы истории.

Я потрясла головой, чтобы мысли перестали хаотично вырываться наружу. Сложно вот так вспомнить, что произошло, когда тебя снесло ударной волной прямо в воду. И когда в твоих волосах запуталась мелкая рыбешка.

– Так что, это все?

Оглядела присутствующих, пересчитала всех своих. Папа, немного потрепанный, но живой. Макс без рубашки, с царапиной на идеальном торсе. Лора со ссадиной на скуле. Харон с веслом, и я очень надеюсь, что это просто краска облупилась, а не кровь на нем засохла. Аид, София, четкий всадник, Война, парочка студентов из академии. Поодаль сидел бледный и замученный Анастас, рядом с ним мрачно взирала на присутствующих связанная Хелен. Я не удержалась и показала ей язык.

Макс засмеялся.

– Вот она, наша девочка. Мы уж думали, ты не очнешься.

– Кто меня спас?

– Кракен и частично Макс, – ответил отец. – Кракен заборол зверушку, а Макс вытащил тебя из воды.

– А те щупальца – это?..

Харон подтвердил мои худшие подозрения:

– Кронос тянулся из бездны. Голод бросил почти все силы, чтобы приоткрыть врата в Тартар. В надежде, что зов Хелен довершит начатое.

– Никогда в жизни больше не закажу одноименный соус.

– Где труба? – спросил Макс.

– Кракен спер. Вазу из нее сделает.

– Хорошо. Давайте-ка уйдем отсюда и все насущные вопросы будем решать в академии. Зря, что ли, мы ее укрепляли?

На папу и Харона возложили ответственную миссию: доставить в академию пленников. Всех предателей еще будут судить, Аид уже потирает в нетерпении ручки. За попытку использовать его царство в организации конца света он живьем шкуру спустит со всех причастных. Жалко его, предательство Персефоны оказалось болезненным.

Я специально дождалась, когда всех уведут, чтобы насладиться моментом своего триумфа. Нехорошо, наверное, испытывать удовольствие, видя, как мокрая и грязная Нина в трусах неловко пытается натянуть выданный отцом балахон. Но я радовалась, что эта коза получит по заслугам. Как и Хелен, которую женская ревность толкнула на предательство обоих миров.

Одно у Голода не отнять: он умело использовал все пороки, мечты и обиды, чтобы добиться своего. Умело направил тщеславие Алибека,

по полной программе выжал зависть из Нины, сыграл на чувствах Персефоны. И у него бы все получилось, если бы Макс не рискнул и не принял мою идею с побегом Хелен. И если бы Аид не заставил Персефону слить нам подробности их соглашения.

Наверное, скоро все придет в норму.

Второй раз я возвращалась в академию компрометирующим способом, только на этот раз даже идиот бы понял, что на руках у Смерти я еду неспроста. И плевать, зато меня не пережевал гигантский осьминог... то есть Кронос.

Жуткая в бездне, должно быть, радиация: я-то представляла владыку титанов человеком.

В кабинете Макса я отрубилась на диванчике, пока он решал организационные вопросы. Проснулась только от негромких голосов и, открыв глаза, возмутилась:

– Могли бы разбудить, прежде чем секретничать!

– Прости, – улыбнулась Лора, – ты так сладко сопела, что рука не поднялась тебя будить.

Для такого количества народу кабинет был ужасно мал. Папа и четкий расположились на полу, там же невозмутимо парила вейп-бабушка. Офелия сидела в кресле Макса, чрезвычайно довольная этим фактом, на боковушку присела Лора. Из ближайшей аудитории притащили стулья для остальных, а у меня в ногах расположилась мама.

– А чего не позвали троюродного племянника старшего брата двоюродной тети? Ему наверняка тоже интересно, – пробурчала я. – Чего вы не расходитесь по домам?

– С утра много дел, – сказала Лора. – Мы решили обсудить все здесь. И не тревожить тебя. Хочешь сосисок? Они честно не из столовой, это твоя бабушка принесла.

– И джина ей! – хриплым голосом добавила бабушка.

– Мельпомена, ты не могла бы не курить? – попросил Макс.

– Это пар! На девяносто пять процентов безопаснее дыма, законом не запрещен, парю где хочу!

– Вот сейчас будешь парить за дверью, ясно?

Я села и потянулась. Из последствий полета только головная боль – слабая, будто перебрала накануне с игристым, напряжение в шейном

отделе (я заслужила массаж?), ну и больное горло. Хочется верить, что водичка в Стиксе чистая и меня не будет полоскать всю неделю.

Макс тут же сел рядом и по-хозяйски закинул руку на спинку дивана. Ну и пусть, с ним мы поболтаем отдельно.

– Раз все в сборе, подведу итог и поздравлю вас с тем, что мы в очередной раз предотвратили апокалипсис.

Я буду не я, если не влезу:

– Предлагаю вас переименовать во всадников антиапокалипсиса. С таким рвением сачковать от работы даже студенты не умеют.

– Голод мертв, место всадника вакантно, и я предлагаю тебе, Феликс, занять его. Ты достойно показал себя.

Ага, четкого парня зовут Феликс. И он теперь – Голод. Нет, пожалуй, так я его называть не стану, а то травмирующие воспоминания никогда не угаснут.

– Что касается тебя, Лора, то условия нашей сделки ты выполнила. Поэтому решай сама, если хочешь стать всадником – я обучу тебя всему, что знаю. Если хочешь взять в руки управление академией, то...

– Вообще-то, – прервала его Лора, – я хочу в декрет. Можно с завтрашнего дня.

– Ты беременна?! – ахнула я. – И не сказала!

– Тогда ты не помогла бы мне попасть к остальным, – виновато развела руками девушка.

– Я вас всех ненавижу. Что вы сделаете с Хелен?

– Сначала поговорим, – ответил Макс. – Потом решим, отдавать ли под суд. С одной стороны, она предала всех, с другой – она не так давно в нашем мире. Посмотрим.

– Анастас?

Присутствующие как-то странно переглянулись.

– Его время давно пришло, Джули. Но Анастас славный малый, София проводила его на перерождение. Надеюсь, в новой жизни он не попадет в секту.

– Выиграла-таки, – несколько недовольно вздохнула я. – И что теперь с моим дипломом?

– Я дам тебе новую тему. Она не будет восставать из мертвых, воспевать апокалипсис и вообще проявлять признаки жизни.

– Ты отправишь меня определять остатки жизненного следа в чучелах?

– Нет, я придумаю, как связать твою практику с дипломом. Студенты хоть и раздражают, зато не бегают по всему свету.

– А Персефона?

– Аид с ней сам разберется. Не думаю, что она сделала это со зла. Отчаявшаяся женщина способна на многое. Но мы будем за ней следить.

Вопросов была уйма, и несколько секунд я молчала, решая, какой вытащить на свет первым.

– А как будем решать проблему бессмертия? Пусть Голода и нет, но оно никуда не делось, «Aeternum» продолжает работать.

Ответил папа:

– У людей есть чудная фраза: фарш невозможно повернуть назад. Отобрать бессмертие теоретически можно. Но я не вижу в этом смысла, достаточно взять его под контроль. Я займусь компанией и мягко направлю ее в нужную сторону. Ничего плохого в том, что люди перестанут болеть и будут жить вечно, нет, но пусть тогда начинают осваивать новые места, дабы не захламлять планету.

И тут мою фантазию понесло. Живо вспомнился сон про меня и Макса в космосе, а дальше дело техники. Марсианская смерть, лунная смерть, смерти межзвездных станций. Придется посылать смертей в командировки длиной пару веков, если человечество начнет летать в другие системы. Определенно, я хочу быть в первых рядах тех, кто это увидит.

– У кого-нибудь еще есть вопросы? – спросил Макс. – Если нет, то мне с Джульеттой нужно поговорить, а еще я предлагаю отвести всех детей по домам. Хватит с них приключений.

– У меня есть вопрос, – подняла руку мама.

Взгляды присутствующих устремились к ней.

– Свадьба будет?

Этот вопрос интересовал не только маму, но мы смылись раньше, чем все успели ее поддержать. Я на ходу жевала стаченную сосиску. Когда прошла сонливость, проснулся жуткий голод.

– Давай найдем пустую аудиторию. – Макс потянул меня за руку.

За первой же дверью обнаружилось, что не мы одни такие умные: прямо на кафедре сидели Аид с Персефой.

– Он что, пытается ее сожрать?

– По-моему, это поцелуй.

– По-моему, когда Аид убеждал всех, что накажет Персефону, он имел в виду немного не то, чего от него ждали.

– Ладно, давай в следующую.

Но и за другой дверью мы нашли еще одну сладкую парочку.

– Вам что, своей академии мало? – прикрикнула я на Софи и Леонардо. – Устроили из приличной академии бордель.

Перед третьей дверью мы застыли в нерешительности.

– Я не готова к тому, что могу там увидеть. Пойдем домой?

– Утром мне нужно быть в академии. Объяснять всем, что тут происходило в последние дни.

– До начала занятий еще часов пять, плюс на первую пару традиционно половина академии не ходит. Собирать пресс-конференцию нет смысла раньше обеда. А поспать в теплой постельке так заманчиво, так приятно!

Постелька – железный аргумент во все времена.

А я начинаю любить дом Макса. И комнату свою, и кота, и даже слегка заросший сад, по которому я ползала все лето и осень.

– Есть еще один вопрос, который я хочу обсудить, – сказал Макс, когда мы оказались уже там.

И как-то странно на меня посмотрел. Ему не был свойственен такой взгляд, приправленный ноткой неуверенности.

– Этот вопрос как-то пересекается с маминим?

Подумав, он улегся, положив голову на соседнюю подушку, и зевнул.

– Ага. В лесу ты сказала, что согласна выйти за меня. Но я списал это на помутнение рассудка от страха. Поэтому спрошу еще раз: Джульетта Мор, ты замуж пойдешь или нет?

Я рассмеялась так громко, что кот с возмущенным «мя-а-ау» шарахнулся прочь.

– Ты даже о замужестве спрашиваешь меня, как ректор академии!

– Ты уже не студентка.

– Формально студентка.

– Я зачту тебе все экзамены. Ты сегодня отработала за весь выпускной курс.

– Ладно.

– Что? – Макс даже моргнул.

– Ладно. Свадьба так свадьба.

– Так просто?

– А ты думал, уговорить меня выйти замуж будет сложнее, чем победить злобный морской коктейль? Я не против замужества. Я против ограничения свободы. Против спектаклей, когда ты притворяешься другим человеком. Против отношений «папочка-дочка», когда меня оставляют дома, а сами идут спасать мир. Против скрытых мотивов, наконец! Чтобы не получилось как тогда, летом.

– Да я шел на такие жертвы, чтобы побыть с тобой!

– Ага, напился и позволил своему бывшему студенту тебя облапать. Вячеслав до сих пор заикается, когда я об этом вспоминаю!

– Мы сейчас говорим о том парне, который перед Новым годом нацепил красный балахон, обмотал косу мишурой и дождиком, чтобы калымить как Дед Мороз?

– Окей, Вячеслав – неудачный пример. Но в следующий раз, когда тебе захочется со мной побыть, не притворяйся алкашом. Притворись, например, вампиром.

– Почему именно вампиром?

– Они сексуальные. Загадочные, бледные. Или наоборот! Они страстные и волосатые, можно сэкономить на поясе из собачьей шерсти.

– То есть я, Макс, в обычном своем состоянии тебя не привлекаю?

– Не уверена...

Пришлось ему меня поцеловать.

– Все еще не очень.

И еще разок.

– В принципе брови у тебя ничего.

– Джули, у меня времени до обеда, я не успею стать красивым такими темпами.

– Тогда будь каким обычно, – хмыкнула я и сама потянулась целоваться.

– Я тебе это припомню.

Потом мы целовались и, возможно, немного больше. Но об этом не расскажут в книге приключений Джульетты Мор, потому что истории, как она не облажалась, не поставила мир на границу

катастрофы и не вляпалась в очередную историю, никому не интересны.

А вот истории о том, как после победы над злодеем герои живут дальше, продаются намного лучше.

* * *

Я сидела в гостиной и в сотый раз зубрила конспект. Кот сидел на спинке дивана и облизывал лапу. Макс ходил по дому, записывал тезисы для конференции и совсем немного издевался над собственной невестой.

– Хочешь, я введу режим чрезвычайной ситуации? И мы перекроем все подходы к академии. А на Харона повесим мигалку.

– Хочешь, я завалю диплом в третий раз и все студенты будут смеяться, что ты женишься на неудачнице?

– Ты не завалишь диплом. Ничего сложного в открытой лекции на глазах у комиссии нет.

Мамочки, теперь меня тошнит от ужаса.

Да я не понимала собственного счастья! Бегать за восставшим покойником? Легко! Разыскивать ополоумевшего сектанта с трубой? Да как нефиг делать!

Но почему им пришло в голову заставить меня вести последнюю пару перед всем курсом? Да лучше бы я вечно была студенткой!

Так, стоп, перебор. Я не настолько волнуюсь.

– Все будет нормально. Три важных дела, потом две недели подготовки к свадьбе – и мы летим в Эркатор. Лично меня уже захлестывает ностальгия. Помнишь тот отель, где мы ждали Джереми?

– Помнишь ту тишину, когда я завалила диплом? Дай мне, пожалуйста, пару часов тишины! Я должна готовиться!

Три важных дела, да. С утра слушание Хелен. Ее судьба решилась просто: она отработывает наказание за предательство, семь месяцев общественных работ, а потом суд рассмотрит ее дальнейшую судьбу. Исключат ее из академии или нет, мы уже вряд ли встретимся в одной аудитории.

Потом у меня непосредственно защита диплома: открытая лекция для студентов первого курса. Я дрессировала их почти три месяца! И

если хоть одно дерево сорвет мне пару, то остаток своей бессмертной жизни оно будет умерщвлять колорадских жуков, прогуливаясь по полям-огородам с жестяной банкой из-под тушенки.

Грозно получилось? Это я им сказала. А Макс выдал мне целую лекцию на тему «Угрозы как самый малоэффективный метод мотивации». И пошел спать на диван, потому что мне снова приспичило повторить план лекции, а спать под мой бубнеж практически невозможно.

Ну и вишенкой на торте будет зачет. Раз уж именно я вела теорию смерти весь год, то мне и принимать зачет. Отстреляюсь с открытой лекцией, а потом застрелюсь от осознания бесполезности вливания знаний в чугунные головы.

Вечером напьюсь.

Тихий семейный вечер.

Давно мне пришла в голову мысль, что с рождением детей у разумных существ меняется мозг. А именно: в нем появляется участок под кодовым названием «кнопка “Непорядок”».

Например: ты сделала уроки, погуляла с собакой, убралась в доме и только прилегла на кровать, как у мамы в голове загорается эта кнопка. И тут же дом наполняется истошным криком, призывающим тебя на срочное спасение матери, утопающей в домашних делах. На деле ты сортируешь по датам старые газеты, чистишь тапочки для гостей или любым другим способом тратишь время, которое могла бы проспать.

Вот и сейчас все было тихо и мирно. Я готовилась к диплому, Лора – к декрету, София одновременно вынашивала ребенка и планы по завоеванию аспирантуры. Что могло пойти не так?

В моей семье – все.

Стук в дверь в половине одиннадцатого ночи может вызвать только недоумение, но когда я шла открывать, то еще надеялась, что это будет Феликс или Война. На худой конец отец не выдержит волнения перед защитой любимой дочурки и решит скрасить вечерок в обществе старого друга, но нет.

На пороге в обнимку с вещами оказалась Офелия.

– Ты что здесь забыла, сопля?

– Мама с папой еще не помирились, а бабушка уезжает в турне по миру смертных со своей трупой. Мне сказали, что я поживу у вас.

– Ребенок? Нет, мы, конечно, живем вместе с Максом и даже планируем пожениться, поэтому появление отпрыска в доме вполне ожидаемо. Но со временем! И почему я пропустила первые пятнадцать лет его жизни? Аисты совсем обленились и стали рассылать детей почтой?

– На то и расчет, – хмыкнула Фели, по-хозяйски располагаясь в гостиной, – в отличие от младенца, я везде залезу и меня звуками погремушки не отвлечешь. Буду блюсти нравственность в этом гнезде разврата. Хотя если ты взяла с собой ту пижаму с божьими коровками, то работы мне не найдется. Дядя Смерть!

Отпихнув меня, сестрица побежала обниматься с Максом. С каждым годом делать это непосредственно все труднее и труднее, но Офелия Мор не из тех, кто быстро сдается.

Мало мне было Хелен. Та хоть не шастала по дому, а генерировала неприятности на расстоянии. Офелия – это не неприятность. Это целая матрешка неприятностей! Из одного подростка вырисовываются следующие проблемы: разместить, накормить, развлечь и проследить, чтобы дите не отправилось развлекаться самостоятельно.

А не то лялька получится не у той сестры.

Поздний ужин прошел в угнетающей атмосфере. Офелия дулась, что я не разрешила ей ходить по дому в уличной обуви и заставила переодеться, а Макс...

– Джульетта! Ты подавишься, если не перестанешь хихикать.

Причем это прозвучало не заботливо, а скорее угрожающе. Я поспешила запить кусок мяса вином.

Очевидно, подростковый кризис у Фельки еще не прошел, потому что она так и не изменила своим пристрастиям к яркой косметике. Темно-синяя помада, возможно, и смотрелась несколько экзотично, но тут я сестру понимала, иногда тоже накатывало желание сотворить с внешностью что-нибудь эдакое.

Проблема заключалась только в одном: этими же синими губами Фели как следует расцеловала Макса в щеку. И теперь на нем красовался синяк в форме губ.

– Да как стереть эту дрянь?! – Макс с усилием тер отпечаток влажной салфеткой, но добился лишь того, что синяк превратился в некое подобие кровоподтека.

– Теперь комиссия решит, что я тебя бью.

– Офелия! – рыкнул он. – Ты ведь эту помаду на ночь чем-то отмываешь? Тащи сюда!

Мелкая вернулась спустя пять минут с донельзя виноватым видом:

– Я молочко дома забыла.

– Джульетта?

– Можешь взять в ванной, но я почти не крашусь, и мой лосьон тебя не спасет.

– Отлично, теперь еще идти в мир смертных!

Я ему сочувствовала, конечно, но совсем немного. Пожалуй, это месть за шуточки над моим дипломом и над волнением, которое я испытывала перед его защитой. Все справедливее некуда.

Когда я закончила с посудой и в отсутствие Макса решила еще раз отрепетировать речь, нашла Офелию в гостиной. Перед ней лежал смартфон с мультяшной принцессой на заставке, а сестра уныло тыкала в личико принцессы, пририсовывая ей в программе усы.

– Кажется, я поняла, почему принцессы в сказках всегда или спят, или похищены, или заперты в башне.

– Чтобы впихнуть побольше стишков о несчастной доле и счастливых мечтах?

– Не, вот смотри. Растет принцесса во дворце и каждый день наблюдает, как в отцовскую спальню стоит очередь фавориток, а мама это терпит. А если начала возмущаться, поехала в монастырь. Плюс папочкины бастарды на твоё кровное претендуют. Вот выдай такую замуж. Даже клиническая тупица поймет, что брак – это путь в никуда. А когда принцесса общается только с белочками и птичками, то любой принц чуть умнее бурундука – счастье.

– Это к чему лекция?

Фели посмотрела на меня как на дуру.

– К тому, что мы с тобой обречены.

– Слушай, – вздохнула я, думая, что кризис Офелии вот именно сейчас совсем не в кассу, – мама с папой помирятся.

Сестра внезапно скуксилась и отвернулась.

– Папа ходил на свидание с рыжей мымрой, а она ведь тебе ровесница! А меня сплавил к бабушке, видимо, чтобы не мешалась. Ну а та к тебе.

Папа с Сандрой? Ладно, я уже взрослая, почти самостоятельная и даже почти замужняя смерть. А папа – взрослый и самостоятельный мужчина. Без «почти». И он хочет отношения, семью. Я не буду мазать ему пиджак соплями под причитание «пусть мама вернется». Наши отношения немного потеплели после той выходки, но в составе передвижной деревни она все еще невыносима. Конечно, Фели – мамина дочка, к тому же ее не пытались убить по маминой вине, что тоже добавляет плюсов. Я украдкой взглянула на ладонь. Шрам от косы был почти незаметен, но я знала, что он есть. И знала, что частично по маминой вине.

А теперь минутка Джульетты-разумной окончена и на сцену выходит обычная Джульетта.

Почему Сандра?! Почему из всех девушек обоих миров папа выбрал рыжую стерву, которая в прошлом году подставила меня на косогонках?!

– Идем спать, – вздохнула я. – Завтра длинный день. Я поговорю с папой.

Милое и уютное завершение семейного вечера.

Макс пришел через час, залез в постель и решил, что это самая удачная ночь, чтобы ко мне поприставать.

– Макс! – Я включила свет. – У меня завтра защита диплома, меня трясет.

– Вот я и подумал, что тебе не помешает отвлечься.

– Ты пахнешь как бабушка. Она использует это же молочко для снятия макияжа... тшш! Слышишь?

– Что? – шепотом спросил он. – Нет.

Я осторожно погасила свет, подползла к окну и выглянула. Потом распахнула створки, чтобы проорать:

– Эй, Фели, шпион из тебя хреновый. Мы тебя засекли. Учись ползать по-пластунски, вставишь в задницу ветку – и будет шанс спрятаться в саду.

Раздосадованная Офелия опустилась на ступеньки.

– Немедленно в дом!

Укладываясь снова в постель, попросила Макса:

– Запри, пожалуйста, все двери. Если мы потеряем ребенка, нас не зарегистрируют на свадьбе.

Утром цирк продолжился. Я встала пораньше, но пока собиралась, проверяла все заметки и папки, репетировала в сотый раз речь и укладывала волосы, не успела сделать приличный завтрак, поэтому Фели с Максом получили по тарелке овсянки. Ничего, если с дипломом выгорит, меня обещали отвести поужинать в «Перун», а если я его снова завалю, то напьюсь в каком-нибудь ночном клубе и буду тренироваться танцевать в бикини вокруг косы.

– Я не буду это есть, – скривилась сестра. – Такое ощущение, что это уже употребляли.

– Если это ели, значит, и ты не отравишься. Но можешь не есть, я не мама, кормить с ложечки не стану.

Она так премерзко ковырялась в тарелке, что я была в шаге от того, чтобы накормить сестру с тарелочки, ровным слоем размазав еду по ее лицу. Авось и в рот что-нибудь попадет. Тут в дверях появился Макс, мигом подняв градус накала.

– А что у нас на завтрак?

– Дрянь!

– Офелия! – привычным преподавательским голосом рыкнул Смерть. – Вон из-за стола! Чтобы до ужина тебя на кухне не было!

Ей только того и надо было. Не сомневаюсь, что от бабушки Фелька притащила годовой запас шоколадок и прочей гадости. Музам часто дарят кофе, конфеты и ликеры. Вот будет номер, если мы вернемся с защиты, а Фелька надралась «Бейлизом».

– Такое ощущение, что это или тест на прочность, или месть от Мельпомены. Я прямо почувствовал, что мы женаты двадцать лет и у нас дочь-подросток.

Да! Прекрасно! Для полного сходства с моей семейкой мне осталось только интрижку на стороне закрутить. Да и папочка хорош. Кризис среднего возраста у бессмертного всадника, бугагашеньки. Смертный психолог за такого клиента душу бы продал.

– Что это с ней? – спросил Макс. – Даже не стрельнула в меня глазками. Можно перестать подпирать дверь стулом, когда принимаю душ?

– Психует. Папа назначил Сандре свидание.

– Тебя это не волнует?

– Я, к счастью, живу отдельно. Естественно, Фели нервничает, ей с рыжей стервой еще пару лет точно жить. Ты можешь поговорить с

отцом и намекнуть ему, что я, конечно, все понимаю, но ровесница дочери – это перебор?

– Попробую. Хотя и думаю, что это совершенно не мое дело.

– Тогда я каждый раз при встрече буду кидаться Сандре на шею с воплем «Мамочка!».

– Думаешь, у бессмертных бывают инфаркты?

У меня точно будет, если я еще хоть раз просмотрю план лекции.

– Готова к трем шагам до свободы? – спросил Макс, когда мы выходили из дома.

Готова ли я? Давайте посмотрим.

Мысль, которая мучила меня на процессе против Хелен: почему я здесь?

Для Макса это важно, Хелен – часть его жизни, но мое присутствие явно привносило в общую атмосферу некоторую напряженность. Это даже Фемида чувствовала, что уж говорить об остальных. И Хелен то и дело оборачивалась, чтобы в очередной раз попытаться прожечь во мне дырку взглядом.

– Хелен Рид, вы обвиняетесь в измене и предательстве во время битвы у Тартара и в нарушении конвенции «О равновесии между смертным и бессмертным миром». Вам есть что сказать по этому поводу?

– Да, ваша честь. – Хелен поднялась. – Я хочу сказать, что честно и добросовестно отработала назначенное мне наказание. Однако...

Театральная пауза...

– Я не жалею о своем решении. Возможно, оно было неправильное или даже жестокое, но в тот момент я не могла поступить иначе. Находясь под серьезным психологическим давлением, я использовала единственно возможный выход.

Макс предупреждающе и успокаивающе сжал мою руку, чтобы я не бросилась на эту гадину и не укусила ее за какое-нибудь очень чувствительное место.

– В связи с этим я хочу ходатайствовать об избавлении меня от бессмертия.

Воцарилась тишина. Большинство присутствующих на процессе открыли рты.

– Верните меня к смертным. Мне не нужен ваш мир, он не для меня.

– Но это невозможно, – мягко покачала головой Фемида. – Мир смертных для вашей души закрыт.

– Тогда к Аиду. Если мне дорога только в его царство, я согласна. Я не хочу быть бессмертной.

Она оглянулась и с тоской посмотрела на Макса.

– И не буду. Чего бы мне это ни стоило.

Смерть вдруг поднялся, и у меня упало сердце. Я не хотела, чтобы он уговаривал ее остаться. Не хотела, чтобы решал проблемы Хелен. Я все еще чувствовала себя неуверенно, хоть и гнала противные мысли прочь.

Но Макс, к моему удивлению, не вмешался в процесс. Протянул мне руку, и мы вместе вышли из зала.

– Как это понимать? – спросила я.

– У тебя скоро лекция. Надо развесить плакаты.

– Но Хелен...

Мы остановились в коридоре Дома Правосудия.

– Я просто хотел убедиться, что решение по ней будет справедливым.

– Теперь ее отправят к Аиду. Тебе ее не жалко?

– Она сама так решила. К тому же, – меня обняли, – Аид умеет развлекаться. А теперь идем и получим наконец твой диплом, потому что лично я не намерен жениться на необразованной девушке.

– Вот как! – Я расхохоталась. – А если он снова куда-нибудь сбежит?

– Милая, ну куда может сбежать целый класс первокурсников на зачетной неделе?

Я выгравировала эти слова в камне, потому что через час, сидя перед пустой аудиторией, Макс выглядел обескураженным.

– Я не понимаю...

– А я понимаю. В расписании сессии нет моей пары. Ее не поставили. Ни время. Ни аудиторию. Даже намек на эту пару нет.

– Джульетта, я не знаю, что сказать.

Смерть сокрушенно покачал головой, не то проклиная всех, кто был причастен к косяку с расписанием, не то жалея, что связался с такой катастрофой, как я.

– Ладно, у нас же есть Гермес. Мы всех вызовем в течение получаса. А небольшую задержку комиссии компенсируем кофе-

брейком.

Ладно папа, ладно Танатос и другие преподаватели из академии. Они уже имели счастье наблюдать за цирком под названием «Защита Джульетты Мор», но после битвы у Тартара (вот ведь приклеилось название) на меня приехали посмотреть даже из отдаленных мест.

Пока ждали студентов, какой-то темнокожий парень с косой, обмотанной соломой, все никак не мог от меня отвязаться:

– Мое имя в переводе означает самую большую птицу.

Вот почему мужики, когда хотят пофлиртовать с девчонкой, непременно намекают на что-нибудь большое?

– Страуса? – елеиным голосом поинтересовался невесть откуда взявшийся Макс. – Лети давай, птиц. Там вон бутерброды дают.

– Страусы не летают, – выиграли во мне школьные познания в биологии.

– Это смотря как сильно пнуть.

Наконец все худо-бедно собрались и расселись. Мой диплом спасло то, что после обеда у этих же групп был назначен зачет, так что никто не умотал в смертный мир с родителями или к бабушке в деревню. Сонные и недовольные, студенты одним глазом пытались смотреть на меня, а вторым косили в поисках источника аппетитных запахов кофе и булочек.

Ну, поехали!

Сегодня все мои воспитатели, няньки, учителя и преподаватели опустошат свои записки и поднимут бокалы с одной-единственной фразой «Мы отмщены». За все годы моего непослушания и срыва уроков.

Я твердо уверилась с первых же минут выступления, что лучше бы еще раз завалила диплом, чем вела открытую лекцию. Там хоть я позорилась только при комиссии, а тут еще бессмертных сто помимо декана и компании.

– Здравствуйте, уважаемая комиссия. Здравствуйте, адепты. – Секретарь поднялась, чтобы зачитать вводную информацию. – Сегодня мы присутствуем на открытой лекции адепки Академии смертей Джульетты Мор. Специальным указом ректора Академии смертей, магистра Максимилиана Смерть, лекция приравнена к защите диплома о высшем смертельном образовании и защите педагогической практики. За время преподавательской практики Джульетта Мор

проявила себя как ценный специалист. Проявила оригинальность и профессионализм в вопросах подачи материала, завоевала авторитет адептов и коллег. Средний балл четыре целых и одна десятая. Прошу.

Откашлявшись, я начала, попутно ловя острое чувство дежавю.

– Сегодняшнюю лекцию я хочу посвятить образу смерти в средние века смертного мира, поскольку отголоски легенд именно этого времени влияют на образ смерти в современной культуре смертных.

В зале стояла абсолютная тишина. Только недолго, пока какой-то приколист не наколдовал стрекот сверчка. Спокойно, Джульетта, просто представь, что рассказываешь лекцию как накануне – перед Цербером.

И не думай о том, что Цербер с храпом отрубился на втором абзаце. Все три головы.

Я рассказала о сохранившихся рукописях и рисунках – комиссия важно покивала, кратко пересказала пару легенд – удовлетворительно поджала губы, а вот когда перешла к внешнему виду, некоторых членов переклинило.

– Смерть изображали в балахоне...

Меня прервал дребезжащий старушечий голос:

– А как застегивался балахон?

Я зависла. На липучках он был! Как у стриптизеров.

– Данный вопрос не освещался в работе.

– А нужно было осветить. Это ведь такой важный этап эволюции униформы! Я жила в то время, и пуговицы были костяные.

Да она настолько древняя, что видела даже, как мамонты гадили!

– Благодарю, – мило улыбнулась я ровеснице пирамид.

Затем продолжила:

– Эпидемии, плохое питание, постоянные войны и, разумеется, смерть. Не важно, король ты или нищий. Никто не застрахован от укуса чумной блохи или смерти при кровопускании.

– То есть нищий мог позволить себе лекаря? – снова влезла бабулька.

– Я утрирую.

– А по-моему, вы способствуете неверному представлению студентов о нашей работе в этом времени.

Я ей сейчас покажу работу смерти в ЭТОМ времени. Так сказать, личным примером.

– Самое главное, что мы все уловили суть. Смерть в то время была не просто частью естественного хода событий. Она стояла у каждого за спиной, и...

– Милочка, вы даже не осведомились о данных о численности смертей в указанное время! Для того, чтобы приставить к каждому жителю по личной смерти, понадобилось бы...

Я не удержалась и украдкой закатила глаза. Активная бабуля, наверное, в свободное время пишет кляузы на всех подряд, судится с соседями и подрабатывает наблюдателем на выборах. Только что ж у нее за личные счета к метафорам и гиперболам-то.

– Понимаете, теория смерти на первом курсе – вводный предмет. Моя задача – объяснить студентам, что за профессия их ждет в ближайшем будущем. Рассказать, как появились смерти. Как все у нас устроено. Как мы живем и работаем, какие существуют правила, а какие послабления, что делать в спорных случаях, к кому обратиться за советом. Только в рамках этого предмета можно узнать, что делать, если смертный вас видит, как угнаться за беспокойной душой, почему нельзя гонять на косах в мире смертных и кто из богов зачарует сталь от коррозии. Студенты приходят на эту лекцию не для того, чтобы решить парочку задач или набрать максимум баллов за тест. Я не проверяю конспекты и не задаю рефераты. Они приходят сюда, чтобы узнать, что их ждет. Чтобы влюбиться в профессию.

Я откашлялась и продолжила:

– Поэтому я не считаю нужным рассказывать о костяных застежках на балахонах и численности смертей в те или иные годы. Я рассказываю легенды, истории, лайфхаки и правила. И дальше расскажу вам о представлениях людей о жизни после смерти и соответствии этих представлений реальности.

До конца пары меня никто не прервал, а традиционный опрос по прослушанному мои студенты прошли весьма и весьма неплохо. Выйдя из аудитории, я первым делом скинула жутко неудобные туфли, в которых отстояла всю пару.

Мне бы очень хотелось, чтобы Макс или папа вышли меня поддержать, но сейчас вся комиссия голосовала за мою оценку. Сердце стучало так сильно, что я минуты две не могла толком проглотить воды.

Висеть над пастью кровожадной морской твари проще, чем защищать диплом!

Наконец дали сигнал возвращаться для выставления оценок. На негнувшихся ногах я вернулась к кафедре. Хорошо хоть, студенты усвистали в столовую, готовиться к зачету.

Весь садизм в том, что объявлять мою оценку должен был именно Макс. Умом я понимала, что на этот раз мой диплом не сбежал (только чуть-чуть опоздал), не спер смертоносный артефакт и не испортил мне защиту, поэтому «неуда» ждать не стоит. Но в вопросах нервов разум давно показал свою несостоятельность. Я тряслась от ужаса.

– Что ж, комиссия провела совещание. Из одиннадцати членов комиссии восемь высказались за оценку «отлично», два – за оценку «хорошо», и один – за оценку «неудовлетворительно».

При этом он так покосился на бабульку, что мне сразу все стало понятно.

– Таким образом, средний балл адепки Мор составляет четыре целых и пятьдесят четыре сотых. Постановляю внести в протокол оценку «отлично» и присвоить адептке Джульетте Мор статус выпускницы Академии смертей. Заседание выпускной квалификационной комиссии объявляю закрытым. Всем спасибо.

Скажу коротко: ДА-А-А-А-А!

* * *

– А нас не заругают за то, что мы сидим под лестницей и целуемся? – спросила я.

– Кто? Ректор? Заведующий кафедрой? А может быть... физрук? – фыркнул Макс. – Я же должен отметить, что ты больше не моя студентка. Теперь можно ходить по академии за ручку, целоваться в коридорах и кормить друг друга с одной вилки в столовой.

Я скептически приподняла бровь.

– Ладно, нельзя, я все еще ректор. Но здесь никого, а я за время твоей подготовки успел соскучиться. Ты меня почти не замечала!

Зато сейчас я замечаю все. И как пальцы аккуратно гладят за ушком, и как тепло прижиматься к боку Макса, и как от него пахнет духами, что я подарила. Так бы и лизнула, правда.

– Могу я задать тебе вопрос?

– Я же уже согласилась за тебя выйти.

– Другой вопрос.

– Валяй.

– Ты останешься? В академии? Чтобы я мог тебя видеть чаще, чтобы мы могли обедать вместе, валяться на диване у меня в перерыв. Пойдешь в аспирантуру?

Я со вздохом отстранилась.

– Мне нравится академия. Здесь было весело и здорово. А идея обедать и валяться на диване в твоём кабинете не может не приводить в восторг, но... я хочу работать. Я столько лет зубрила все эти экзамены, зачеты, делала курсачи и семестровки с мыслью, что закончу академию и буду настоящей смертью! Назло всем, кто говорил, что добра из меня не выйдет. Да что там, я три диплома написала ради этого! Возможно, когда-нибудь я и захочу написать диссертацию, пойти преподавать. Но пока что я хочу на работу. Понимаешь?

– Понимаю. – Макс снова привлек меня к себе. – Какой отдел тебе нравится? У меня есть знакомые везде. Организую тебе собеседование вне очереди.

– Дай подумать... есть там отдел для жертв некромантов-неумех? А для почивших по вине сект? А...

Мы так громко смеялись, что из-под лестницы нас выгнала уборщица. Та самая бывшая смерть, в наказание вынужденная каждый день мыть коридоры академии. Хелен еще свезло, она делала это всего семь месяцев.

– Джульетта, можно тебя попросить кое о чем? Раз уж ты уходишь от нас в свободное плавание.

Разве можно отказать мужчине, который так смотрит? И так целовался минуту назад? Если бы я знала, на что согласилась!

В народе говорят: «Если заходит смерть и, увидев тебя, судорожно начинает косить траву – значит, ты плохо выглядишь». Это про адептов. В большинстве своем все группы сдавали мне зачет быстро. Автомат тем, кто был активен на парах. Один вопрос тем, кому не хватило до автомата совсем чуть-чуть. Два вопроса всем адекватным и два вопроса с дополнительными – тем, кто совсем не рубит. Хотя как

можно не рубить в общеобразовательной теме? Жить вместе с кракеном на дне Стикса?

– Там я еще к тебе отправил группу кицуне, – сказал Макс перед зачетом.

– Что? Какие еще лисы-оборотни? Это не наш профиль!

– Должники это. С кучей хвостов. Целая группа набралась.

Оставила их на десерт, все равно моя семья в полном составе вдруг решила отметить диплом и в ресторане меня ждали лишь к шести. Времени – вагон, хоть на второй зачетный круг заходи.

Первый зачет и первый слезоразлив.

– Ну по-по-по-пожалуйста! Я ведь знаю на пять, просто волнуюсь, – делая губы сковородником и вытирая глаза, выла Нина нового набора.

Я бы, может, и повелась. Жалко девочку. Но...

Во-первых, я училась с такой же дамой, и меня эти сопли всегда бесили. А уж после того, что Нина устроила, я и вовсе не переносила подобных экземпляров. Даже тот факт, что в наказание у нее навечно отобрали косу и отправили работать на конюшни, несколько не утешал. Я, значит, ночи не сплю, учусь, а эта слезу пустит – и пять?

Во-вторых, глаза у девушки были без косметики. Весь курс она красилась, а тут ни грамма. Значит, заранее знала, что придется реветь, и, скорее всего, даже не пыталась учить.

– Ну что вы. Хватит плакать. Второй этаж, соседей залъете, – вздохнула я.

Еще один студент, получивший недопуск по поведению, бурно выражал свое недовольство:

– В чем бы вы меня ни обвиняли, я невиновен! Это не я открыл все клетки в живом уголке! И не я затопил женский туалет на втором этаже! Меня подставили, вы не можете не допустить меня!

– Да? А кто к расписанию сессии сделал приписку «Смерть уже идет за тобой»? Думаешь, преподавательский состав во главе с ректором не может сличить два образца почерка? Так давайте пригласим сюда целую комиссию, у меня как раз есть одна на примете. Наверняка еще недалеко ушла, часа три всего прошло.

Третья пошла ва-банк:

– А у меня есть фото, где твой жених развлекается с музой.

– Ну так и шантажируй его, чего ты ко мне привязалась?!

Этой девице я мстительнее всего шлепнула «неуд». И запомнила на всякий случай. На самом деле единственная муза, с которой мог развлекаться Макс, – это бабушка. Но развлечением их общение может обзвать только глухонемой придурок с хорошей фантазией.

Кажется, я поняла, почему столы в аудитории равноудалены от стола преподавателя. Уже на середине этой хвостатой группы мне захотелось кому-то двинуть. Но увы, расстояние от моего стола до стола ближайшего адепта было равно длине древка косы.

Я выползала из академии с совершенно четким ощущением, что решение, принятое днем, было не просто правильным, а самым гениальным в моей жизни!

Итак, обновленный список главных героев нашей ненормальной истории.

Максимилиан Смерть – всадник апокалипсиса, действующий ректор Академии смертей. Красив, умен, воспитан. Почти женат.

Морис Мор – всадник апокалипсиса, друг Максимилиана, счастливый отец невесты в перспективе.

Феликс Голод – самый четкий всадник апокалипсиса, но, в общем-то, неплохой парень. Пишет кандидатскую под руководством Мориса и мечтает заменить коней всадников на мопеды. Но Макс почему-то против.

Передвижная деревня, все в том же составе. Мама невесты, Стефани Мор, и бабушка невесты, муза Мельпомена. Подозрительно притихли, вероятно, готовятся к главной битве года: драке на свадьбе любимой Джули.

Харон и Лора – самая эксцентричная парочка среди бессмертных. Но, подозреваю, самая счастливая из всех мне известных.

Офелия Мор – приставучая младшая сестренка, посланная Вечностью, чтобы обламывать Максусу секс и просмотр футбола.

София Жизнь – приторная до зубовного скрежета, «аист» и пискля, но не самое страшное зло на свете. Иногда ее даже можно позвать на ужин, если вы не боитесь уснуть прямо в тарелке, потому что ее муж – жуткая зануда.

Аид и Персефона – еще одна парочка, достойная упоминания. На каждый праздник шлют поздравительные открытки с немного виноватым текстом. А Деметра осваивает переходы, потому что отныне Персефоне нельзя подниматься на поверхность. По крайней

мере пару сотен лет, дабы убедиться, что предательские наклонности искоренены.

Кракен – верный друг, отличный морской гад и самый харизматичный хранитель волшебной апокалиптической трубы.

Ну и, конечно, Джульетта Мор. Невеста Макса, дочурка Мора, подружка Лоры и любимица кракена. Ни у кого из бессмертных не будет такого дурдома на свадьбе, это я могу гарантировать.

Но самое главное, что Джульетта Мор, то есть я, выпускница Академии смертей.

Эпилог

Я взбежала по ступенькам дома и задействовала весь шпионский опыт: приложила руки к стеклу и убедилась, что гостиная пуста. Мне жизненно необходимо хоть пять минут тишины! К счастью, передвижная деревня куда-то смылась, оставив после себя форменный хаос.

Но даже хаос мерк по сравнению с наслаждением от того, что я наконец легла и протянула ноги. В фигуральном смысле.

– Так-с, что тут у нас?

Любопытный нос тут же полез в разбросанные бумаги.

– Ага, брачный договор. Мура... сопли... нудятина. Так... «пока смерть не разлучит вас»... а смерть – в каком смысле? Какая-то ерунда, зачем бессмертным контракт? Денег у нас нет, недвижимость никого не интересует, а косы и коты не делятся. Бабушка, с ее страстью к смертным примочкам, немного заигралась.

– Милая! Джульетта, ты дома?

Я застонала. Ну что им стоило явиться минут на тридцать попозже? Ничего сильнее желания вздремнуть я не испытывала.

– Джульетта, ты где?

– Да вот читаю ваш сценарий свадьбы. Меня не покидает ощущение, что бабушка путает ее с постановкой «Женитьбы Фигаро». Бабуль, я понимаю, что свадьба – дело торжественное, но нафига было вешать на мою косу ленточки и воздушные шарики? Сделала из инвентаря посох Деда Мороза.

Бабушка только отмахнулась:

– Их некуда было повесить. Давай вставай, твое платье принесли! А еще надо купить букет, который ты будешь кидать. Учти: желательно, чтобы его поймала одна из твоих незамужних кузин.

Видимо, моя улыбка вышла очень многообещающей, потому что бабушка с подозрением прищурилась и сказала:

– Ладно, сама куплю. С тебя станется заказать его у Гефеста.

Зачем такие сложности? Уж лом в кустах и орхидеях я и так спрячу.

– Белое платье?! – ахнула я, открыв коробку. – Мама, я – смерть! К чему эти традиции?

– В джинсах и футболке ты замуж не пойдешь! – отрезала бабушка.

Что общего между куклой-невестой и покойником? Они оба в коробке и в белом.

– Ай! Больно!

– А кто вчера шоколадку сожрал? Вот и расплачивайся. Выдохнула!

Похоже, я сама сейчас стану ответом на эту загадку. Есть нельзя, пить нельзя, дышать, по ходу, тоже. Ай, и голову не повернуть! Складывалось ощущение, что мама в детстве недоиграла в куклы и сейчас дорвалась.

Может, по ее замыслу, подготовка к свадьбе должна была напоминать смертную легенду о рождении Афродиты, но по итогу получилась авария на заводе отравляющих веществ. Ведь нет в мире страшнее монстра, чем женщина в процессе наведения красоты.

Бигуди, маски, не растушеванный контуринг...

И кучи одежды: то пошла стрелка по чулку и он, запущенный психованной хозяйкой, повис на люстре, то туфли убраны от Цербера повыше. Про запах спреев, лаков и духов и говорить нечего.

По мне, за все то время, что делали романтическую прическу, можно было покрасить волосы и собрать в башню! Но никак не просто расчесать и завить. Кузина и сестра страдали молча. София вообще воображала себя дембелем и с ехидной усмешкой наблюдала за мытарствами несчастной меня.

Зато их платья грели мою душу. Цвет пыльной розы, многослойная шифоновая отрезная юбка и верх с длинными рукавами, полностью расшитый пайетками. Грубый и циничный папа обозвал эти платья «Грудь?! Ау!».

Кстати, о платьях... Мое стояло в центре комнаты, как елка у смертных на Новый год, и что-то мне подсказывало, что по количеству украшений елка ему проиграет с бо-о-о-ольшим отрывом. Оно разве что не мигало. Хотя на солнце три тысячи бусин явно должны изобразить какую-никакую игру света. Единственной моей победой было то, что общими усилиями мы отвоевали у мамы право не

надевать мини-корону. Не хотелось бы прослыть шальной императрицей.

Я в очередной раз на глаз примерила диаметр юбки и ширину дверного проема. Кажется, коварный замысел мамы разгадан. Она не хочет отдавать меня замуж и сделает все, чтобы я даже из комнаты не вышла. Недаром мне первоначально предлагали фасон «русалочий хвост», в котором я могла только семенить.

– Смотри вверх! Может, еще успеем ей реснички нарастить?

Да что уж там! Давайте и прикус исправим, время-то есть! Меня жених хоть узнает?

– Нарастите ей грудь, – посоветовала Офелия.

И гнев мамы обратился к сестре:

– Ты почему еще не одета? Быстро причесываться!

Есть-то как хочется... Я уже букет готова сжевать, но опасаясь, что корсет лопнет. Зато мама искренне кайфует, будто она замуж выходит.

– Окно прикройте! Дует. – Она обмахнулась ежедневником. – Надо было зимой свадьбу играть.

Наконец меня оставили в покое и убежали доводить мои проводы замуж до идеала. А именно: мама побежала проверять, осыпали ли лестницу лепестками роз. Да... Высоченные каблуки, огромная юбка и невозможность опустить голову из-за прически прекрасно сочетаются со скользкими цветочными лепестками. Я хоть здорова останусь?

– Джульетта, напомни мне, если у нас будет дочь, высадить под ее окном плющ. Будущий зять не должен страдать, как я, – услышала я от окна.

– Макс! – Я кинулась к нему и помогла жениху забраться в комнату. – Ты что творишь?!

– Спасая себя от второго часа подбора бутоньерки... и я видел у Мельпомены список земных конкурсов на свадьбу. Не хочу танцевать в тазу... Ты ведь меня спрячешь? Вау, какая ты...

– Замученная! Замученная я. Только девять утра, а я уже жалею, что согласилась на свадьбу.

Хоть порыдать можно и, как мне вчера сказали на девичнике, нужно. Мой макияж возьмет только «керхер», заправленный двухфазной мицеллярной водой.

– Раздевайся! – решительно приказал Смерть.

– А не рано? Я потом не оденусь, потерпи до брачной ночи!

– Хочешь, чтобы на каждой фотографии я пояснял детям: «Вот справа торт, а слева мама»? Давай быстрее. Если эти две страшные женщины вернуться, мне не сдобровать.

Не беспокоясь о сохранности платья, я выпуталась из него и быстро впихнулась в джинсы и футболку. Заодно, прикинув количество шпилек в голове, начала распускать прическу.

– Готова? Бежим!

– А нас не хватятся?

– Хватятся. Минут двадцать будут искать тебя, десять минут канаться о том, кто сообщит мне о твоём побеге, двадцать минут будут искать меня. Ну и еще минут тридцать искать нас вместе. Успеем до китайской границы, а там политическое убежище дадут.

Макс открыл портал, и мы оказались в уже знакомом мне торговом центре. Что-то посмотрев в смартфоне, Макс потянул меня к лифтам. Наверное, мы колоритно смотрелись вместе. Мужчина в костюме-тройке при галстуке и девушка в драных джинсах. В глазах продавщиц в свадебном салоне, куда меня привел Смерть, так и читалось: «Она украла жениха со свадьбы? Или жених сбежал с этим?»

Однако платиновая карточка в руках Макса превратила эти вопросы в приветливые улыбки. За мое преображение они взялись с утроенным энтузиазмом. Первые три платья а-ля мамин выбор я забрала еще на вешалке. Рыбий хвост сел идеально, но мне хотелось потанцевать и подвигаться.

Наконец мне принесли его, платье моей мечты. Из белоснежного, особым образом обработанного хлопка, с объемными рукавами и открытыми плечами, с юбкой, скроенной по косой до середины икры. Легкое и воздушное!

– А теперь ты раздевайся!

– А как же ждать до брачной ночи? – усмехнулся он.

Макса по итогу я заставила купить себе джинсы, галстук отправился в помойку, пиджак я, так и быть, разрешила оставить.

Купив по дороге букет пионов, мы открыли портал во дворец. Успели вовремя, никто даже не напился.

– Макс! Джульетта! Вы где были?!

Когда цветные пятна от перемещения в глазах прошли, я обнаружила вокруг всех гостей в довольно воинственном виде. Особенно поразила мама, вооруженная струной от лютни, причем по струне пробегали нехорошие голубые блики. За спиной мамы, как-то подозрительно близко для свободного разведенного мужчины, стоял отец. Но самое удивительное это то, что папа периодически опускал глаза и с довольным видом заглядывал в мамино декольте.

– Вы жениться будете или нет? – закатила глаза Офелия. – Регистратор ждет!

– Идем? – Макс повернулся ко мне.

Я вздохнула, вкладывая свою руку в его. Мама недовольно поджимала губы, а еще прижималась к папе, и в душе поселилась робкая надежда, что у них все еще может быть впереди. Что такое пара лет для бессмертных?

Бабушку тоже вряд ли обрадовал мой побег за нормальным платьем, но она принимала все невзгоды судьбы с поистине титаническим спокойствием. А может, дело было в бокале мартини, который она притащила с собой во дворец.

Со стороны Макса не было никого. Незадолго до свадьбы, когда обсуждали список гостей, он признался, что сирота. Я не стала спрашивать: любое сиротство среди бессмертных – обязательно трагедия.

– Ты станешь моим первым близким человеком, Джульетта Мор, – сказал тогда он, расписываясь в заявлении.

Я много думала об этих словах, но так и не решила, принесло это признание больше ответственности или больше гордости. Но быть для кого-то единственным близким очень приятно. Возможно, мне стоит прожить с ним пару сотен лет, прежде чем я пойму, как можно предать мужчину, которого любишь, но пока что это для меня тайна, покрытая мраком.

– А у тебя есть план, как сбежать от конкурсов с ползунками, тазиками и бананом? – шепотом спросила я, когда мы шли к арке.

– О да. Поверь, им понравится.

Я люблю их. И папу, и маму, и даже Фельку с Софией. Но порой больше всего на свете хочется шума прибоя, золотого заката, сладкого вина и одного-единственного рядом.

Только пусть этот единственный в ближайшее время не воскрешает мертвецов и не назначает передачи. Иначе я за себя не отвечаю.

Прием-прием, Катастрофа вызывает Капец. Где там моя обручальная коса?